

ШІІІ>ШІІШ

ХОАО<К

KIMIKO

Дроздов всю жизнь работал психиатром и считал, что только психам мерещатся потусторонние миры. А посетителей мира меча и магии можно заметить в шапочках из фольги. Но когда над ним склонилась фигурная эльфийка, а сам он оказался в теле юного короля магов, Василий Петрович был готов поверить во что угодно.

— Василий Петрович!

От неожиданного окрика, Вася ударился коленом о столешницу, выронив из рук небольшой пузырёчек. Таблетки брызнули в разные стороны, покотившись по всем доступным поверхностям. Осмотревшись в панике, мужчина съехал со стула, принимаясь сгребать таблетки с пола, но лишь пуце их раскидывал.

— Ва-асилий Пе-етрович! — хватаясь за ручку двери, звала старшая медсестра этой богадельни. — Вы там оглохли, Дроздов?

В последний раз ударившись затылком о столешницу, мужчина скинул собранные таблетки в сумку, в последний момент швыряя пузырёчек в мусорное ведро.

— Бога ради, Петрович, тебя уже полчаса ждут!

— Мариночка, — обратился доктор к медсестре, хотя та ему в матери годилась, — я занятой человек. Ещё немного подождут, ничего с них не станется.

— Ну вы-то все равно не затягивайте, — скривила ярко накрашенный рот женщина, всей своей тучностью налегая на хлипкую белую дверь. — Ждем вас.

С пару секунд позалипав в одну точку, Петрович дернулся, выбегая в коридор и бросая в след медсестре:

— Мариночка, а кто ждет-то?

Узнав, что к ним привезли пациентку с областной, Вася обещал прийти через минутку. Войдя в кабинет, он сунул руку в сумку, доставая небольшое колесико. Руки тряслись, мужчина смотрел на таблетку, словно на самое большое сокровище мира. Глотнув вязкую слюну, доктор задумался и достал ещё три колесика, убирая их в карман. С сумкой он разберется позже.

Скоро начнется обед, так что он вполне может позволить себе разлечься на диване своего кабинета и...

— Ва-а-асилий Петрович! — переходя на визг раздался ненавистный голос вновь.

Бросив в карман ещё и ключи, Вася вылетел в коридор, громко топая в приемный кабинет. Полы его халата развивались, демонстрируя черные потертые джинсы. Мужчина влетел к небольшой светлую комнату, махнув всем остальным выметаться. Склонившись над бланком, единственное, о чем он думал, это заветные таблеточки. Тяжело вздохнув, Василий поднял голову:

— Значит так, Ксения, — он устало смотрел на девушку двадцати пяти лет, что посматривала не только на него, но ещё и на соседнюю стену. — У меня совсем не много времени до обе... до следующего пациента. Давайте начистоту, вы поступили с областной больницы, где терапевт отметил у вас... — он сверился с бланком, — суицидальные наклонности, бред, да и сильные галлюцинации в придачу.

Девушка заломила руки и, зыркнув на стену, помотала головой.

— Совсем нет.

— Значит, никто сейчас не диктует вам, что говорить? — усталые темные глаза с мешками под ними выражали легкое раздражение.

Глянув на стену в очередной раз, девушка полезла в сумочку:

— Разве что, мой любимый город Хабаровск, — она положила на стол небольшой белый конвертик.

Придвинув к себе взятку, Василий Петрович заглянул внутрь, удовлетворительно хмыкнув. Пятитысячные, его любимые. Порядка шести штук, как-то маловато.

— Будь у вас просто суицидальные, — похмыкал доктор, — Хабаровский край затмил бы это своей красотой. — Но, видите ли, бредовое расстройство или шизофрения несут непосредственный вред не только вам, но и окружающим. Вы завтра пырнете своего парня, а в тюрьме мне сидеть.

Глянув на стену и о чем-то даже перешептавшись с невидимым никому собеседником, Ксения снова полезла в сумочку, пододвигая ещё один конверт.

— Это, конечно, всего лишь Владивосток, но он тоже очень красив, — с нажимом проговорила девушка, придерживая похудевшую сумочку.

Дроздов хмыкнул, но уже куда расположеннее. Вот так он за десять минут поправился на примерно пятьдесят тысяч.

— Два моих любимых города, — улыбнулся он, на мгновение позабыв о жутком треморе и ломке. — Ну, что ж, кажется, никаких симптомов я не нашел. Что там в этой областной им не понравилось? Сказочники такие!

Ксения поддержала его улыбку, вставая и пожимая руку доктора.

— Спасибо, спасибо вам! Моих детей бы отправили в детский дом! — она повернула голову влево: — Идем, скорее.

Когда она ушла, Василий Петрович быстрым шагом направился в свой кабинет. Заперев дверь, он первым делом бросил в рот все четыре таблетки, прикрывая глаза. Наконец, ну наконец! Последнее время он никак не мог дождаться обеденного перерыва. Теперь у него было около двадцати минут до начала действия. Он лежал, смотрел в потолок и считал секунды.

Раз...

Два...

Три...

Четыре...

— Твою мать! — он дернулся, когда на столе зазвонил телефон. — Кого там черти принесли?

Василий не вставая перетянулся через пространство между мебелью, едва дотягиваясь до айфона. Победно сжимая девайс, он выровнялся, поправляя непослушные темные волосы.

«Серый». Вот же, как не вовремя ему звонил дилер.

— Да, Серый, у аппарата.

— Док, привет, — в трубке донеслись смесь голосов. — Надо встретиться.

— Брат, я принял только что, мне бы полежать, — уклончиво ответил Дроздов. — Серьезно все?

— Ты мне за последние четыре раза не платил, — напомнил дилер, слегка понижая голос. — А у меня тут клиент серьезный, ему нужно аптечное. Подсоби, а я засчитаю за те разы.

Тяжело помассировав виски, Василий выдохнул:

— Ну, добро, добро. Подъедешь к Магниту на повороте?

— Давай сразу за мостом, мне потом в другую сторону, не хочу застрять на кольце опять.

Дроздов понимал, что времени на прогулку у него нет. Вылетев на улицу, он остановил такси, бросив водителю двушку из второго конверта. Но, встав в пробку на мосту, таксист

только разводил руками, мол, что он может поделывать? А Василий Петрович постепенно начинал чувствовать, как тело перестает слушаться. Сознание отделялось, Фенциклидин всегда вызывал сильные галлюцинации. Конечности стали онемевать, и Вася понял, что нужно срочно выбираться из такси. Иначе водила отвезет его куда-нибудь в участок.

— Ладно, дойду, — бросил он, едва вываливаясь из машины.

Ноги заплетались, постепенно наступала его любимая беспечность и её верная подруга расслабленность. Едва передвигаясь, мужчина вышагивал по мостовой, держась за поручень. Машины гудели, сигналили, кто-то кричал. Василий пытался уловить суть происходящего, но он уже начал терять ход мысли, не в силах концентрироваться.

В один момент все как-то закружилось, поплыло, вокруг стали появляться люди. Раньше такого с ним никогда не случалось, но Василий Петрович ощутил, как тепло стало в штанах, разливаясь все ниже. Небо вдруг совершило вираж, а река стала как-то стремительно приближаться.

Он ударился всем телом о водную гладь, чувствуя, как из легких выбило воздух. Не будь он на кетамине, давно бы сдох от боли. Но так Василий лишь сильнее старался заработать конечностями, что слушаться не планировали. Он камнем шел на дно, чувствуя себя блохастым котенком, которого неудачливые хозяева сунули в мешок.

Все начало темнеть, как вдруг сильные руки подхватили его тело, потянув наверх. Василий Петрович только смотрел вниз, не понимая, что вообще происходит и как к этому пришло.

Его выкинули на траву, а сверху навис человек, что-то шепча и размахивая руками. Вася застонал, не понимая, почему вокруг так темно, только что ведь был день. Чьи-то небольшие ладошки с изящными ногтиками гладили его по волосам, а потом Дроздов заметил и нависающую над ним обладательницу этого маникюра. Узкий подбородок, пухлые подрагивающие губы, голубые, полные слёз глаза. Из-под странной прически выбивались два эльфийских уха, а серьги свисали так низко, что...

Подождите.

Что?!

Он рывком сел, как вдруг эта дама обняла его, прижимая к подрагивающей груди:

— Мой король, мы так волновались!

Василий Петрович тяжело вздохнул.

Фенциклидин, Фенциклидин... Что ты творишь с людьми? Нет, он, конечно, и раньше видел всякую чушь несусветную, но в этот раз галлюцинации превзошли все ожидания. Вася осматривался, пока его кутали в мягкое одеяло. Рядом вился какой-то мелкий светловолосый пацан, на вид лет одиннадцати, виновато кривя смазливую мордашку.

Толпы слуг, рыцарей, каких-то колдунов. Та самая эльфийка, прижимающая руки к груди. И, что самое главное, совершенно незнакомое ему место. Зеленая поляна, а чуть дальше — почти черная гладь озера, над которым возвышался обрыв. В небе висело три луны — два полумесяца и полноценная. Россыпь звезд заставляла голову кружиться пуще прежнего. Какой там Млечный Путь! Да тут все было таким ярким и пестрым, что он будто вновь очутился в белых ночах Питера.

Да, в жизни так не накрывало. Может брак? Хотя выглядит неплохо.

Один вопрос: а когда его отпустит?

— Простите меня, мой король, — девушка снова подбежала к Василию Петровичу, вытирая хлопковым платочком ему лицо. — Что-нибудь болит? Как вы? Что я могу для вас

сделать?

Ничего лучше не придумав, Дроздов пожал плечами и поднял руку. Это его галлюны, что хочет в них, то и делает! Конечно, странные они до одури, но ему грех жаловаться.

Его ладонь легла на левую грудь девушки, слегка массируя её пальцами. Та удивленно опустила глаза, и Вася тоже последовал за её взглядом.

Его, когда-то огромная волосатая рука превратилась в детскую.

— О, Господи... — выдохнул он, в один момент не узнавая и свой голос. Да он ещё и сломаться не успел! — Я... — он закашлял, хватаясь за шею... обтянутую белым жабо. — Черт! Что это! А-а-а-а!

Детским надрывным голоском это звучало куда комичнее, чем привык Василий Петрович.

— Что там? — девушка полезла ему под шею. — Давит? Король Лукас, прошу не дергайтесь!

Позволяя поправлять ему воротник, Василий Петрович округлившимися глазами смотрел на происходящее. Как его садят в телегу, как светловолосый мальчишка остается позади, сбивая палкой головы одуванчиков.

Все это выглядело, конечно, эффектно, но Дроздов все задавался вопросом: когда же это закончится.

Это ведь не может длиться вечно!

Н-не может ведь?..

Ни через два, ни через три часа его так и не попустило.

Что самое жуткое, не попустило и через пару дней. Петрович с трудом узнавал об этом странном месте все больше, понимая, очевидно, новым, не тронутым наркотиками и алкоголем, мозгом, что это совершенно другой мир. Отличный от прошлого.

Как вышло, что он в нем очутился, Вася так и не догадался. Он предполагал, что его унесло подземными водами куда-то в полную веселящего газа комнату, где его мозг теперь беспрерывно галлюцинирует. Другой вариант был в том, что подобно китайским мультикам, он действительно реинкарнировал, да ещё и в пацана другой вселенной. Мужчина силился вспомнить, было ли что-то подобное в «Гарри Поттере» или «Наруто», особо фэнтези он больше не припоминал, но в голове было совершенно пусто.

Сошелся Дроздов на том, что, возможно, его мозг повредился из-за высокой дозы и постоянного употребления, и теперь он, прикованный к кровати, пялится в окно, пока на другом слое сознания воспроизводится вот такая «реальность». В этом случае, у него больше нет выхода, кроме как поддаться течению этих галлюцинаций. Все-таки, это всем лучше, чем... Господь, да чем все, что только можно придумать!

Василий Петрович пока не много сумел узнать об этом мире, но с каждым днем пополнял запас своих знаний. Как он понял, они находились в королевстве Люценс, единоличным монархом которого он являлся. Родители его погибли полгода назад, при атаке вооруженных грабителей. У него остались брат и две сестры. И тот светловолосый парень с виноватым видом, оказывается, и был его родственничком, младше на десять месяцев.

Его звали Адам. Это Василия позабавило, Адам, вроде как, первый человек, что же они его именем назвали только второго сына? Но в остальном этот пацан не был таким смешным, он вечно лазил поблизости, пытаясь Дроздову палки в колеса вставлять. К своему

новому имени тот ещё не привык, слишком странно было откликаться на Лукаса — словно он снова в театральном кружке, играет в Ромео и Джульетту.

Что ещё немаловажно, этот мир носил в себе магию, что очень интересовала несчастного попаданца. Вообще все в этом месте казалось ему каким-то увлекательным, особенно, после каждодневной рутины, разделяемой только приемами новых таблеток и встречами с дилером, у которого всегда было, чем его удивить. А здесь...

Чего только стоила милая служанка, нет, его личная нянечка. Её ушки добавляли ей какой-то таинственной изюминки, хотелось увидеть её в каком-то неземном одеянии, а может... и без него.

— О чем задумались, мой король? — спросила та самая девушка, Ланса, пока парень завтракал, неспешно вонзая зубчики вилки в ни в чем не по винные фрукты. — Вас что-то тревожит?

Вася задумался, склонив голову набок. У него прекрасный жизненный опыт, опыт не только полноценного взрослого человека, но ещё и психиатра, умелого и искусного. Хотя... он окинул девушку придирчивым взглядом, с ней это и не понадобится.

— Ланса, я... чувствую легкое помутнение сознания, — он откусил кусочек дыни, почувствовав, как сок заструился по подбородку. Ланса тут же подлетела с тканевой салфеткой. — Ты понимаешь, после того случая на озере... Память подводит меня.

— О, Лукас, — нянечка охнула, ласково погладив его по волосам. — Чем я могу вам помочь? Позвать доктора?

«Позови этого шарлатана», — про себя усмехнулся Василий Петрович. Хотя, если это мир из его воображения, будут ли все врачи там столь же образованы, как и он?

— Нет, нет, — неспешно ответил он, глядя на пятно сиропа, растекающееся по белой скатерти. Да, аккуратным он никогда не умел быть. — Просто... ты не могла бы изредка отвечать на мои, немного странные, вопросы?

— Конечно, мой король, — поклонилась та и встала сбоку, готовая к допросу. — Когда вам будет удобно.

— Сейчас отличное время, — улыбнулся Дроздов, отметив, что пока он чувствует себя как сыр в масле. — Почему у тебя такие ушки?

Девушка мгновенно вспыхнула, хватаясь руками за уши и прикрывая их. Она бегала глазами по столовой, словно пытаясь найти лазейку для побега.

— М-мой король, я не думала, что вы позабыли такие вещи...

— Просто расскажи, — надавил парень.

— Ну, — та смущенно вздохнула, — я наполовину эльф, ваше величество. Мой папа им был.

— Должно быть, ты горда этим?

— Что?.. — Ланса испуганно отшатнулась. — П-простите, мой король, я была права. Нет, конечно нет. Я понесу любое наказание. Я не смела произносить в вашем присутствии этих слов.

Дроздов устало съехал по стулу. Ну и дерьмо. Похоже, ему придется даже со слугами вести себя сдержано, словно он все ещё в «своем» уме. Хотя, раз Лансу он уже довел до первых слез, можно особенно на её счет не заморачиваться.

— Перестань, Ланса. Прошу, присядь на стул и просто расскажи мне все на эту тему. Я спрашиваю, не для того, чтобы поиздеваться. Мне нужны ответы.

С опаской, готовая к розгам, девушка села, заломив руки. Она смотрела в стол.

— Так значит... вы и вправду ничего об этом не помните?

— Ни слова.

Она сглотнула, рассказывая:

— Эльфы недостойны. Мы грязны, уродливы и глупы. Только благодаря чистой крови матери я имею право прислуживать магам. Проклятая эльфийская кровь делает таких, как я, выносливее, сильнее физически. Так я могу делать хоть что-то полезное. Мне не нужен сон, не нужна еда. Только служба вам.

Дроздов постучал пальцами по столу. Так, значит, в этом мире меча и магии есть не только люди, есть маги и эльфы. Прислуживая магам, она... «Погодите, а я, выходит, тоже не пальцем деланный?!».

— Значит, и я маг? И что я могу?

Ланса как-то замаялась, вставая и сминая в ладошках свою юбку.

— Все дети семьи Драммонд — маги. Просто вы пока ещё не открыли в себе этот талант. Говорят, в самых сильных, мана сокрыта глубоко внутри и ей требуется больше времени, чтобы пробиться.

— Хм, а, значит, мой младший братишка, Адам, магичит во всю? — уточнил Лукас, упираясь подбородком на сложенные в замок руки. — Так вот за что он меня ненавидит?

— В ваших отношениях все куда сложнее, — неоднозначно вздохнула девушка, принявшись разбирать со стола бесконечное множество пиалочек. — Но да, он уже пробудил свои силы. Адам — маг света.

— А мои сестры?

— Лилия и Нерель — обе пробудили дар, — кивнула нянечка. — Хотя младше вас на два и три года соответственно. И... вам уже пора.

— Куда это? — удивился Василий Петрович, решивший, что в своем воображении, только он сам будет решать, когда и куда ему пора.

— На уроки, — пожала плечами Ланса. — Иначе так и не пробудите свои силы.

Глава 2

Новый мир казался Васе довольно спокойным, размеренным. Ему нравилось, что здесь он больше не тот человек, которым был раньше. Никто здесь не знает его как мужчину с тяжелой судьбой, хотя... и в его мире его принимали за однобокого, пустого человека. Его коллеги, знакомые, просто гости мира Василия Петровича, считали его снобом, отпетым мерзавцем и лишенным человечности подлецом. И так оно и было!

Видит Бог, Вася никогда не был святым. Он совершал то, за что гореть ему в аду, но никто из сотен встречающихся на его пути душ, не пытался понять глубину его проблемы. Будучи психиатром, мужчина часто ломал голову, рождаются ли люди мерзавцами или становятся ими в виду обстоятельств?

Он встречал и первых и вторых, но безусловно относил себя к последним. Ребенком-то он был славным, правда, лишенным многого из того, что должны иметь дети. И сейчас он вспоминал это уже с трудом, морща нос на каком-то скучном уроке. Да, здесь никто не узнает, ткнув его в это носом, что он из прекрасной семьи, единственный неблагополучный ребенок.

Лукас потряс светлыми волосами, поднимая влажные глаза на учителя. Тот скользил морщинистой рукой по карте, описывая круги по трем континентам. Землям магов, диком лесу простых людей и... пустынной земле, брошенной богами. Теперь у Петровича было ещё и представление о местной географии, он быстренько запомнил примерное положение его владений — название столицы, реки, протекающей вдоль, и горного хребта сразу позади королевства. Где-то в том районе жили дикари. Интересно.

Рядом с ним за партами сидели ещё пять мальчишек, одним из которых был его братец. Так странно, но Дроздов ловил себя на мысли, что это мало отличается от его прошлой семьи, разве что родители его живы здоровы и ещё с полсотни лет будут досаждают ему и присылать открытки, напоминая в них, какое же он ничтожество. Погодите...

А вот и не будут!

Теперь он мальчик маг, Петрович вслух рассмеялся, не в силах выдержать комичность момента. Наркоман он старый, мальчик маг, ой, ну и поплыла кукушечка...

— Лукас? — учитель убрал руки за спину расписного халата. Его серые глаза под седой челкой волос выглядели рассерженными. — Неужели вы решили, что уже достаточно умны, чтобы срывать урок?

— Ну, — почесал затылок Дроздов, — поумнее вашего.

Раздался несмелый смех. Ребята, явно из знатных приближенных семей, наверняка впервые в жизни сталкивались с подобной дерзостью.

— Вы в своем уме, молодой человек? — учитель махнул рукой, отчего из-под его пальцев вырвался легкий поток ветра, перелистнувший страницы на столах учеников. — Неужто власть ударила вам в голову?!

— Я от горшка-то два вершка, — вальяжно развалившись, хмыкнул мужчина, — но смогу ответить на ваш любой вопрос. По теме, учитель.

Василий Петрович не блефовал, скучая, он ещё и успел от корки до корки прочесть весь фолиант. По сути, там были очень скудные познания, то, что в нынешних школах дети ещё в детском саду узнают.

Откашлявшись, учитель указал пальцем на карту:

— Что это?

— Горный перевал, — равнодушно пожал плечами Дроздов, качая ногой. Лукавит старик, об этом в книжонке не писали. Зато он в седьмом классе по этой теме доклад сдавал. Вот, что воспаленный мозг с людьми делает! Имя свое забывать стал, а херню всякую — так наизусть помнит! — Где пониженный участок горного массива. Если попроще, то удобные тропинки для прохода через горы. Да и разные они бывают, эрозионные там, ледниковые.

Гордый собой, Лукас зыркнул на учителя, что стоял весь красный, словно его вот-вот удар хватит.

— Что такое, учитель? — похлопал глазами Дроздов. — Я в чем-то неправ?

— Будьте вы хоть трижды король... — сквозь зубы процедил старик. — Я не позволю проявлять такое неуважение!

— Тоже могу сказать и о вас, — Лукас вальяжно встал, совершенно плевав на местные порядки. — Я здесь главный. И ты, учитель, должен помнить с кем говоришь. Постарайся в следующий раз быть несколько вежливее. До встречи, потом проверю, как ты подготовился.

Василий Петрович чувствовал себя живым спустя столько лет, раскачиваясь на веревочных качелях над обрывом. Его волосы развевал ветер, трепал одежду, забивался за шиворот. Что могло быть лучше, чем поставить на место старого гримзу, решившего, что он умнее всех?

Вообще, Дроздов не собирался прозябать, ему было интересно использовать свой интеллект здесь, превратить свои знания во власть. И было неважно, ребенок он или взрослый — главное, что он знает как управлять людьми. Да, пока он осваивается, узнает местных поближе, выискивает грань дозволенного. Ему лишь нужно время, чтобы в полной мере подчинить себе этот мир.

О Боже, он ведь говорит, как классический пациент с манией!

Ну, что ж, такова сейчас его жизнь. Новый поток воздуха, новые возможности. Здесь он точно не будет таким, каким он был там. Одиноким больным человеком, лишенным собственного света и отрезанных ещё в детстве крыльев.

И ничего не помешает ему их здесь обрести.

Пусть это и его шиза.

Заскучав на улице, Дроздов ринулся изучать свой замок, с завидным интересом суя нос за каждую дверь. Для него это было исследованием, полным загадок и поджидающих за поворотом неожиданностей. Взяв из класса черчения бумаги, циркули и линейки с карандашами, Лукас рисовал план здания. В одиннадцатом классе он терпеть не мог это ужасное занятие, хотя... ему тогда было лишь бы девок помазать, да с пацанами посидеть.

И вот, в толще своих галлюцинаций, он чертил этаж за этажом, не забывая делать пометки, что интересного нашел. Теперь Вася знал где кухня, этаж слуг, библиотека и ещё множество всего интересного. Сильнее всего его порадовала удивительная находка — весь замок был полон тайных ходов. Они были за картинами, шкафами, потайными дверями среди кирпичной кладки. Правда, куда вели большинство из них — парень пока не выяснил.

Решив, что ему обязательно нужно узнать все тайны этого места, Василий Петрович закончил карту, пряча её в небольшой кармашек в штанах. Он вытер руки, из соображений своей безопасности, складывая все принадлежности в корзину. Её он планировал оставить в своей комнате, конечно, подальше от злых глаз. А таковых в этом мире имелось немало.

Пока он просто раздумывал, кого и как лучше всего привязать к себе. Конечно, он знал,

как это сделать психологически, но... может быть есть заклинание, способное подчинить волю людей? Да и вообще его очень интересовала вся эта сторона загадки, ещё не открывшегося в нем дара. Ну, как в нем... В Лукасе.

Каким был этот мальчик «до» — Вася не знал, но окружающие странно на него косились, спрашивали, что случилось с королем. Возможно, Лукас Драммонд был обычным двенадцатилетним ребенком, тяжело переживающим смерть близких. Да ещё и на него свалились все тяготы правления, хотя, честно говоря, Дроздов их особенно не заметил. Его пока ни о чем не спрашивали, к работе не принуждали.

Да, ну и жизнь у монархов.

То ли дело работа с психами. Что ни день — сплошное приключение! То буянит кто-то, то бредит. Самый жутковатый случай приключился с Дроздовым ещё на практике, когда он был совсем зелен и юн. Делал он ночной обход, как вдруг заходит в палату, а там больного-то нет. И не пахнет им! Василич уже и в общих комнатах, и на лестницах, и у охраны смотрел!

Кто его разберет, куда пациент деться мог? А тот, ну, не суицидник, просто с бредовым расстройством, обычно хихикает сам с собой, все розыгрыши мелкие делает, даже для самых маленьких не смешные. А тому хохотно, до колик. И вот Дроздов, весь в мыле, бегал по этажам, уже готовый поднимать переполох. Забежал напоследок в комнату посмотреть, может бедолага ударился, лежит сейчас на полу без сознания.

Прошел он, значит, через всю комнату, по открывал шкафы, проверил каждый закуток, ну и на измене выбегал. А тот его как схватил за ногу, да так, что Дроздов плашмя на пол рухнул. Разбил подбородок, язык прикусил. А пациент сидит под кроватью и хохочет!

Как же Василию Петровичу хотелось тогда прибить просто больного. Он почти был готов на него с кулаками бросаться, может оно и к теме было бы, но тогда он видел себя крайне профессиональным, сдержанным и милосердным. Даже ребенком, Васенька видел себя во врачевании, в помощи другим, но потом... все стало куда сложнее.

— Куда идешь? — спросил его тоненький девичий голосок, и перед Васей пресстали две чопорно одетые девочки, с такими же золотистыми волосами, что и у него.

— К себе, — растеряно бросил он, рассматривая, очевидно, своих названных сестер.

— Можно мы пойдём с тобой? — спросила младшенькая, держа подмышкой смешного плюшевого зайца. На ней было объемное, полное рюш и бантов, желтое платье. — Нам скучно.

Решив, что налаживать связи можно и с низов, мужчина улыбнулся и кивнул:

— Почему нет? Мы давно с вами не гуляли вот так.

— Да мы никогда так не гуляли, — беззлобно пожала плечами старшая, кажется, Лилия. Она была ровно в таком же платье, что и младшая, только голубом. — Ты же нас всех за людей не считаешь.

— Я? — удивился король, вздернув брови. — С чего бы вдруг?

— Ты же наследник, — явно подтрунивая протянула младшенькая Нерель. — Важный самый. Лилия хоть наместница, а я вообще... просто я.

— Так... а зачем со мной напросились? — задал логичный вопрос Дроздов.

— Мы слышали, что ты повздорил с учителем, — хихикнула Лилия, морща аккуратненький маленький носик. — Чуть не утонув, ты поменял взгляды на жизнь?

Василий Петрович кивнул. Эта Лилия... взгляд уж больно осознанный для девочки её возраста.

— Решил вот поменять все, — он протянул ей ладонь. — Новый Лукас, приятно познакомиться.

— А ты не думай, что мы так просто тебя простим! — хихикнула Нерель, но с удовольствием потрясла ладонь брата. — Ой, как-то... у тебя тут все изменилось...

Дроздов-то уже и позабыл, что натаскал к себе в комнату половину библиотеки и ещё кучу бумаг из классов. Теперь весь пол, стол и кровать были буквально усеяны свитками и картами, фолиантами и брошюрами. Он спешно ринулся все разгрести, а девчонки пока уселись в кресла, болтая ногами.

— Ланса! — позвала Лилия, очевидно, всю жизнь живя в этом месте, ориентируясь лучше Василия. — Принеси нам чаю!

Даже когда нянечка плюхнула на небольшой столик поднос с чашечками, заварником и тремя десертами, Лукас все ещё разгрест завалы бумаг. Спрятав их в тумбочку, шкаф и под кровать, он наконец упал на пол возле столика с подносом, сам разливая горячий напиток.

Нерель рассмеялась:

— Братик сошел с ума!

Ланса спешно поклонилась, обращаясь к принцессам:

— Его величество в последнее время предпочитает делать все своими руками. Прошу прощения, я лишь выполняю приказ.

— Не стоит, — бросил Лукас, махнув кончиками пальцев нянечке. — Ты свободна, мы разберемся.

Пока сестры щебетали разные сплетни и обсуждали Лукаса в его же присутствии, мужчина всерьез раздумывал над тем, как завладеть вниманием девочек. Да так, чтобы его заскоки ему прощались. С детьми он особенно не работал, своих настоящих сестер и братьев он ненавидел всей душой, так что никогда не пытался им понравиться.

Здесь следовало действовать хитро, играть на их ограниченности этим миром. Хотя, у них ведь есть магия, а он, к сожалению, сейчас ей был обделен.

Но! Он ведь все-таки человек науки! Самое интеллектуальное, что пришло Дроздову в голову, это настоящее чудо даже по меркам мира меча и магии.

Давая девочкам свободно болтать, иногда даже участвуя в диалоге, парень принялся рыться в своих запасах, доставая по очереди нужные материалы. Он вынул тоненькие деревянные палочки, нечто похожее на проволоку, листы плотной бумаги, остатки чего-то клейкого и тянущуюся материю, похожую больше на жвачку, чем на резинку.

— Что это ты делаешь? — удивилась Лилия, глядя на странный набор перед братом.

— Кое-что для вас, — усмехнулся парень, но тут же отполз на столик с подносом, чтобы девочкам не было видно, что он там делает. — Чур, не подсматривать!

Те рассмеялись и лишь продолжили рассказывать что-то о балах и маскарадах. Для такой информации мозг попаданца ещё не был готов, так что Дроздов пока чисто вспоминал, что и в какой последовательности делать.

Он помогал себе огромными кусочками, радуясь, что они легко справляются с податливым металлом. Две проволоки он сгибал и скручивал, делая петельки, загибая их и скрепляя, откусывая лишнее. Затем продел резинку, закрепил, вырезал из бумаги крылышки, клеем прикрепив их к проволоке.

Налюбовавшись получившейся бабочкой, он сделал и вторую, после чего привлек к себе внимание сестер, закручивая и натягивая резинку за задние «усики». Он придерживал передние, чтобы поделка не раскрутилась, вкладывая её в ладошку младшей и накрывая

второй ладонью сверху. Тоже он проделал и с Лилией. Сестры смотрели на него с недоверием, но в этот же момент им было очень любопытно, что же произойдет.

— Так, теперь можете раскрыть ладони, — сказал он, готовый с гордостью смотреть на деяние рук своих. — Ну же, не бойтесь!

Почти одновременно девочки подняли верхнюю ладонь, и их бабочки мгновенно вспорхнули вверх. Завороженные сестры смотрели на бумажных насекомых, словно на настоящие чудеса, восторженно прыгая и умоляя брата заколдовать бабочек ещё раз. Устав им показывать, парень наконец раскрыл свой секрет, подарив каждой по поделке.

Петровичу показалось, что девочки слегка изменили к нему свое отношение. Не полностью, они все ещё были полны каких-то обид и подозрений, но ему все равно было довольно любопытно за ними наблюдать. Это его маленький эксперимент

Да вообще все это выглядело как какой-то опыт. Дроздов бесконечное множество раз слышал, что есть доктора, занимающиеся преступными делами. Нет, он сам не святой, но ему хотя бы искренне нравилось лечить людей. Он привязывался к больным, сочувствовал им и пытался помочь как мог.

Не всем, конечно, он ведь тоже человек.

Но были и те, кто занимались как раз вот такими опытами. Был случай, когда один психотерапевт «подешевле» подгонял нужные препараты своим больным. Вот только позднее, со скандалом выяснилось, что от препаратов там было лишь название. Он считал, что эффекта плацебо достаточно! Все дорогостоящие таблетки были просто пустышками!

Ох, извините, некоторые содержали витамины. Но это уже для уж очень богатых.

— Мы к тебе ещё придем, — помахала Нерель, прижимая к груди бабочку. — Не становить пока опять злокой, ладно?

«Ох, как ты заблуждаешься, маленькая ты глупышка», — безо всякой злобы подумал Дроздов. Что-то внутри кольнуло, от осознания, что он ещё не знает, в чье же тело ему посчастливилось попасть.

Если так говорят, неужели настоящий Лукас был ещё хуже?

Отмахнувшись от навязчивых мыслей, парень завалился на кровать, подложив руки под голову. Всё-таки непонятно, где он и зачем. Непохоже это все на трип. Он ведь наркоман опытный, да и как врач прекрасно знал, если мозг создает нечто настолько невероятное — это паразитический мозг.

И его таким не был.

Даже с шизофренией он бы погряз в ужасе, в страхе, в самых страшных своих кошмарах. Болезнь всегда стремиться к саморазрушению, быть не может, что в этом потрясающем мире есть что-то разрушительное!

В дверь не стучали.

Она просто отскочила к противоположной стене, а внутрь ступил тяжелый ботинок. Василий Петрович приподнялся на локте, удивленно глядя на вошедшего мужчину, что вальяжно ступал, все приближаясь. За его спиной мелькнула Ланса, бросив тихо пару слов и сбежав:

— К вам пожаловал ваш советник...

Советник, значит? Дроздова это не удивило, он помнил, что дети не могут править одни, за ним всегда кто-то стоит. Правда, помнил он это из истории или книг, что писала одна из его сестер — определить не получалось.

Мужчина тем временем прикрыл дверь, окидывая комнату придирчивым взглядом:

— Мне говорили, конечно, что ты изменился, но я не ожидал, что настолько.

Лукас пожал плечами.

— Вот, решил, что пора взрослеть. Скоро и ты мне станешь совсем не нужен.

Глаза советника полезли на лоб, а потом он расхохотался, держась за живот. Он был отталкивающим по внешности, с гнусавым голосом. Но если не видеть его манер, то можно и очароваться этой холодной красотой. Острые скулы, черные волосы до подбородка, синие горящие глаза. Конечно, Дроздов под эти чары не попадал, ему скорее хотелось съежиться и отбиваться.

Как жаль, что это пришлось делать на самом деле.

Пытаясь увернуться, Лукас вскочил с кровати, ошалело глядя на мужчину. Он вообще не успел понять, что происходит, как советник подлетел к нему, пытаясь ударить. Причем ударить совсем не по-детски, целясь кулаком в голову. Но Дроздов ведь почти сорок лет на свете жил, в детские годы на борьбу ходил, потом в армии отслужил, а потом пропадал в спортзалах. Уклон делал в рукопашный, по морде получать привык. Да и со службой не завязал, так что в делах военных не последний человек. Но почему-то сейчас это нападение взрослого человека на ребенка двенадцати лет казалось чем-то невозможным.

Вообще Василий Петрович всегда считал, что нужно быть ну просто мерзавцем, чтобы поднять руку на женщину, ребенка, животных или просто слабого. Насколько скверно должно быть подобным отродьем, таким, как этот человек.

— Ты что делаешь?! — воскликнул король, вставая в стойку. — Я сейчас охрану позову!

— Как это у нас зубки прорезались, — фыркнул советник, пронзая Лукаса злым взглядом. — Надоело слушать, что тебе говорят, так я быстро напомню, что при этом бывает!

Дроздов повыше поднял руки, поджимая голову. Нет, он не соперник взрослому мужчине. Хилое детское тело нужно тренировать. Пусть он хоть чемпионом был бы, но даже с правильной техникой советнику его удары — как слону дробина. Пробив двоечку со своего положения, Лукас скользнул мимо кресла, тут же в спину пихнув мужчину. Тот, скорее не от ударов, а от скорости мальчишки и своего удивления, завалился, сдавленно рыча.

Когда советник зарычал, вновь рванув вперед, Дроздов в прыжке с разворотом, с силой попал ногой куда доставал. Его стопа четко влетела мужчине в пах. Тот сложился напололам, сползая на пол. Считая себя победителем, Лукас сунул руки в карманы своих расписных брюк, нависая над поверженным:

— Теперь ты послушай, дядя, — он звучно собрал слюну, плюнув куда-то на жилет советника, — все будет иначе. Теперь ты будешь делать, что я скажу. Но никак не наоборот.

Лежа, мужчина хохотал, вдруг поднимая голову с горящими синим светом глазами. Он рыком поднял руку, направляя её на короля, после чего из ладони ударил свет, откинув Дроздова в стену. Тот сильно ударился головой, но, придерживаясь за затылок, он так же по стене поднялся на ноги.

Вот она, магия.

Советник за это время успел встать, отряхнуться и стереть салфеткой слюну с жилета.

— Ах ты, мерзкий щенок, — нараспев протянул он. — Я сейчас напомню тебе, как у нас все происходит.

Дроздов снова встал в стойку, но драться с ним не собирались. Советник снова поднял руку, но на этот раз сжимая пальцы. Вася почувствовал, как горло сдавило, воздух перестал поступать в легкие, и он заскреб ногтями по нежной коже. Советник вальяжно приближался, пока парень хрипел и извивался.

— Я был здесь, когда твой дед подышал, был и когда твой папаша отправился на тот свет. Больше того, я закрывал их дверь в повозке, улыбаясь и обещая, что путь обезопасен. И именно я дал наводку «Восставшим», что королевский кортеж поедет той дорогой, — теперь, когда мальчишка был обездвижен удивлением и заклинанием, советник замахнулся, с кулака ударив его в нос. Он потрусил рукой, глядя, как алые капли падают на ковер. — И

ты думаешь, что своим мелким бунтом сможешь избавиться от меня?

Дроздов привык, что его нос сломан. Так что сейчас его это шибко не волновало. Да и как-то причастность этого уroda к убийству короля и королевы его не ошарашила. Но вот информация о «Восставших» была новой. Выходит, внешний враг у них все-таки есть? Хотя официально войны в этом мире, как он понял, не ведется.

— И, если ты будешь мне мешать, — советник приблизился, хватая парня за светлые волосы и натягивая их, — я просто избавлюсь от тебя. Адам куда охотнее станет выполнять мои приказы. Так что подумай хорошенько и на следующем заседании, отдай приказ уничтожить Васильковую долину. Иначе я уничтожу тебя, щенок.

Он ещё пару раз его ударил, но так, довольно лениво. После чего, стоя у выхода, выдал:

— Спустишься в наш подвал. Тебя ждет наказание.

Свалившись по стене, Лукас сделал вид, что напуган и разбит, поджимая к груди колени. Он просто хотел, чтобы мужчина оставил его. На самом деле, Дроздов уже во всю переваривал информацию. Выходит, только он может отдавать приказы, а этому человеку нужна марионетка, чтобы продолжать свою игру. Мужчина составил список вопросов в голове, поднимаясь и утирая кровь.

Он сел за стол, подтянув лист, и быстро выписал всю информацию, с названиями и вспомогательными стрелочками, чтобы ничего не забыть. Убрав шпатель в стол, Дроздов так же выписал вопросы, удовлетворено кивая.

К нему вдруг скользнула Ланса, с ведром и тряпочкой, удивленно замечая короля за столом.

— Здравствуй, — махнул ей мужчина, откладывая перо. — Мыть нечего, только придется постирать мой воротник, я его малость заляпал.

Парень поморщился, вспоминая, как когда-то его мама журила его за подобные проступки.

— В-ваше величество, — Ланса бросила ведро, подлетая к Лукасу и падая возле него на колени. — Я так переживала!

— С чего бы? — удивился сначала Дроздов, но потом вспомнил, что этот человек все-таки систематически избивал прежнего короля.

— Ну как? — Ланса встала, взяв платочек и вытирая подсыхающую кровь. — Он ведь обещал вам несладкую жизнь, если сохраните ту долину. Вы сами так переживали, так убивались. Я... признаться честно, думала, что вы и в озеро прыгнули, чтобы прекратить эти мучения.

Дроздов серьезно взглянул на эльфийку, поджимая губы. И как он сам этого не понял? Просто решил не заострять внимание на причинах, думал, мелкий братец толкнул его с утеса. А нет. Значит, этот пацан пытался защитить какое-то место. Что же в нем такого?

— Ланса, я ведь уже говорил, что моя память меня подводит, — сказал Лукас, а девушка тут же стыдливо схватилась за уши. — Как ни силюсь, не могу вспомнить, что такого в этой долине. Расскажи о ней.

— Сейчас, — девушка ненадолго вышла, возвращаясь с уже влажной тряпочкой. Она задумчиво опустила перед Лукасом, аккуратно, почти нежно протирая его лицо от крови. Её большие голубые глаза были до невозможного печальными. В воздухе витал запах жасмина стоило эльфийке приблизиться. — Васильковая долина... там стоит старинная эльфийская деревня. Одна из последних таких, где мой народ может спокойно существовать.

— И зачем же тому человеку её уничтожать? — Лукас следил, как хрупкие плечи Лансы

содрогнулись.

— Сэр Вергель, как и все в нашем мире, не переносит, что на его земле живут мнеподобные. Нам позволено быть слугами, жить, ради служения магам. Но маги не хотят давать нам покой и право на свою свободу, — она живо утерла слезы, тут же виновато глядя на короля. — Прошу прощения. Я забылась. Как же я смею говорить подобное при Вашем Величестве...

— Я же просил так не переживать, — Дроздов взял девушку за подбородок, вздергивая ей голову и глядя точно в полные вины глаза. — Я не хочу слышать о том, какие вы грязные и недостойные. Ты прекрасна, Ланса. И я уж точно не позволю такому как этот Вергель решать судьбу долины.

Щеки Лансы мгновенно вспыхнули, и она опустила взгляд. Перебирая края своего платья, девушка поклонилась, вставая и отшагивая.

— Спасибо вам, мой король... — почти прошептала она, скрываясь в подкравшемся полумраке. — Я никогда этого не забуду.

Звучало это, конечно, многообещающе. Дроздов только хмыкнул, но виду не подал, отвернувшись обратно к записям. Шло время, а он словно завис во всем многообразии информации и колорита. Эльфийская деревня, жутковатый советник, его полнейшее бессилие в этом мире.

Ему была нужна помощь, конечно, не в том, чтобы кто-то сильный и знающий исправил все за него. Помощь в том, чтобы прокачать себя. Дроздов видел здесь рыцарей, знал уже, что они тоже делятся на целую кучу категорий — начиная с типа их боя и заканчивая магическими способностями. Это была ещё одна проблема.

Дроздов закусил большой палец, решив, что как только выдастся возможность, он обязательно должен изучить состав и найти себе наставника в боевом деле. Сейчас он просто вздохнул, скинул неудобную рубашку, и лег на ковер, утыкаясь ногами под кровать. Сложив руки за голову, парень активно сгибался, качая пресс. Раньше он по утрам, как рутину, делал их сотнями, а теперь что? Не сделав и двадцати, мальчишка свалился без сил, тяжело дыша.

Собрав волю в кулак, Дроздов заставлял детское тело отжиматься, приседать, прыгать и бить по креслу, как они делали на тренировках в его мире. Уже когда совсем темнело, к нему вдруг грубо постучали.

— Сэр Вергель ждет вас внизу, — донесся голос по ту сторону двери. — Я вас провожу.

Утерев пот, Дроздов накинул обратно жилет, без страха выходя к провожатому. Тот был стражем, в полном обмундировании. Шли они молча, страж держал факел и смотрел под ноги, не решаясь даже заговорить больше в присутствии короля. Сам Дроздов, пользуясь возрастом своего тела, спросил с самым наивным видом:

— Ты служишь Вергелю?

— Да, Ваше Величество.

— Значит, предателю, а не королю, — хмыкнул он, стараясь запомнить лицо под железным шлемом, видневшееся сквозь прорези. — Я, как только наберу влияния, казню всех предателей.

— Пока сэр Вергель десница короля — я служу короне, — отреченно бросил страж. — Вы слишком юны, чтобы это понять.

Дроздов ухмыльнулся, видя впереди свет, падающий из-за приоткрытой двери. Действительно, единственное, чего не хватало настоящему королю — это возраст и опыт, но

теперь... это не имело никакого значения.

— Я приказал тебе прийти, — рявкнул Вергель, когда Лукас наконец скользнул в комнату. Это оказалось полутюремное помещение, где вряд шли порядка семи решеток. За каждой сидело по человеку или эльфу. В основном это были мужчины, но с самого краю в одной камере были и две женщины. Даже в полумраке Лукас разглядел у них удлиненные уши.

— А я твоим приказам не подчиняюсь, — пожал плечами парень, осматривая клетки. — Меня тоже запрешь?

Теперь в крови играл адреналин. Дроздов понимал, что советнику действительно проще от него избавиться, чем нянчить. Хотя... виду все же показывать не стоит, если он вообще хочет когда-нибудь вернуть себе власть.

— Нет, ты будешь наказан, — Вергель закатал рукава, снимая со стены закрученный в кольцо хлыст. — Я хочу, чтобы ты больше не смел открывать рта в моем присутствии. А лучше повторим эти правила на практике. Садись.

Дроздов медленно двинулся по каменному влажному полу, на ходу рассматривая пленников. В одной из клеток сидел мужчина, закованный так, что виднелись одни глаза. Он дергался, вырывался, что-то шипел. Его длинные черные волосы скользили в такт его движениям. Как и длинные острые уши.

Сев, король первым делом снял рубашку и жилет, аккуратно сложив их и передав стражу. Ну, чтобы не пачкать о залитый неизвестно чем пол.

Когда первый удар обрушился на его спину, Дроздов поморщился, но крик сдержал. На него все-таки люди смотрят. Ну или почти люди.

— Повторяем материал, — Вергель двинулся по кругу, вальяжно ступая. — Ты, жалкий кусок королевского дерьма. Это ясно?

— Вполне, — пожал плечами Дроздов, отметив, что хлыст этот рваных ран не оставлял. Но синяки и алые росчерки — запросто.

— То-то же, — кивнул советник, обходя за спину и нанося ещё один удар. — Ты подчиняешься мне и выполняешь все, что я прикажу.

— Шиш тебе, — фыркнул Дроздов, морщась от боли. — Ты кто такой, дядя? Кто решил, что я вообще хочу видеть такого советника?

— Ах ты мелкий ублюдок, — Вергель с силой ударил короля рукоятью хлыста по лицу. — Все, что есть у нашего королевства, всё сделал я! Каждую войну, каждый набег, каждое восстание выиграл и подавил я! Своими руками! А ты, тварь неблагодарная, смеешь открывать свой поганый рот!

Дроздов свалился руками на липкий пол под градом хлестких ударов.

Больно. Очень больно.

Но соглашаться совсем никак нельзя, нужно с порога дать отпор.

— Дальше, ты отдашь приказ уничтожить Васильковую долину, — Вергель обошел Лукаса, спереди заглядывая ему в полные злых слез глаза.

— Нет. Этого не будет.

Вергель закипал, а Дроздов планировал довести мужчину до чертиков. Убить сейчас он его точно не убьет, слишком много свидетелей, иначе, он бы и с предыдущим королем так не возился. Увел в подвал да и забил насмерть. Так что он продолжал:

— Забудь о том, как все было. Я больше не позволю так со мной обращаться. Либо ты уползаешь в свою мерзкую нору, править из тени, пока я взролею, либо мне придется

сделать это как можно раньше и раздавить тебя.

— Да как ты посмел... — прошипел Вергель, разбегаясь назад и замахаясь. — Я выбью всю эту дурь из тебя!

Спину обожгло в тысячу раз сильнее, но Дроздов сжал зубы, не позволяя себе кричать. Когда ему в драке прострелили колено — он не кричал. Когда его сбил мотоциклист — он и виду не показал, так же сжимая зубы. И когда от передозировки кровь лилась из всех возможных мест, он не скулил, не плакал.

И сейчас не будет.

Мир колыхнулся, пропал звук и появилось ощущение тошноты. Кажется, он постепенно терял сознание, видя перед собой эльфа в камере. Его голубые глаза как будто светились в темноте, выдавая всю его боль.

Открыл глаза Дроздов уже в своей комнате. Спину жгло огнем, голова невыносимо кружилась. Рядом все так же сидела Ланса, что-то напевая и полоская тряпочку в странном голубоватом растворе.

— Что... произошло? — хрипло спросил он, садясь и придерживая больную голову. — Кажется, я потерял сознание.

— Вы очнулись, — Ланса почти любовно погладила короля по предплечью, сразу убирая миску и освобождая ему путь, чтобы встать. — Не спешите, вы очень пострадали.

Дроздов усмехнулся. Не знала эта подруга, что значит страдать! Молодое тело восстанавливалось куда быстрее. Он в свои тридцать восемь каждое утро себя так чувствовал! Нет, это он, конечно, преувеличивал... Но смысл тот же!

Пытаясь встать, он вдруг сел обратно, вспоминая пронизывающий взгляд эльфа в той темнице.

— Ланса, а то место где я был, это местная темница?

Девушка задумчиво коснулась пальцем подбородка:

— Не совсем. Скорее, это комната для коллекции Вергеля, он держит там свои игрушки. И вас туда зовет, как бы демонстрируя, где ваше место. А почему вы спрашиваете?

— Я видел там эльфа, — Дроздов помолчал, вспоминая и остальных. — Он может быть не полукровкой?

— Опишите его, — вдруг тихо попросила Ланса.

— Темные длинные волосы, глазищи такие жуткие, голубые, что аж светятся.

Девушка тяжело вздохнула, сунув руку себе в лиф. Оттуда она достала написанный маслом портрет, показывая его королю:

— Это ведь он?

— Он самый! — Лукас хлопнул глазами. — Кто же он такой-то?

— Наш лидер, — тихо, почти шепотом сказала Ланса, прижимая рисунок к груди. — Бальфур... Его поймали буквально пару недель назад. Он сделал так много для эльфов, как никто другой. Только благодаря ему у нас есть деревни, возможность быть среди людей и остатки... самих себя. Без него эльфам больше нет житься. Бальфур был надеждой.

Постепенно, в голове Дроздова формировалось какое-никакое представление о делах королевства. Пока помнил, а Ланса откровенничала, Лукас спросил:

— А о «Восставших» что-то знаешь?

Эльфийка, утерев нос, спрятала фотографию и разгладила свою юбку.

— Кто ж о них не знает? — она неоднозначно пожалала плечами. — Банда совершенно

отпетых разбойников. Или, правильнее сказать, наемников. Берутся за всю грязную работу, уже полвека остаются безнаказанными.

— И какова позиция короны?

Ланса вдруг рассмеялась, прикрывая аккуратненький рот ладошкой.

— Вы и есть корона, Лукас!

Дроздов покраснел.

— Ну... — он откашлялся. — Я имею в виду... до этого у всех какая была? У моего деда, моего отца.

— Неоднозначная, — девушка встала, поднимая миску с водой и тряпочки. — Особо с ними никто не воевал, но и внимания короны они не получали. Я вообще не очень разборчивый чело... эх, я не разбираюсь в этом, в общем. Вам лучше искупаться и завтракать, скоро будет урок.

Дроздов только хотел возразить, что была же ночь, как девушка одной рукой раздернула шторы, пуская утренний холодный свет в комнату.

Не слушая её, Дроздов мягко и медленно лег обратно, постанывая от боли пока никто не слышит.

Он смотрел в потолок, поднимая руку и останавливая взгляд на своей ладони. Такая маленькая, ещё совсем ребенка. Но в ней лежит ответственность, боль и обязанности за все королевство. Все народы. Но его настоящие руки куда больше.

Они точно сумеют выдержать этот вес.

Дроздову хотелось бесконечно закатывать глаза, хоть он и понимал, что это колдовать его не научит.

Кабинет магии больше походил на класс по йоге, в который давным-давно ходила какая-то из его девушек. Он приезжал забирать её, так что все эти коврики и ритуальные чаши видел не впервые. Разница была лишь в том, что там он был немым наблюдателем, а здесь на него смотрели десятки юных лиц и ещё пара взрослых.

— Ну же, Ваше Величество, мы это уже учили, — рядом с ним села Вивьен, старенькая женщина маг, расставив руки и прикрыв глаза. — Мы дышим медленно и глубоко, закрываем глаза и погружаемся внутрь своей души.

Дроздов слушал её мягкий голос, безропотно подчиняясь каждому слову. С начала занятия он проявил себя кротким и готовым к обучению — уж очень ему хотелось порвать кое-что своему советнику. Да и в своем мире он всегда был агностиком, человеком, верящим, что вполне вероятно Бог и магия могут быть, но могут и не быть. Им, людям, неизвестно это достоверно, а значит, и утверждать что-то они не могут.

Но здесь...

Он видел магию своими глазами. Своим затылком ощутил откинувший его удар. И если здесь она есть, так почему её не подчинить? Как и в их мире, раз есть огнестрельное оружие, нужно уметь из него стрелять, раз есть искусственный интеллект, нужно уметь им пользоваться. Прошли времена, когда людям достаточно было освоить лишь одну профессию, всё. Теперь нужно уметь все и сразу, иначе наверх не вышкрябаться.

Вот и в новом для него мире меча и магии, Дроздов действовал по наработанной схеме.

Он упорно медитировал, впитывая каждое слово. Вивьен, поразившись его стараниям, сидела рядом до конца занятия и даже немного после. Когда все уже разошлись, она ткнула кривым пальцем в грудь короля, заговорив скрипучим голосом:

— Могу я быть с вами откровенной, Ваше Величество?

— Я был бы благодарен, — учтиво кивнул Дроздов, готовый выслушать, что угодно. — Не стоит сдерживать себя.

— Чем, по вашему, отличаются маги от не магов? — прищурила та хитро подслеповатые глаза.

— Ну, в книге «Тысячи знаний о»...

— Нет, мне не интересно, что пишут в книгах, — лукаво улыбнулась. — Что вы об этом думаете?

Василий Петрович задумчиво нахмурил лоб, пытаясь отделить свои мысли от мыслей авторов книг.

— Думаю, разница в том, что одни рождены с магическим даром, а другие им обделены, — предположил он.

— Не-ет, — покачала головой Вивьен. — Так нас хотят заставить думать. Нет никакого дара, нет заложенных способностей и нет таланта. Есть упорство и желание найти в себе магию. Она есть в каждом из нас, она витает в воздухе. Её не видят лишь слепцы, не способные открыть свою душу волшебству.

— Значит... — глаза парня расширились. — Дело только во мне? Я... не могу быть каким-то не таким? Лишенным сил?

Старуха покачала головой:

— И никто не может. Но и заставить себя колдовать мы тоже не способны. Нужно лишь искренне в это верить и не сдаваться, — женщина похлопала короля по плечам. — Я жду вас на следующем занятии. Попробуйте в свободное время поискать в себе искру. Вы поймете, как отыщете.

Поблагодарив и встав, Дроздов двинулся к выходу из кабинетов. Его настроение приподнялось, а внутри расцветало пламя желания. Раз так, ему просто необходимо как можно скорее совладать с новыми силами. Конечно, в случае провала, он все равно имел запасной план, но хотелось хоть немного верить в... чудо. Ведь какова вообще вероятность, что кто-то переродится в другом мире?

Хотя...

Дроздов отмахнулся от глупой мысли. Откуда им знать, что происходит после смерти? Быть может, каждый человек, заканчивая жизнь, оказывается в подобной ситуации. И никакой он не особенный.

Выйдя в небольшой парк за дворцом, Дроздов вальяжно прошелся по узким тропинкам, мощенным серыми камнями. Его небольшие каблочки стучали, хотя этот звук утопал в порывах ветра, что трепал волосы, рукава и завязки на костюме короля. Лукас заметил, что помимо стражи и нянечки, что сохраняли дистанцию, но все равно были наготове, никто его беспокоить не собирался.

Так что, скинув пиджак и закатав рукава, он вышел на небольшую мощенную булыжником площадку, осторожно разминая тело. Вася потянулся, покрутил кистями, головой, размял поясницу, даже пальцы. Побегав на месте, попрыгав и коснувшись руками в складочке земли, он наконец приступил к своей тренировке.

Может и надо было зайти переодеться, взять подготовленный инвентарь и найти более подходящую площадку, но Дроздову было слишком лень тратить время и силы. Он ведь все равно планировал легкую быструю тренировку, у него через час были ещё занятия, но уже не столь интересные.

Он делал махи ногами, отрабатывал удар за ударом, чувствуя, как совсем по маленькому шажочку, но каркас тела формируется. Даже понимая, что он весь насквозь мокрый, Дроздов продолжал изнурять не свое тело. Лишь ощутив сильную дрожь, он наконец свалился на лавочку, взяв воду, что протягивала заботливая Ланса.

— То, что вы делали, — тихо проговорила она. — Я никогда не видела таких движений.

Он лишь усмехнулся, утирая рот ладонью. Конечно, откуда здесь боевые искусства.

— Через сколько занятие? — парень взглянул на эльфийку, что, в свою очередь задумчиво зыркнула на песочные часики, что она перевернула, стоило уроку магии закончиться.

— Время ещё есть, — Ланса невесомо коснулась его плеча. — Вам лучше сходить в купальню и сменить костюм.

В целом, Лукас был с ней согласен. Он неуверенно поднялся, опираясь на спинку лавки, как вдруг его окликнул почти незнакомый голос. Нет, король хорошо его знал, но вот Дроздов — слышал впервые.

— Любуешься видами? — из-подо лба рыкнул Адам. Он-то был одет так, что от яркости белой рубашки хотелось щуриться. Волосинка к волосинке. В отличие от Лукаса, его волосы были короткими. Спадающая на глаза челка, правда, зализывалась назад. — Как твои успехи в магии? Все такая же бездарность?

— Да, пока не выходит, — развел руками Дроздов, пытаясь в истинной мере узнать первоисточник их проблемы. — А твой?

Адам вздернул нос, сунув руки в карманы:

— Прекрасно, я освоил уже более тридцати заклинаний. Тебе никогда меня не догнать.

— Пожалуй, ты прав, — Лукас опустился на лавку, приглашая брата сесть рядом. Он махнул Лансе, что та свободна. — Что последнее выучил?

— Вихрь солнца, — нехотя бросил мальчик, прищурился подозрительно глаза. — Зубы мне заговариваешь?

Лукас рассмеялся, откинувшись на спинку лавки.

— Честно говоря, я в самом деле не хочу идти на Окружающий мир. Поругался с учителем в прошлый раз. Ну, ты видел.

Адам хмыкнул. Его лицо перекосило.

— Зачем ты провоцируешь Вергеля? Отец сказал слушать его. Подчиняться ему. Иначе мы уничтожим наше королевство. Хотя ты всегда был дураком. И почему только родился раньше.

— Скажи, — Дроздов намотал на ус информацию про отца, пока решив сосредоточиться на одном, — ты помнишь, с чего начались наши распри?

— С того, что такой недоумок стал королем.

Мужчина серьезно взглянул на мальчишку, понимая, что тот уходит от ответа, прячась за очевидными причинами. Тогда он пошел вабанк.

— Если это способно нас помирить — я не против добровольно передать тебе корону.

Лицо Адама тут же стало испуганным, словно Дроздов ему гранату подержать дал, а чеку себе оставил.

— Н-не н-надо мне корону... — покачал головой младший Драммонд.

— Не хочешь? — продолжал давить Дроздов. — Тогда чего ты хочешь на самом деле? Что я могу сделать, чтобы мой брат перестал меня винить?

Мужчина понял, что попал в точку, когда на больших голубых глазах Адама выступили слёзы.

— Но ведь, ты винишь совсем не меня, правда? — он подсел ближе, коснувшись плеча парнишки. — За что, скажи, ты чувствуешь вину?

Адам молчал так долго, что не имея он в этом опыта, Дроздов мог решить, что он не заговорит. Но, сглотнув ком со слезами, младший Драммонд наконец выдохнул, произнося слова почти по буквам:

— Это ведь я... — он остановился, пытаясь сдержать рыдания, что рвались наружу. — Я испугался ехать с ними. А ты... ты сказал, что останешься со мной здесь.

Глядя по спине рыдающего мальчика, Дроздов тяжело вздохнул. Этот мир, очевидно, не так уж сильно отличается от его. Сколько таких детей вырастали и взращивали вместе с собой вину и ненависть. Вот, что создает в людях зло, с которым ему потом приходится бороться.

— Неужели ты думаешь, что мог бы как-то им помочь? — покачал головой Василий Петрович, жестом заставив мальчишку смотреть на себя. — Мы были детьми. И мы сейчас ими являемся. Мы не можем и не могли влиять на их судьбу. Мы не ответственны за их жизнь. Более того, подумай, брат, мы с тобой сейчас здесь. Почему?

— Я не знаю, — плача качал головой Адам.

— Мы живы, слышишь? — Дроздов удержал голову мальчика, глядя в глаза. — Мы

живы, потому что ты побоялся ехать. Ты спас нас. Ты спас мне жизнь, Адам. Спасибо.

Дальше мальчик просто рыдал, уткнувшись лицом в колени старшего брата. Дроздов понимал, что уже опоздал на урок, но лишь молча похлопывал принца по спине. Может быть, они помиряются после этого, и он сможет вынести какую-то выгоду с этой мелочи. Всё-таки вдвоем легче, один он долго бороться с целым миром не сможет.

Они сидели на этой лавочке ещё пару часов, прежде, чем Адам наконец вновь заговорил:

— Ты должен стать сильным и отомстить Бальфуру за наших родителей.

Дроздов медленно повернул голову на брата:

— С чего ты взял, что это он?

— Так сказал Вергель, — только пожал плечами мальчик.

— Не верь ни единому его слову, — Лукас задрал рубашку, показывая исполосованную спину. — Он против нас. И это он подставил родителей. Он заказал их "Восставшим".

Лицо Адама осунулось. Он опустил взгляд в пол.

— Вот, значит, как, — он сглотнул, помолчав. — Что же нам делать?

— Держаться сообща, — Лукас протянул ладошку брату. — Не признавайся, что я тебе это рассказал. Веди себя как обычно. И... научи меня магии.

— Я? — Адам рассмеялся. — Я же не учитель!

— Но ты совсем недавно открыл в себе дар, — Дроздов был настроен решительно. — Так что сможешь подтолкнуть и меня к этому.

— Хорошо, — кивнул мальчик, — я сделаю, что смогу. Ещё я научу тебя бою на мечях. Ты-то его и поднять не можешь!

В очередной раз приняв ярлык слабака, Дроздов приободрился. Пусть и совсем мелкий, но учитель, есть учитель. Лукас быстро его превзойдет, но это будет необходимая база, пропускать которую — самая большая ошибка.

— Тогда, до вечера, — вставая, махнул брату король, чувствуя, что его одежда давно успела высохнуть.

Бредя в сопровождении стражи и нянечки, Дроздов усиленно думал, распиная мелкие камушки на своем пути. Неплохая многоходовочка только что случилась. Так он либо получит хорошего союзника, либо узнает о связях врага. Оставалось только ждать.

Удочки закинуты.

***

Остаток дня король разгребал бумаги. Он и при первой своей жизни ненавидел это дело, но сейчас это медленно сводило с ума. Вокруг было столько всего неизведанного, столько секретов, тайных ходов, непокорной магии, а он сидит и заполняет бумагу за бумагой! И их в стопке меньше не становится!

— Ваше Величество, — к нему вдруг постучалась Ланса, входя и расстилая на кровати богато украшенный костюм. — У вас скоро совет. Нужно одеваться.

Хмыкнув, Дроздов залил последнюю сургучную печать, оставив её высыхать. Он встал с кресла, подходя к нянечке и глядя на свое будущее одеяние.

— И зачем только мне носить подобные вещи?

— Вам положено, мой король, — слегка улыбнулась Ланса, усаживая его на кровать. — Я помогу вам одеться.

Обычно Дроздов сражался за независимость, но видя нечто перед собой, что он и

представить не мог как надевается, он лишь покорно сел. Шорты, чулки, подтяжки — казалось, он собирается на панель, неужели здесь принято появляться на совете в подобном виде?

Хотя чуть позже его негодование сменилось милостью, целиком костюм выглядел более или менее нормально, в отличии от слегка смущенной девушки. Её острое ушко дернулось, а Дроздов не сумел сдержать себя и не коснуться его.

— Такое упругое, — констатировал он, запоздало замечая полнейший шок Лансы. Её всю залило краской, а пухлые губы подрагивали. — Ой, извини. Я не подумал.

— Н-нич-чего... — выдавила из себя девушка, отшагивая. — В-вы ещё т-так юны! Для вас это совершенно безобидно, так что не переживайте!

Дроздов усмехнулся, пожав плечами. Ну, он правда обидеть её не хотел, просто совсем не в виду возраста.

Закончив все последующие сборы, он торжественно шествовал по ковровым дорожкам в большой светлый зал, полный свечей и магических сгустков света, разбросанных то тут то там. Дроздов крутил головой, впервые воочию наблюдая подобные картины. Нет, конечно, его матушка ужасно любила все, что связано с ренессансом, прекрасной культурной эпохой возрождения. Здесь, казалось, среди сотен тысяч однообразных картин, он вот-вот заметит её любимую.

Но нет, ничего из этого Дроздову не напоминали те уродливые гобелены в его отроческом доме. Разве что резные стулья малость были похожи на те, что стояли у них в столовой, и то были достаточно ярким пятном. Стол тоже оказался массивным, резным, по краю шли вкрапления драгоценных камней и металлов, а на его поверхности были аккуратно расставлены стопки свитков и просто пачки бумаг. У каждого стула по чернильнице, с большими изящными перьями, пестрящими всеми цветами радуги.

Здесь подобало, чтобы король приходил первым, ожидая остальных. Так что Дроздов сел на свой трон, утопая в его широте. Сейчас он вновь осознал, что Лукас — лишь маленький мальчик, на плечи которого взвалили непосильную ношу. Здесь впору сидеть толстому, отъевшемуся на налоги увальню, перемалывающему мясо тупыми зубами. Ну уж совсем не ребенку, не достающему ногами до пола.

Дроздов стал откармливать тело и качаться, что было сил. Он старался есть так, как ел, будучи собой взрослым. Не меньше трех тысяч калорий в день. Правда, сейчас он совсем не беспокоился о лишнем весе, позволяя себе заедать торты шоколадом. Здесь его этим баловали, хотя в его семье, при высоком достатке, отец очень любил выбивать лишний кусок из рук. Есть приходилось быстро, аккуратно, так, чтобы не успеть ему надоесть.

— Мой король, — по одному стали приходиться служащие, рассаживаясь по кругу стола.

Последним вошел сэр Вергель, захлопывая массивную дверь. Не имея даже собственного места, он осторожно встал позади королевского трона. Его глаза блестели опасностью и предупреждением.

Несколько задумавшись, Лукас даже пропустил вступительную речь и свои восхваления, включаясь лишь тогда, когда поднялся первый вопрос на повестке дня:

— Группа вооруженных мятежников совершила набег на восточные земли королевства, — зачитал свиток служка в смешных красных штанах. — Они убили семерых мужчин и похитили четырех женщин, в возрасте от четырнадцати до двадцати лет.

«Какие там женщины,» — фыркнул про себя Дроздов, — «ну совсем девчонки ещё!».

— Я предлагаю отправить в эти земли троих рыцарей, — шепнул из-за спины Вергель,

понижив голос. — Их будет достаточно.

Вместо этого, Василий Петрович осмотрел сидящих перед ним, не находя знакомых лиц. Что ж, придется снова врать.

— Я приношу свои извинения, — вдруг сказал он, заставив служащих удивленно переглянуться. — Понимаю, раньше все решения принимал сэр Вергель. Но я взрослою, поэтому хочу сам включиться в правление. Прошу, встаньте по одному, представьтесь и назовите свои должности.

Сначала висело молчание. Люди лишь бросали вопросительные взгляды на Вергеля, что был красным как рак. Наконец, один из присутствующих встал. Дроздов отметил его возраст, парень едва выглядел на двадцать пять. На волевом подбородке едва проклюнулась русая борода.

— Командующий разведкой Демьян, — поклонившись, представился он.

Дроздов кивнул, глядя, как неуверенно за ним повторяют и остальные. Мужчина слушал их, запоминал, очень хотел подобраться к столу — его трон стоял поодаль на возвышенности — и тоже вести записи. Наконец, узнав своих казначея, командующего стражей, капитана гвардии, секретаря, управляющего дворцом, главного врача и наконец добрался до министра обороны.

Это был сухой старичок, явно знающий в своем деле. Он представлялся последним, ворча, что королю в пору уже знать каждого из них в лицо.

— Я и знаю, — солгал Дроздов, — лишь хочу, чтобы вы запомнили этот момент. Чтобы наше официальное знакомство началось сегодня.

— Ну, говоришь ты знатно, — старик наконец соизволил подняться. — Сэр Диксон. Министр обороны, как уже было сказано.

— Вот, — кивнул Лукас, — теперь, сэр Диксон, скажите, каковы ваши дальнейшие действия, как министра?

— Я... — тот взглянул на Вергеля позади трона, что молчаливо пронзал короля взглядом, полным ненависти, — кхм, то есть... я бы отправил небольшую группу гвардейцев.

— Чтобы что? — вздернул брови Дроздов. — Сходить посмотреть на разрушенную деревню?

Пока лицо министра багровело и покрывалось пятнами, встал Демьян, командующий разведкой.

— Король прав, девушек утащили за территорию королевской границы. Предлагаю отправить с ними троих моих разведчиков, они более подкованы в передвижении по вражеской территории.

— Не слишком ли много сил для возвращения двоих женщин? — раздался вполне себе громкий голос советника.

— Четверых, — поправил Дроздов. — Но здесь соглашусь с моей десницей. Одного разведчика и троих гвардейцев. Жду отчет об этой ситуации на следующем собрании, — он махнул пальцами, на вальяжно лежащей руке на подлокотнике трона, — идем дальше.

Ещё очень долго, казалось, много-много часов, они обсуждали каждый из свитков, каждый, из запросов. Дроздова пьянило чувство того, что он решает судьбы. Он придумал ловкий процент налога, заставив казначея краснеть в стороне. Всего лишь достаточно было подсчитать допустимый процент, а вовсе не одну общую сумму для всех регионов. Конечно, были бунты и восстания, сравнивали сами знаете что с пальцем.

Откуда у деревень такие урожаи, чтобы платить налоги в шестьдесят процентов! Для

столицы это умеренная плата, но не для регионов же! Было решено ввести ответственных не только за сбор тех самых налогов, но и за их подсчет и контроль. Дроздов чувствовал себя великолепно, но как и все хорошее, легкость в решении дел закончилась.

Секретарь кашлянул и подал службе уже затертую бумагу. Приказ, который королю осталось лишь подписать.

— Мы не будем обсуждать это прилюдно, — сказал Вергель, сложив руки ладонь к ладони. — Король хочет обдумать судьбу Васильковой долины ещё раз.

— Кончай говорить от моего лица, Вергель, — спрого, совсем не детской манерой речи, сказал Дроздов. Он встал, скорее спрыгнул, с кресла, взяв лист из рук служки. Пробежав по нему глазами, он перевернул приказ, разрывая его на две, а потом четыре и восемь частей. — Этого не будет. Я заявляю на виду у всех, положив руку на сердце. Моя чистая воля — оставить в покое деревни эльфов, до тех пор, пока они не несут доказанного вреда магам. Если вы увидите приказ, не дай бог мою подпись или печать — это фальсификация.

— Фальсифи... что? — наморщил лоб Демьян.

Дроздов отмахнулся.

— Это подделка. И измена короне.

Пока первый шок проходил, Лукас смотрел прямо на своего советника, всем своим видом демонстрируя, что это ещё не конец. Это начало.

— Всем спасибо, — он взмахнул мантией, направляясь по ковровой дорожке прочь. За ним тут же устремилась толпа слуг и стража. — Буду ждать бумаги у себя.

— Не открывай глаза, — направлял Адам, помогая брату отыскать в себе искру. Они сидели в закрытом саду, где их никто не мог побеспокоить. Вокруг летали бабочки, где-то в высоте пели птицы, а теплый утренний воздух окутывал тело. — Почувствуй мою магию. И найди отклик магии внутри себя.

Дроздов правда старался, но пока у него ничего не получалось. В один момент он, казалось, почувствовал внутри странное покалывание, но потом у него звучно заурчал живот. Что было не так, они пока не понимали, но Василий Петрович очень старался. Его клонило злость, в агрессию, но Адам напоминал ему, что эмоции отвлекают от поиска искры. Быть магом, значит уметь отключать земное, погружаясь в свою ману.

— Все, хватит на сегодня, — Лукас развалился на траве, широко раскинув руки и ноги. — Я бездарность.

Адам засмеялся и плюхнулся рядом. Все-таки, глядя на этого паренька, Дроздову хотелось дать себе время, заняться чем-то простым и интересным, забив на правила, учебу и бесконечные тренировки. Да и Адам все-таки ничего не рассказал Вергелю, Дроздов видел, что мальчишка искренен в своих чувствах. Он был просто рад избавиться от бремени вины, вновь обрести близкого человека и проводить время не в одиночестве.

— Тогда давай потренируемся на мечах, — предложил младший Драммонд, вставая и притаскивая два деревянных тренировочных меча. — Вот этот мой, его зовут Дракон.

Дроздов привстал на локте, с интересом осматривая оружие, что держал его брат. Красное расписное дерево, с гладкой черной рукоятью, перемотанной чем-то не скользящим. Ему Адам протягивал почти такой же меч, разве что совершенно белый, с желтой ручкой и черной обмоткой.

Мужчина взял его, удивляясь, что не смотря на материал, он был совсем не таким легким, как их мечи, когда он занимался Кендо. Дроздов внимательно осмотрел деревянное основание, видя знакомые символы, которыми оно было исписано вдоль и поперек.

— Что это за язык? — удивился он, спрашивая брата.

— Мертвый, — пожал плечами тот. — По идеи, эта надпись должна помочь тебе пробудить силы, ведь и мой Дракон и твой, пока безымянный, меч, обожжены магией. Пусть тренировочные, но как и настоящие они проводники твоей маны, будут постоянно пытаться высосать её из тебя.

Прозвучало странно, но Дроздов уже был слишком в азарте, чтобы обращать на это внимание. Он помахал им пару раз, потом вскочил и попробовал вновь. Оружие хорошо слушалось, в руке лежало уверено, а баланс дал бы фору всем мечам, что мужчина при первой жизни держал в руках.

Василий Петрович почти ничего не помнил, разве что какие-то выпады, замахи. На кендо они рубили и кололи, было много правил и много духовной составляющей. Уже тогда, в тринадцать лет, он кривил носом и считал всю эту чушь про силу духа... чушью.

— Давай, ты же помнишь уроки, — рассмеялся Адам, вставая в стойку с мечом. — Нападай.

Все происходило как-то даже слишком быстро, Дроздов не успел даже осознать, что происходит, как его младший брат уже во всю атаковал, а он лишь успевал то уворачиваться, то отбивать удары. Постепенно, шаг за шагом, он вспоминал, что делал на кендо. Вот если

бы он не выделялся и походил туда ещё пару лет! А так, пока что Адам лидировал, хотя его глаза каждый раз расширялись, когда Лукас вдруг делал странный выпад. Мальчишка не знал, как такое отражать, а когда брат стал при этом ещё и выкрикивать что-то, ему вдруг стало совсем не по себе.

Со временем, бой стал смещать позиции. Чем больше они тренировались, тем ярче горели глаза Лукаса. В конце концов, он развернулся на каблуках, уводя меч над головой, и с силой обрушил оружие на брата. Тот едва успел подставить своего Дракона, как вдруг его «лезвие» треснуло под напором.

Дроздов тут же отскочил, выронив свой меч и ошарашено глядя на лопнувшее дерево.

— Адам, извини! Как же так, я не думал, что они так просто ломаются!

Мальчик лишь смотрел на своего Дракона. Наконец, он вздохнул:

— Это ничего, попрошу магов посмотреть, может его ещё починят... Но это было круто! Сейчас бой на мечах у тебя выходит куда круче, чем раньше! Может и ну эту магию? Пока в твоих руках есть оружие посильнее.

— Я не хочу бросать дело на полпути, — сказал Дроздов, наклонившись и подняв свой меч. — Но тренировкам в бою хотел бы уделить больше внимания. Ты ведь знаешь, я не очень раньше этим увлекался... ты не посоветуешь мне хорошего учителя?

Адам улыбнулся:

— Буду считать, что это я подтолкнул старшего братишку на тренировки, — он махнул своей нянечке, чтобы та подошла. — Мой учитель, сэр Морган, возможно сможет этим заняться. Я спрошу его.

Пока тот через нянечку отдавал распоряжение, Дроздов немного отошел, махая мечом вновь. Помимо силы в бою, он наконец действительно ощущал магию. Правда, совсем не внутри себя. Он чувствовал, как её испарения исходят от меча и чем больше парень держал его в руках, тем ярче было это ощущение.

Наконец, спустя почти полчаса, к ним пришел низкий коренастый мужчина, с ровными невыразительными чертами лица. Единственное, что в нем привлекало внимание — это гротескный шрам на лбу, явно оставленный в бою.

Человеком он оказался легким, быстрым на подъем и охочим до тренировок. За работу с королем взялся охотно, так что Адам, собрав Дракона в чехол, оставил их, направившись к магам.

Это было и к лучшему, так их никто не отвлекал.

Морган принес с собой не только тренировочные мечи, но и настоящие, показывая самые незамысловатые формы и сплавы. Он держал свой любимый меч, предлагая королю почувствовать, что ему даст в будущем настоящее оружие. Ощутить эту силу, ни с чем не сравнимую.

Так и вышло. Магии в кованом железе оказалось в разы и разы больше. Она так пьянила, что Дроздов едва не вспомнил свои похождения, первые дозы и первый экстаз. Он смотрел на вылитую железную фигурку совы на набалдашнике меча, думая, что это не самое точное оружие, что он в жизни сжимал в руках. Да, магия пьянила, но он так же помнил и свои первые выстрелы с пистолета. Тот же азарт, поток эмоций, что уж говорить про восторг от побед, когда каждая мишень оказывалась поражена.

— Скажи, Морган, — обратился король к учителю, передавая обратно меч. — Кто ковал это оружие?

— Королевский кузнец, — мужчина был рад, что любимый меч оценили высоко.

— И фигурку он делал?

— Конечно, в ней вся магия и концентрируется, растекаясь по лезвию, — Морган взглянул на сову, задерживая глаза на драгоценных камнях в центре. — Почему вы спрашиваете?

— Хочу попросить его кое-что для меня сделать, — Дроздов приободрился, покрепче сжимая деревянный меч. — Но это потом. Сейчас давай тренироваться.

Повторяя удар за ударом, отрабатывая технику за техникой, Дроздов надеялся, что в этот раз он точно не бросит. Как бы сложно ни было, как бы его мозг не искал простые пути. Он все равно будет работать, не зная ни отдыха ни лени.

Он достаточно пропустил всего в прошлой жизни.

***

В помещении было холодно, сыро, всюду витал запах испражнений и крови. Тишина стояла абсолютная, её нарушали разве что редкие капли конденсата, что стекали по камням комнаты, капая в образовавшуюся на полу лужу.

Четверо девушек жались друг к другу, их руки сзади были крепко стянуты веревками, как и лодыжки. Тихо было преимущественно за счет кляпов в их ртах и сильного испуга. Все четверо прекрасно понимали, где они находятся, их силком увели из дома, заставив который день томиться в грязной камере. Еды им не приносили, воду не давали. Казалось, ещё немного и потеряется последнее, что у них осталось — жизнь.

Каждая из этих четверых, больше всего в своей жизни боялись и ненавидели соседнее государство. Это было даже не королевство, не империя, лишь группка городов, нет, скоро поселений, во главе которых стоял человек. Не маг. У них была общая цель и, что самое ужасное, своя вера. Верили они в Ваши — Бога очищения. И, как учил их этот бог, очищать нужно было не себя и свои души, а пронизанный болезнью мир.

Они очищали его от магии.

Уже очень много лет эти варвары совершали набеги на их приграничные деревни и города, бесчинствуя во имя Ваши, убивая и насилая во имя Ваши. Корона словно и видеть ничего не видела, пока дикари утаскивали к себе магов. Но утаскивали они их не чтобы калечить или издеваться, и уж точно не для того, чтобы корона их выкупила. Ну уж не-ет.

Дикари хотели их очистить.

Давно ходили легенды о том, как это происходит. И эти четверо уже были готовы увидеть и прочувствовать ритуал, когда по коридору раздались шаги. Девушки зашевелились, они пытались отползти подальше от решетки, чтобы спрятаться от незримого мучителя.

— О благородный Ваши, — раздался низкий мужской голос, а потом девушки увидели самого мужчину, одетого в грязную мешковатую одежду, словно украденную у их крестьян, — молю тебя, великий бог, очисти ещё часть мира от скверны. Мы, рабы твои, несем к алтарю четыре прогнившие души.

Ещё трое мужчин вышли в свет, отворяя решетку и по одной грубо поднимая девушек на ноги. Они толкали их в спины, заставляя мелко перебирать связанными щиколотками. Но когда так все четверо покинули клетку, они закинули их на плечи, уже быстрее передвигаясь по коридору.

Скоро девушкам предстала сама комната для очищений. Это было страшное темное место, где в самом центре горел огромный костер. Такие же грязные, одетые в лохмотья, женщины, подкидывали в огонь дрова, травы и даже какие-то порошки.

Пленницы протестующе задержались, но их лишь грубо скинули на пол возле костра. Читавший молитву мужчина обошел огнище, вздымая руки вверх и вновь обращаясь к Богу:

— Уничтожь же скверну эту, благородный Ваши! — он вынул нож, хватая одну из девушек за запястье и рывком поднимая её на ноги. Он с силой полоснул по тонкой кисти, направляя брызнувшую кровь в костер.

— Ваши! Ваши! Ваши! — скандировали остальные люди, скрывавшиеся доселе во мраке.

— Очисти несчастную, о, Ваши! — продолжал их «жрец». — Избавь от черни!

Девушка вдруг закричала даже сквозь кляп, дергаясь и выгибаясь. Жрец ловко вынул кляп из её рта, так же бросая его в огонь. Пленница упала на колени, потом и на грудь, она билась в припадке, беспомощно раззевая рот. Как вдруг...

Все закончилось.

Она хватала ртом воздух, оглядываясь по сторонам. К ней тут же подбежали грязные, потрепанные люди, разрезая веревки и освобождая её от пут. Девушка смотрела на свое запястье, рана на котором быстро затягивалась. Она подняла глаза на жреца, воодушевленно направляясь к нему.

Возведя руки к небу, она обратилась словно ко всем магам сразу, а может, только к оставшимся трем девушкам, что пока не успели пройти через очищение Ваши:

— Сейчас, когда великий Бог избавлял меня от скверны, мне открылось то, к чему я оставалась слепой очень долго. Магия — грязь, она пожирает нас изнутри, словно паразит, а мы верим в неё и позволяем уничтожение. Но истина так проста и понятна, она все время была рядом!

Жрец страстно схватил девушку за предплечье, горящим взглядом впиваясь ей в глаза:

— Скажи же это, дитя. Скажи!

— Мы не достойны владеть магией. Она принадлежит лишь Богу! Мы должны всю её до капли вернуть благородному Ваши!

Пока шло всеобщее ликование, остальных девушек по очереди подвели ко жрецу. Неожиданно, на третьей девушке, в темный храм вошел мужчина, жестом позвав с собой главного, что зло пихнул девушку в руки её же подруг. На его место из тени вышел жрец помладше, продолжая ритуалы очищения.

Главный же выскользнул к коридору с клетками, нагоняя потревожившего его мужчину:

— Рид, как вы смеете отвлекать меня от миссии?!

Мужчина сначала молча утер кровь с щеки, потом все-таки медленно заговорил:

— Маги послали к нам своих букашек. Ты должен посмотреть и решить, что с ними делать.

Жрец удивленно хлопал глазами, мельтеша ногами по каменному полу.

— Сколько их?

— Скоро сам увидишь, — только бросил Рид — высокий хмурый мужчина, с повязкой на одном глазу. Шрам на его левом запястье выдавал, что и его когда-то очистили и вразумили. — Они тут.

Жрец вошел, окидывая взглядом троих гвардейцев, что с кляпами во рту, подобно девушкам, ютились у стены. На них виднелись многочисленные ссадины и мелкие раны, у одного из мужчин была вывихнута рука.

— Это все? Неужели они прошли так далеко, через все леса полные препятствий и наших людей, стерегущих на каждом шагу?

Рид будто не до конца понял вопрос:

— Ну... Мы нашли троих. Может кто и помер по дороге.

— Идиот... — только прорычал жрец. — Ладно, у нас все равно нет времени заниматься поисками, оставшимся все равно не выжить в этих злых пустынных землях. В лесах их растерзают звери, так что это уже не наша забота.

— И что делать?

— Этого и этого, — указал мужчина на двоих целых гвардейцев, — на ритуал очищения. Они крепкие, нам нужны люди. А этого уже не выходим, калека нам не нужен.

— И... и что с ним сделать? — Рид почесал башку, глядя на напуганного до чертиков гвардейца.

— О, есть у меня одна идея. Преподнесем королю подарок, — жрец рассмеялся, доставая ритуальный клинок. — Окажем ему знак внимания.

Сьцилия работала горничной уже полвека, трудясь без выходных каждый божий день. Вот уже пятьдесят лет её утро начинался абсолютно одинаково. Она открывала глаза в мрачной комнатухе прислуги, толкала спящую рядом подругу и опускала ноги в тапочки. Это около восемнадцати тысяч двухсот пятидесяти чашек кофе, с которыми она эти года спускалась в подвальное помещение, чтобы забрать форму с сушилки.

Восемнадцать тысяч двести пятьдесят раз она завязывала дурацкий бант на поясе, чтобы раньше всех в этом замке начать утро. Столько же раз она пробежала через кухню, на ходу хватая горячую булочку или круассан, мечтая, что когда-нибудь совместит их с чашкой кофе.

Затем восемнадцать тысяч двести пятьдесят раз она брала метлу, подставляя тело первым солнечным лучам. Это время... такое спокойное, такое размеренное. Убирая на центральной площади, она всегда чувствовала в душе то счастье, к которому стремилась. Пусть, как полуэльф, она застряла в долгой жизни, повторяя одну и ту же работу без усталости и слез. Пусть спокойный сон ей только снится, но на этой площади, в солнечных лучах... она чувствовала себя такой... живой!

— Юная леди, — позвал её неожиданно прервавший рутину голос. Обычно, в такое время мало кого можно встретить во дворце. — Как ваша работа?

Сьцилия сложила охапку веточек и прочего мусора в деревянный ящик, отряхивая руки, юбку и подошла к незнакомому ей мужчине. На нем был дорогой костюм, расшитый золотом и драгоценностями. За груди блестела фамильная брошь, но эльф видела такую впервые. Сначала она несколько испугалась, глядя на мешок в руках так дорого одетого господина, но заметив его мягкие добрые черты лица, всё же подошла:

— Доброе утро, — она присела в реверансе. — Чем могу помочь вам в столь ранний час?

— Рад, что вы сразу перешли к делу, — мужчина улыбнулся, передавая девушке мешок. — Возьмите. Только осторожно, он тяжелый.

Сьцилия взяла его, удивившись, что с него что-то капало на уже почти чистый двор.

— И что мне с этим делать, господин? — спросила девушка, подняв глаза, но перед ней уже никого и не было. — Вот дела...

Положив мешок на землю, девушка развязала веревку на нем, раскрывая верх и заглядывая внутрь.

Дроздов ещё не ложился.

Он возился с чертежом, пытаясь придумать что-то мало мальски рабочее. Ну как придумать, вспомнить. Мысль все ускользала, поэтому он лишь отодвинул лист, бросил поперек него перо, сладко потянувшись и двинувшись в сторону кровати.

Он мешком свалился на постель, растягиваясь и умащиваясь поудобнее. Стоило ему прикрыть глаза, как из раскрытого окна донесся...

Громкий женский визг.

— Спасибо, что взял нас с собой, — Лилия радостно шагала по мощенной улочке, то и дело поправляя надетое для конспирации платье горничной. — Раньше нам никогда не разрешали покидать замок без кортежа.

Дроздов только потрепал её по волосам, сам поправляя на себе какую-то странную кепку уборщика. Это было единственное условие, при котором с его идеей выхода в город вообще согласились. Мужчина задумал это все по нескольким причинам. Ему хотелось сделать что-то своими руками, что-то, что напоминало бы ему о доме. Он заметил, что скучает и по технологиям и по удобствам.

Здесь все-таки был ограничен ресурс, возможно в виду того, что люди получали слишком многое с помощью магии и им не приходилось особенно напрягаться и изобретать какие-то элементарные вещи. К примеру, он ещё ни разу не видел здесь веревок, привычных в понимании современного человека. Здесь это буквально были лианы, создаваемые с помощью магии.

Как говорилось в журналах переписи населения королевства, маги занимали семьдесят процентов живущих, ещё двадцать полуэльфы, десять — эльфы, и только один процент обделенных волшебными способностями. Так что практически каждый мог соорудить себе такую лиану и связывать ей все, что угодно его душе.

Раньше и в его мире, самые первые веревки делали из лиан и кусочков коры, но их все равно сплетали либо из одной либо из нескольких, так они получались достаточно прочными и выдерживали трение. Так что на рынок он пошел не только за впечатлениями, но и выполняя сразу несколько одному ему известных миссий.

Главное, Дроздов хотел посмотреть на королевство изнутри. Он пока не успел понять, как живет народ здесь, все-таки, королевский дворец в этом очень ограничен. К нему приходили люди на аудиенцию, но он так и не сумел уловить творящуюся атмосферу на своих землях. Ну, второстепенной задачей было начать вносить вещи из своего мира в этот.

Начать Василий Петрович хотел с плетения веревки и мыловарения. Только совсем не обычного мыла, такое здесь худо бедно, но делать научились. Его просто убивало отсутствие нормального шампуня, а учитывая шевелюру золотистых волос Лукаса — это и правда было проблемой.

— Не кричите громко и не глазейте, — предупредил он сестер. — Иначе стража уведет нас. И больше не пустит.

Конечно, это было невиданной глупостью и дерзостью, чтобы ещё совсем дети свободно разгуливали по рынкам. За ними в каждый шаг следовали переодетые стражники и нянечки. Хотя ситуация в столице была совсем спокойной, короля все жаловали, а до опасных границ было далеко — нарушение правил и приличий не отпускало весь дворец.

Но он ведь своего все равно добился и старался урвать с рынка около дворца все возможное.

Заметив подходящую лавочку, Василий Петрович свернул к ней, прижимая к боку тоненькую деревянную корзину. Они просто создавали их с помощью магии, хотелось плевать и научить плести! Плетеные, они ведь будут легче, но в тоже время прочнее и долговечнее.

— Что-то определенное ищите, молодой человек? — обратилась к нему женщина за

прилавком. — Вот ткани самые разные есть, хлопковые, льняные. Выбирайте, что нравится.

Дроздов усмехнулся: да, рынки здесь почти ничем от его не отличаются. Зато можно и узнать, как народ тут все делает.

— Вот ткань какая красивая, — от потрогал грубую материю, странного красного оттенка. — Как вы её делаете?

— Известно как, покупаем, — поддержала его улыбку женщина. — У северного королевства, там разводят шелкопрядов.

— И они из нитей делают ткань? — удивился Дроздов, ведь... ткать научились, а плести нет?

— Вы как это себе представляете? — уже нахмурившись, уперла руки в бока продавщица. — Шелкопряды же, говорю. Они и делают ткань. А мы покупаем у них и продаем здесь.

— И сколько стоит? — он указал на более или менее приличный квадратный кусок ткани.

— Семьдесят золотых.

Подошедшая сзади Ланса только покачала головой.

— Дорого, Лукас. Ткань сейчас на вес золота. Раньше ведь и у нас шелкопряды водились, да только издохли все. Приходится теперь с королевством Целер держать торговые отношения, а они все выше и выше цены ставят. У нас сейчас ткань в дефиците.

— А почему самим ткань не делать? — мужчина подхватил сплетенные ниточки пальцами, проверяя их на качество. — Я знаю как... то есть я придумал одно приспособление. Назовем его Ткацкий станок. Хочешь попробовать?

— И я хочу, — оживилась продавщица. — У меня дочурка есть. Одиннадцать год. Купишь? Вижу, деньги у тебя есть.

Лукас удивленно покосился на Лансу. «И что она ему купить предлагает?».

— Вы про нити? — предпринял попытку тот.

— Про дочурку мою, — развела руками, улыбнувшись, продавщица. — Гелия, Гелия, сюда скорее иди.

Дроздов только хотел запротестовать, но из-под прилавка вынырнула девочка, совершенно не выглядывшая на свой возраст. Две блеклые косички из редких светлых волос, маленький курносый нос. Да и огромный фингал под глазом.

— Отдам за пятьдесят золотых, — женщина треснула дочку по спине, чтобы не горбилась.

И пока Дроздов отходил от шока, Ланса во всю обсуждала товар. Не ткань. Девочку.

— Ты что делаешь? — удивился он, отводя нянечку в сторону. — Мы не можем купить человека, это незаконно.

— С каких пор? — Ланса даже испугалась, что что-то пропустила. — Вы издали новый закон? Я не знала...

— Н-нет, — у мужчины мозг сводило. Для него из уроков истории это должен был быть рабовладельческий рынок хотя бы, ну на крайний случай торговля из-под полы. Нет, ну на худой конец, родители должны продавать детей из нужды! А эти явно не бедствуют. — Что это вообще такое? Как можно так спокойно людей покупать?

— А почему нет? — похлопала глазами Ланса, словно этот разговор был самым странным, что она в своей жизни слышала. — Мне помощница давно нужна, а девчонке тоже радость, при дворце дорастать будет. Как, вы думаете, у нас появляются служанки и

служки?

— Устраиваются на работу через собеседование? — уже без надежды предположил Дроздов. — И... и ты хочешь эту купить?

— Ну, если вы правда настроены сделать свой Кацки ставок...

— Ткацкий станок.

— Ну я почти так и сказала... — хихикнула девушка. В последнее время она стала вести себя с королем куда раскованнее, потому что ему это нравилось. Дроздов хвалил её за несмелые попытки говорить безропотно, а эльф цвела от каждого его комплимента. Так что сейчас они и правда выглядели почти товарищами. — Если будем пробовать делать ткань, то помощница с навыками мне бы пригодилась.

Подслушивая разговор, продавщица ухватилась за слова «при дворце» и начала во всю делать выгодные предложения:

— Ладно, раз вам для дела, дам в приданное нитей. Выбирайте, господин.

Набрав все, что было нужно, король все равно оплатил и подарки, чувствуя себя крайне неловко. После всех прочих реформ, что он уже запланировал ввести, он решил обязательно запретить торговлю людьми. Начать пока он собирался со смены железных денег на бумажные, все-таки таскать с собой килограммовые мешки с монетами это тот ещё аттракцион.

Лилию и Нерель они нашли у лавки с куклами. Девочки выбирали себе новых подружек. Нерель качала свою на руках, а Лилия лишь придиричиво осматривала маленькие платья, трогала их пушистые волосы и протираала пыльные глазки.

— Вы уже все посмотрели, что хотели? — спросил Дроздов, умиляясь этим крошкам. Часть взрослой жизни он думал о детях, но все откладывал на потом, когда подходящая женщина сама впорхнет в его жизнь. — У меня ещё здесь дела, но вас могут отвести обратно во дворец в любое время.

Нерель, выбрав куклу, в самом деле стала проситься домой, наверняка стора от желания поиграть с покупкой. Сам Дроздов разделял её чувства, ну... не так, как можно подумать. Он хотел скорее сделать чертеж станка и отнести его столяру. Но лучше было решить сразу остальное, а то вдруг его следующий визит будет не столь скорым.

Но Ланса вызвалась отнести из покупки и новенькую девочку во дворец, сопровождая Нерель со стражей. А вот Лилия предпочла остаться с ним.

Не считая их сопровождения, Дроздов с младшей сестрой остались вдвоем, кочуя от лавки к лавке. Он думал, девочке это быстро надоест, но она, как и он, с упоением слушала рассказы простого народа. Василий Петрович их невзначай спрашивал, докупая нужные материалы, все больше узнавая о своем королевстве.

Выяснилось, многие люди, если не все, прекрасно знали и замашках Вергеля и в открытую его не жаловали. Сейчас распространялись слухи, что юный король наконец готов вырваться из плена своего советника. Так же, Дроздов узнал, что народ очень обеспокоен холодной, но одновременно такой горячей, войной с соседними государствами. В особенности, их волновали похищения.

Дроздову на это ответить даже самому себе было нечего. Получив «подарок» от похитителей, он всерьез стал разрабатывать план по наращиванию военной силы. Будет армия — будут и пограничники. Будут пограничники — черта два кто-то сунется к ним. Вообще у него начинало складываться ощущение, что все, кроме тех похитителей — а он их называл именно так, ведь не знал о нападающих совершенно ничего! — лишь играют в бои.

Словно для этого мира кровопролитная война существует лишь в сказках. А может... это просто он полон воспоминаний о настоящих войнах современности.

— И куда нам дальше? — зевнула Лилия, все равно упорно держась за рукав брата.

— Сейчас пойдем в ту лавочку с разными маслами, что мы видели недавно, — Василий Петрович легко улыбнулся. Надо же, нет бы домой пойти, так девочка упорно следует за ним хвостиком. — Нам не долго осталось.

Жидкий шампунь он пока делать не планировал, химическую лабораторию нужно сначала где-то соорудить, конечно, это не верх его мастерства, но всё-таки можно и подождать. Найдя специфическую лавочку, Дроздов стал самостоятельно перебирать баночки и пузырьочки.

— Что мы ищем? — спросила его Лилия, тронув маленький стеклянный стакан, полный вязкой полупрозрачной жидкости.

— Кое-что интересное. Кокосовое масло высокой степени очистки. Это... — он нашел нужный вид твердого масла, нюхая его, — один из лучших пенообразователей, дает стабильную пышную и нежную пену.

Мужчина тронул девочку по носу и та рассмеялась:

— Я ничегошеньки не поняла! — она снова залилась хохотом и схватила брата за рукав. — Давай ещё!

Лукас слегка покраснел:

— Ну... Оно является щадящей эко-альтернативой лаурил сульфат натрия... Ладно, господин, дайте мне килограмм. А масло семян брокколи есть?

Пока ему все взвешивали и упаковывали, Дроздов смотрел на свою названную сестру, что все повторяла «кокосульфат, кокосульфат», перебирая остальные масла в лавке. Было так странно чувствовать, что во всей её жизни когда-то был старший брат, а теперь это совсем чужой, взрослый человек, лишь притворяющийся её родственником. Ведь, с одной стороны, он ведь... всех обманывал.

— Что? — он поднял голову, глядя на торговца. — Нет, ещё вот это эфирное масло лимона.

Расплатившись, они двинулись, вместе со стражей, ко дворцу. Дроздов думал о своем, но его отвлекла Лилия, указывая на одиноко стоящую лавочку в самом конце:

— Лукас, смотри, краски!

Улыбнувшись, Дроздов повел девочку к лавке, действительно видя большой ассортимент самых разных красителей. Лилия рассматривала наборы из множества цветов, но Василий Петрович купил лишь три основных пигмента, пообещав сделать для неё краски своими руками. Малышка, конечно, не совсем поняла суть, но все равно смеялась со сложных объяснений брата.

Уже во дворце Лукас заперся в своей комнате, через Лансу отдавая поручения слугам, чтобы те подносили ему разную всячину. У него постепенно кончалась бумага, да и чернила. Получив первую необходимую партию, Дроздов надолго выпал из времени, чертя и мастера.

***

Только через двое суток полнейшей обособленности и добровольного заключения, Дроздов всё-таки показался на божий свет. За эти два дня он потреблял только воду, поэтому на завтрак с таким аппетитом, что, казалось, сейчас съест и скатерть со столом.

Ланса только смущенно бегала вокруг, подавала ему все новые блюда, пополняла чашку

с ароматным чаем и подавала салфетки.

— Вы так долго были заняты, — когда тот подуспокоился и откинулся на спинку стула, заговорила нянечка. — Что же вы делали?

Дроздов молча полез в пиджак, доставая небольшой квадратик, похожий на мыло, с вкраплениями крупной соли.

— Это подарок, — он улыбнулся, поправляя пиджак. — Им нужно мыть волосы. Только это не мыло. Это шампунь.

— Шампунь? — повторила девушка, нюхая подарок. — Приятно пахнет. Лимоном. Спасибо вам большое. И вы делали это два дня?

— Не только, — отмахнулся мужчина. — Но и это тоже. Ты не говори так, словно это глупость какая. Попробуй помыть им волосы, мыль только кожу головы, а сами волосы не трогай. Потом обсудим. Мне пора.

— К-куда же вы? — держа на раскрытых ладонках твердый шампунь, прокричала ему в след девушка. — Вы же только пришли...

Но у Дроздова дел было невпроворот. Он забежал в комнату, подхватив перевязанные его самодельной веревкой чертежи. Он уже хотел выходить, как вдруг вспомнил и про краски, размешанные в самые разные цвета, разлитые по стеклянным баночкам. Скоро они высохнут, как и вся акварель, так что ими уже можно будет рисовать.

Когда-то он проходил добровольцем в детской больнице, где ему одна девочка рассказала, как с мамой делала такие краски. Дроздов никогда сам не пробовал, так что это его первый опыт, но рассказ надежно засел в его голове.

Эта девочка потом прошла остаток курса реабилитации, смогла вернуться домой. И лишь через восемь лет Дроздов узнал, что её мать в пьяном угаре что-то подлила дочери в еду, то ли ошиблась, то ли правда не могла обеспечить ребенка и своим больным воспаленным мозгом искала выход.

Так он и запомнил на всю жизнь рецепт чертовой акварели, думая, что девочка может вовсе и не успела ими порисовать. Так что он был рад сделать их для Лилии.

Осторожно постучав, Дроздов вошел в комнату принцесс, что походила на каждую другую в этом замке. Не было в ней пестрого розового цвета, обилия кукол и мягких игрушек. Разве что простыни с парой мелких подушек выдавали в этом месте детскую руку.

— Я думала ты за нас забыл, — Нерель появилась из неоткуда, обнимая брата за пояс. — Где ты так долго пропадал?

Дроздов поставил свою ношу на пол, поманив к себе сидящую на пуфике Лилию.

— Я кое-что делал. Это краски, их тут много, так что пользуйтесь вместе. Их даже можно лизнуть как засохнут. Кисточки у вас есть?

Оказалось, в их комнате есть ровно то, что осталось после смерти родителей. За девочками никто особенно не следил, игрушками их не баловал, да и вниманием. Они росли как два брошенных росточка, пробивающихся в совершенно равнодушном мире.

Решив, что остальные дела могут немного подождать, мужчина отдал слугам приказ принести хорошие кисти и бумагу, он сел на кровать с малышками, уделяя им то единственное, что они никак не могли самостоятельно себе отвоевать.

— Так, хорошо, я расскажу вам одну интересную историю.

— Сказку? — уточнила Нерель. — Мы уже слишком взрослые для сказки.

— А я бы очень хотела послушать, — Лилия откинулась на подушку, умащиваясь поудобнее.

— Ну, это почти как сказка, только лучше, — Дроздов надел на себя маску рассказчика, тихо начиная. — Жила на свете одна принцесса.

— А почему одна? — возмутилась Нерель. — Нас же две!

— Сказка не обязательно должна быть про нас, — хихикнула Лилия.

— Ну, это не играет большой роли, — задумался Дроздов. — Жили на свете две сестры принцессы. Они были очень красивыми и их семья их очень сильно любила. Но случилось несчастье и их родители ушли.

— Как наши? — тихо спросила Нерель, поближе придвинувшись к брату.

— Ну... может быть, — Дроздов за локоть придвинул её к большой подушке, уминая поудобнее. — Так вот. И попали эти две принцессы к злой мачехе. И были у мачехи ещё две её дочери. У всех у них был очень плохой характер и очень много психологических проблем. Принцессы росли, взрослели и оказалось, что их местный принц устраивает бал, на котором будет искать себе жену. А, и у него был брат, который тоже искал себе жену.

— Как удобно получается, — хихикнула Лилия, но интереса не скрывала.

— Это да... Ну и, короче, принцессы очень хотели туда пойти, но их мачеха дала им очень много грязной работы по дому. А сама со своими дочерьми пошла на этот бал.

— Как-то подло...

— Угу. Но девочки были такими порядочными и добрыми, что к ним прилетела их фея-крестная.

— Это как? — нахмурилась Лилия.

— Ну... тетка их, — Дроздов покраснел, забыв, что религии здесь несколько другие. — И, собрав принцесс, фея дала им крутые платья, туфли, что там ещё нужно-то...

Нерель поддержала его рассказ радостным смехом.

— Вот. А потом они поехали, встретили принцев и танцевали с ними целый вечер и ночь. Ой, забыл, фея та сказала, что ровно в полночь принцессы останутся без платьев и туфель.

— Голыми? — наморщила нос Нерель.

— Ну, наверное, — логически подумав, кивнул Дроздов. Сказку он, очевидно, едва помнил. И то по мультику. Хотя вряд ли там Золушка голой оставалась. — И когда часы пробили двенадцать ночи, принцессы стали убегать, а их костюмы превращались в пыль. Принцы бежали за ними, но каждая из принцесс потеряла по туфельке. И не догнавшие их мужчины подобрали обувь и решили по ней искать своих любимых.

— Что, прямо любовь с первого взгляда, — сморщилась Нерель.

— А по лицам их искать не пробовали? — Лилия, кажется, была зла на глупых мужчин. — Кто вообще в здравом уме по туфлям девушек ищет.

— Это же просто история, — развел руками Дроздов, видя, как слуги принесли наконец кисти. — Так вот. Они меряли эти туфли на все королевство, пока не дошла очередь до дома принцесс. Там принцы надевали эти туфли на их сводных сестер и даже на мачеху. и правда, не могли по лицам узнать, что старая карга не их любимая?

Девочки поддержали его мысль задорным смехом.

— Закончилось все тем, что туфли подошли настоящим принцессам, они вышли замуж, а мачеха и их сводные сестры поехали на каторгу в шахту. Конец.

— Конец хороший, — улыбнулась Лилия. — А ты будешь устраивать бал и искать себе принцессу? То есть королеву.

— Через десяток-другой лет — обязательно, — Дроздов встал, подавая девочкам листы,

кисти и краски. — Нарисуйте для меня этих принцесс?

Только когда к вечеру обе сестры уснули, Дроздов вышел из их комнаты, молясь всем богам застать на месте плотника и кузнеца. Он не терял времени даром, по своей собственноручно нарисованной карте находя короткие пути и верные повороты. К его удаче, кузнец все ещё с кузни не ушел. В этом деле Дроздов не был особенно подкован, но видимо некую часть работы лучше выполнять после заката.

— Райнар? — уточнил Дроздов, пытаясь отдышаться. Рукава его рубашки были во всю перепачканы красками, как лицо шея и остальные сантиметры его естества.

— Ваше Величество? — испугавшись, мужчина выронил раскаленное железо, что зашипело на песке, припадая на одно колено.

— Встречными вопросами обменялись, — ухмыльнулся Василий Петрович, присаживаясь на соседнее полено, кое, очевидно, все использовали именно в этих целях. — Рад застать тебя здесь. Мне нужна одна необычная работа и пара обычных. Я сам нарисовал чертежи. Взгляни.

Поднявшись с колена, Райнар, высокий мужчина со смуглой обожженной солнцем и плавильней кожей, взял протянутые листы. Его лысина блестела при свете горящих вокруг свечей и странных летающих насекомых. Дроздов слышал, их называют светлячками, хотя на их сородичей в его мире они мало походили. Их сажали в банки, освещая комнаты вместо ламп.

— Да... — протянул кузнец. — Никогда такого не видывал. Всего четыре детали, но я понять не могу, что оно такое. Какие-то головоломки, а... как вы это собирать будете?

Дроздов подошел к кузнецу, заглядывая в свой же чертеж. Для этого ему пришлось встать на носочки.

— Смотри, это рамка. Она идет сразу со спусковым крючком, который даже не подпружинен и возвращается в исходное положение упругостью самого металла. Затвор с интегрированным ударником также зафиксирован от выпадения саморезом через верхнюю прорезь в рамке.

— Само... чем? — кажется, Райнар начинал думать, что король над ним просто издевается.

— Вот здесь, на втором листе все мелочи, — Дроздов не собирался играть с этим бугаем в угадайку. — Ты просто сделай его, я потом соберу.

— Я же не из вредности спрашиваю, я понять хочу! — кузнец отдал лист обратно мальчику. — Пока не объясните — я не возьмусь. Хоть казните! Не умею я ковать того, чего не понимаю!

— Да а как я тебе объясню? — Василий Петрович сел, массируя переносицу. — Это оружие. Когда выкуешь все детали, а их ничтожно мало, я добавлю в него, как сказать-то, снаряд. Эта штука будет на большой скорости бросать в противника ядро. Очень маленькое ядро. Это будет смертоносно и хорошо в бою.

— Ну... звучит хотя бы вменяемо, — кивнул мужчина. — И что это за детали? Мне ковать только на первую страницу, что вы показали?

— Нет, здесь вот ещё, — Дроздов показал чертеж на другой стороне. — Металлическими здесь ещё являются ствол, интегрированный в рамку, ударник, встроенный в затвор и боевая пружина. Ещё бы предохранитель вот сюда прикрутить, но это можно уже

на следующих моделях сделать. Первый будет испытательным.

— И... сколько таких надо? — на лбу Райнара выступила испарина.

— А сколько у нас народу в армии?

— Много...

— Вот столько штук и понадобится. Нет, даже по нескольку на душу. Вдруг поломка какая, — король тоже утер лоб. Возле кузни было нестерпимо жарко. — Ладно, я пошел. Когда примерно готово будет?

— Начинайте заглядывать через пару дней, — кузнец все ещё смотрел в чертежи. — И неужели вот это может людей убивать?

— Ну вот и посмотрим, может ли, — пожал плечами Дроздов. — Я вроде довольно точно помню, как там оно было, слишком простые уж детали. Но если не сойдется чего — будем исправлять пока не получится.

Следующим он наведлся к плотнику, там все было не так печально. Несчастный весь покраснел от личного внимания, стал заикаться, но без возражений принял чертеж ткацкого станка. В нем Дроздов вообще уверен не был, он помнил конструкцию из краеведческого музея, где занудная тетка как назло уделила агрегату все пятнадцать минут. Ну это тогда «как назло», сейчас это «слава богу» и «могла бы и подробнее рассказать».

Уже собираясь в свою комнату, чтобы лечь и вытянуть ноги, Дроздов заметил пометку на своей карте, что прямо за рыцарскими доспехами есть рычажок, открывающий тайный ход куда-то сквозь замок. Любопытство играло с ним злую шутку, мужчина сомневался, думал, что стоило бы сначала хоть один пистолет сделать, а потом уже соваться в неприятности, но ноги его уже вели.

Он успокаивал себя, что под штаниной у него спрятан изящный клинок, купленный пару дней назад на рынке. Заточив на нем нормально лезвие, Дроздов надеялся на него как на верного друга, хотя это их первая совместная вылазка.

Осторожно отодвинув доспехи, Дроздов нашарил рукой рычаг. Рядом, буквально в метре, отъехала часть стены. Поставив все как было, мужчина шагнул внутрь, думая, что он уже не может передумать. Но столкнувшись с непроглядной тьмой, он хотел было выйти и вернуться в следующий раз с факелом или хотя бы свечой, но проход за ним самостоятельно закрылся.

И тогда прямо над его головой вспыхнул крошечный огонек. Помня наставления Адама и учителей с бесконечных занятий магии, что никаких плодов не приносили, Лукас почувствовал в воздухе то, что появлялось, когда кто-то использовал магию. Его искра на неё реагировала и подсказывала, что витающая в воздухе сила совсем уж не добрая.

Но отступать было поздно.

Дроздов продолжал путь, следуя велению прямого коридора, не имеющего никаких развилок. Только спустя минут пятнадцать ходьбы, Василий Петрович оказался на распутье. В одном месте, слева, была дверь, ну а справа коридор продолжался. Приложив ухо к двери, Лукас ничего не услышал. Дернув за кольцо, он с удивлением понял, что она не заперта. Ещё больше его поразило то, что за дверью просто следовал ещё один коридор.

Пожав плечами и чиркнув это на карте, Дроздов продолжил путь. Дальше его ждал настоящий лабиринт.

Казалось, прошло несколько часов, прежде, чем он наконец пришел к следующей двери. Ноги саднило от неудобной обуви, ещё и на каблуке, жутко хотелось пить, да и усталость давала о себе знать. Василий Петрович налег на дверь, оказываясь... лишь в очередном

коридоре.

Ему казалось, эта пытка длится вечно. Он блуждал по лабиринту, давно бросив попытки фиксировать свои повороты. Их было так много, что с тем же успехом он мог просто почиркать пером по бумаге.

Как вдруг в конце очередной развилки мужчина увидел раскрытую книгу на высоком постаменте. Вокруг неё горели по четыре свечи с каждой стороны, а сам фолиант был раскрыт ровно посередине, где пером были написаны всего пара строк:

«Всегда ведут вас вперед,
но сами ходят лишь по кругу».

Рядом стояла чернильница с пером. Решив, что терять ему нечего, Дроздов стряхнул лишние чернила, прямо под загадкой выводя ответ:

«Стрелки часов».

Страницы тут же стали сами перелистываться, из-за чего мужчина отшатнулся. Это снова начинало напоминать какой-то жуткий трип, но бежать было некуда. Постамент с книгой уехал вниз, а за ним открылся проход. Не зная, что ещё ожидать, Дроздов, на всякий случай перепрыгнув закрывшийся снизу люк, вошел в комнату.

Там было довольно светло, благодаря десяткам, а то и сотням свечей. Все вокруг напоминало ему каких-нибудь «Расхитителей гробниц» — все в золотых монетах, драгоценностях, странных сундуках и... прочей пыльной гадости, к которой прикасаться не хотелось.

Кто вообще в здравом уме будет оставлять подобное внутри стен замка. Да и зачем? И чем дальше шел Дроздов, тем страннее казалось это место. Потолок нависал все ниже, стены сжимались, казалось, его вот-вот раздавит. Понимая, что смысла двигаться дальше нет, он, ростом двенадцатилетнего ребенка упираясь в потолок, решил развернуться и идти назад. И плевать, что секреты этого места ему так и не подчинились.

Но, развернувшись на каблуках, Дроздов носом уперся в стену.

Паника захлестнула с головой.

Все это место специально вело его куда-то, отрезая путь назад. Постояв так какое-то время, мужчина тяжело дышал, чувствуя, как выступает пот. Волосы намокли, по лицу бежали целые потоки. Крошечного кружочка света над головой хватало ровно, чтобы видеть дорогу на вытянутую руку, так что он никак не мог понять, что же там впереди.

Но стоять вечность на месте было бессмысленно.

Дроздов продолжил идти, на всякий случай вынув нож. Он уже полз на коленях, едва протискиваясь через все сужающийся проход. Когда пришлось ползти, Василий Петрович едва дышал. Локти саднило, подгоняющая сзади стена то и дело касалась его ног. Ему уже казалось, что в какой-то момент он просто застрянет между стенами и умрет от разрыва сердца.

Но этого не произошло.

Весь мокрый, грязный, с порванной рубашкой, Лукас выполз в темное помещение. Его лучик света за ним не пошел, оставшись в узком коридоре. Новая волна страха не успела толком на него обрушиться, как среди кромешного мрака вспыхнули пара свечей, горящих каким-то красноватым светом. Следуя через них, словно через арку, король шел дальше, вдруг замечая на полу свернутый пыльный свиток.

Подняв его, Дроздов с интересом развернул бумагу, видя перед собой привычные ему, как врачу, латинские буквы.

— Volo potentiam tuam Deam, — прочел он, улыбаясь. Надо же, здесь кто-то молился. — Et in inferno anima mea.

Развернув дальше, Дроздов просмотрел ещё порядка двадцати разных записей, сделанных от руки. Перевод он понимал, но многие слова как будто теряли смысл. Кто-то просил Богиню даровать ему силу, а дальше писал несусветную чушь, соединяя слова, никак друг с другом не связанные. Видимо, этот кто-то слишком плохо знает латынь.

Решив, что ещё дома почитает эти странные предложения, чтобы разобраться и, может, спросить Лансу, Дроздов сунул свиток в карман. Идти стало неудобно, но какое-то время он терпел, пытаясь не отвлекаться и найти выход. Когда стены обратно стали сужаться, мужчина психанул и выбросил мешающий свиток. Все равно там ничего важного!

Ещё один такой же путь на карачках ему пришлось преодолеть, прежде, чем Лукас оказался в следующей комнате. Выхода из неё было два — обратно в узкий проход и... через главный вход на противоположной стороне. Но то, что та была закрыта на все замки и засовы — к бабке не ходи.

Дроздов бы удивился, если бы Вергель не запирали свою коллекцию.

Как он оказался не так уж и далеко от своей комнаты, мужчина не знал. По ощущению он провел в стенах замка сутки, хотя за небольшим окошком под потолком начинало светать. Решив все-таки проверить злосчастную дверь, Дроздов двинулся мимо камер с пленниками. Те смотрели на него с удивлением, провожая полными боли глазами.

Только Бальфур не повернул головы, весь закованный с головы до ног.

Возле его клетки остановился король, осторожно приближаясь к прутьям. Он смотрел на эльфа, помня свое обещание Лансе. Неужели одна душа может так многое изменить? Он сам, будучи королем, едва-едва борется за изменения, как же может бандит и убийца творить столько добра?

— Ты не король Лукас, — вдруг просипел эльф, глядя из-подо лба на Дроздова. — Ты кто такой?!

— Король, вероятно, погиб, — тихо ответил Василий Петрович, удивленный словам Бальфура. — Как ты узнал?..

— Я вижу души, — сипел эльф. Было видно как тяжело ему говорить из-за металлического намордника. — И твоя душа другая. Зачем ты здесь?

— Конкретно в этой комнате... или мире? — страх снова липкими нитями окутывал мужчину. Детская нервная система уже не справлялась с таким стрессом. — Но ответ все равно один. И туда и туда меня привели без моего на то желания.

— Значит, на то воля Богини, — Бальфур устало прикрыл глаза. — Ты должен освободить меня. Скорее.

— Знать бы как, — Дроздов осмотрел замок, обычный кованный, такой не собьешь ни расколешь, только ключ нужен.

— С помощью магии, Лукас! — шикнул эльф раздраженно. — Ты ведь маг, ещё и с её свитком, почти треть, твоей силы должно хватить, чтобы взорвать замок.

— Я выбросил свиток... — Дроздов опустил глаза, замечая оный у себя в кармане.

Захотелось перекреститься...

Он ведь точно его выбрасывал!

Но времени паниковать не было. Король развернул старую бумагу, находя треть, как выразился Бальфур, заклинание.

— Огонь какой-то, пепел, это же просто набор слов! — возмутился он, глядя в свиток.

— Знаешь мертвый язык? — эльф уважительно кивнул. — Просто читай, выставь ладонь к замку.

Сглотнув вязкую слюну, Дроздов подошел, почти касаясь замка. У него спустился тысячи проб ничего не вышло, даже не удалось найти в себе искру, да как он должен взорвать замок? Ну, пусть этот Бальфур увидит, что так ничего не выйдет. Чем скорее он покажет, тем скорее они приступят к реально выполнимым планам.

— *Ignis et cineres, pulvis pyrius et scintilla,* — пересохшими враз губами проговорил Дроздов, замечая, что вокруг поднялся ветер. Он на выдохе, едва заметно проговорил последнее слово: — *Crepitus.*

Небывалой силы взрыв раздался, вырываясь из его ладони. Снесло всю камеру, не то, что замок, а с ними и несущую стену. Его самого не обожгло, видимо, потому что это был его огонь, но вот, что Бальфур выжил — Дроздов сомневался. Но когда все осело, его за шкуру схватили сильные руки, волоча через получившуюся дыру наружу.

— Ты... как ты вообще выжил?! — только прокричал слегка оглушенный король, пока, держа его на весу, Бальфур по земляному насыпу выбрался наверх.

— Эта магия на меня не действует, — равнодушно бросил эльф, подталкивая мальчика в спину. — Скорее, уходи, пока тебя не заметили. Я дальше сам по себе. Но, чувствую, мы совсем скоро встретимся.

Дроздов понимал, что ему срочно нужно уходить, но никак не мог оторвать глаз от убегающего прочь эльфа. Он был таким чудным, огромным, словно великан, с длинными черными волосами. Бежал, как в криповых мультиках бегали какие-то атланты, словно на его плечах держится небосвод.

Только когда неподалеку раздались крики, Василий Петрович шмыгнул в кусты, по над фасадом дворца пробираясь к своей комнате. Он и не помнил, как там оказался, дрожа всем телом и все ещё сжимая свиток. Первым делом он бросился за стол, переписывая заклинания, на случай, если со свитком что-то случится — заучит он их позже.

Наверное, он был так увлечен, что не сразу заметил шаги за дверью.

К счастью, это была Ланса, она ворвалась без стука, прикрывая за собой дверь и радостно крича, правда, обрываясь на последнем слове:

— Мой король, Бальфур освобо... — она заметила его, покрытого сажей и пылью. — О... Боже, это сделали... — она понизила тон. — Вы?!

— Не кричи, — Дроздов отмахнулся, — подготовь мне одежду.

— На это не времени, — эльфийка подлетела, на ходу раздевая парня. Она потащила его в ванную, обливая ледяной водой и одновременно обтирая тканью. — В любой момент сюда может ворваться Вергель, ему ни за что нельзя заметить на вас и пятнышка!

И Ланса была совершенно права. Не успели они толком застегнуть его рубашку, как к ним ворвались. Его грязные вещи были просто запихнуты под кровать. Дроздов принял самый невозмутимый вид, с удивлением глядя на вошедшего.

— Что-то стряслось? Я слышал взрыв.

Но Вергель ни слова не ответил, лишь запер за собой дверь с другой стороны. Ланса устало выдохнула, упав в кресло. Через минут десять молчания, она вдруг спросила:

— Вы сделали это ради меня?

Дроздов неоднозначно пожал плечами.

— Считай, он просто меня уболтал.

Поняв, что король не хочет об этом говорить, нянечка забрала грязные вещи, уходя. Она

спросила его о завтраке, но Дроздову кусок бы в горло не полез. Он передел ночную рубаху и забрался в постель, пытаясь оставить позади прошедшую ночь. Сердце, правда, бешено колотилось, отказываясь успокаиваться.

Тогда, лежа в постели, он просто обдумывал все произошедшее. Надо же, чтобы попасть в какое-то место, ему попала до ужаса простая загадка. Хотя... может для местных она сложная... Да и вообще, стрелки часов — надо же, звучит как загадка для детей.

Сон постепенно забирал его в свои ласковые объятия.

Как вдруг мужчина распахнул глаза и сел, едва не схватившись за сердце.

Здесь нет механических часов со стрелками.

Только песочные.

— Значит, сердце качает кровь по венам, — Лилия хмурилась, пытаясь припомнить все сложные словечки. — А мозг... руководит телом?

— Верно.

Дроздов качал девочку на качелях, рассказывая ей интересные для средневековых реалий вещи. Сначала она слушала молекулы и атомы, потом про математические уравнения, а теперь вот они подошли к объяснению человеческого тела.

— А зачем нам кровь? — спросила Лилия, с интересом глядя на брата. — И почему ты такой умный и все это знаешь?

— Я хорошо учился, — почти не солгал мужчина. — Кровь много чего полезного делает. И ранки заживляет и кислородом насыщает все тело. Если её сильно много вытечет, человек умрет.

— Вот бы можно было её как-то заново вливать, — вздохнула, о чем-то своем задумавшись девочка. — Листики поэтому умирают, если оторвать их от дерева? Их больше не питает кровь?

Дроздов рассмеялся, едва не забыв качать качели.

— Нет, но принцип похожий. Если поставить листик с веточкой в воду, там тоже будет небольшой корешок со временем. Попробуй.

Лилия прыгнула с качели, и они пошли по саду, выбирая дерево, что девочка собиралась клонировать. Она хотела посадить его возле комнаты, чтобы из окна всегда было видно её деревце.

— Вот, это! — она запрыгала вокруг дерева со светло-розовыми крупными цветами. — Хочу, чтобы оно росло у меня!

Тогда Дроздов помог ей оторвать листик, и они торжественно понесли его ставить в банку с водой. Убрав его на подоконник и защекотав только проснувшуюся Нерель, мужчина оставил сестер наедине. Ему ещё столько дел нужно было сделать.

Теперь каждое его утро было практически одинаковым. Он вставал, выходил на тренировку, медитировал, завтракал, решал королевские дела и разбирался с чертежами. Только к ночи он закрывался в комнате, доставая свиток, хотя точно помнил каждое слово из него.

У Дроздова наконец получалось колдовать. Магия подчинялась, мало того, она поражала своей мощью. Ему так и не удалось отыскать искру о которой все говорили, но используя эти заклинания, король с легкостью мог добиться своих целей. Теперь ему не нужно было просить Лансу сделать шарик света или таскать за собой жуткое насекомое в банке.

Достаточно было произнести «meridiem», и высоко над ним появлялся искусственный свет, следующий за ним по пятам. Парень не скрывал своих сил, это было бессмысленно, учителя, да и все вокруг, чувствовали в нем эту странную энергию. Он пробовал и другие заклинания, но ничего не работало, только те, что написаны в свитке. Той же Лансе достаточно было приказать стулу подъехать, как тот скользил по полу к руке, словно верный пес. Сколько бы Дроздов не вел с мебелью переговоров — та отказывалась шевелиться.

Ещё одним важным событием стали письма от Бальфура, то ли он принял Дроздова за своего сообщника, то ли был благодарен за спасение, но эльф писал ему о важных событиях

у эльфов. Хотя помимо этого, он всегда предупреждал короля, что немаги активизировались или что затевается бунт. Так Дроздов успевал решать проблемы ещё до того, как они случались.

По королевству о нем шла хорошая слава, Лукаса любили, почитали и жаловали. Ему то и дело приходили охапки цветов, ящики с овощами и прочие знаки благодарности. Дроздов поступал хитрее, раздавая их прислуге. Те тоже оставались довольны, так что рады были все, кроме Вергея. Тот отстал от Дроздова лишь потому, что бросил все силы на поимку Бальфура.

Но Василий Петрович о его вылазках тоже знал и успевал предупредить эльфа. Таким получался их взаимовыгодный союз.

Вот и сейчас король изловил случайного голубя, привязал к нему крошечное послание на мертвом языке, да и пошел решать остальные дела. Первым его ждал плотник. Спустя долгое время проб и ошибок, Дроздов в последний раз переделал чертеж. Оставалось его занести и ждать выполнения.

В помещении, отведенном для подобных работ, уже стояли едва ли не с полдюжины неудачных станков. На них смотришь и плакать хочется. Плотник тоже вопросов не задавал. Дроздов вообще уверен не был, что его профессия здесь именно так называется, так что, отдав чертеж, он быстренько пошел дальше. Следом нужно было зайти к Райнару, только уже совсем не с чертежом.

Так же ошибаясь, сто раз переделывая, но не сдаваясь, они нашли верные пропорции и расчеты. Дроздов практически вбежал на кузню, замечая, что Райнар ждет его сидя за столом.

— Ваше Величество, — кузнец улыбнулся во всю ширь. — Принимайте.

Взяв резной ящичек, Дроздов откинул крышку. На изящной розовой подушечке лежал его пистолет, смешной, обделенный должной мощью и патронниками, он все равно выполнял свою функцию. Он стрелял. С патронами вообще встала такая проблема, что Дроздов, казалось, поседеет в двенадцать. Но вот спустя столько мучений, на подушечке рядом с пистолетом покоились двенадцать, как это называлось в его мире, строительных патронов. Да, они холостые, но без них с его облегченной версией пистолета не настреляешься.

Ещё в прошлый раз они отлили порядка сотни небольших пневматических пуль. Как раз за счет холостого патрона выстрел станет самым настоящим. Правда, им пришлось приглашать другого кузнеца, что и занимался отливом. Дроздов решил податься в эксперименты, он раньше ещё ребенком очень часто ездил на охоту с воздушкой, так что с пневматикой был знаком на ура. Его любимыми были светошумовые патроны, попадая в цель они создавали красивый эффект — хлопок и вспышку.

Хорошо все-таки, что он не только красивый, но ещё и умный. Он знал, что патроны эти в основном работают за счет бертолевой соли. Он уже получал её на последних курсах института, химия была его любимым предметом.

Так что на все понадобилась лишь неделя. Пока кузнец лил пули, он получал хлорат калия путем электролиза. Потом к получившемуся хлорату натрия он добавил нитрат калия. Его тоже из воздуха не сделать, Дроздов нашкреб золы из хвороста, и после биохимических процессов в ней образовалась калиевая селитра. Ее он выщелачил водой, получая сравнительно чистый нитрат калия. Уже потом, имея после обменной реакции хлорат калия, оставалось этот раствор охладить. Он выпал в осадок, дав мужчине необходимую для

спецэффектов бертолеву соль.

Этих патронов было пару штук, но этого для его задумки должно было хватить.

Взяв пистолет в руку, Дроздов закинул в него строительный патрон и холостую, обычную, пульку. Позвав кузнеца на улицу, король взял со стола стеклянный стакан, поставив его на забор. Удостоверившись, что мимо никто проходить не будет, Дроздов прицелился и...

Раздался выстрел.

Стакан лопнул, осыпавшись осколками.

— Ура-а-а! — закричал король, словно ребенок прыгая на одном месте. — Райнар, мы сделали это!

Кузнец его радости не разделял.

— Только зачем? Вы же магией можете кого угодно убить. Толку армии от этих шумных железяк?

— Ты не знаешь просто, что основная причина поражений магов в том, что на колдовство нужно время. Солдатам приходится сражаться не на своей земле, там на них нападают дикие звери, дикие люди, что не будут ждать, пока маг настроится и выдаст заклинание, — Дроздов с восторгом гладил теплый корпус пистолета. — Это слабость магов. И если в быстрых боях, где нужно срочно действовать, мы сможем пользоваться этим — это изменит все.

Райнар кивнул, но как-то нехотя.

— Ну и... жаль ядро только одно, потом заново закидывать, — он почесал голову. — Да и что, пугать ею только. Столько сил... эх, столько сил. На разбитые стаканы.

— Ах вот оно что, — Дроздов усмехнулся. Конечно, кузнец ведь не понимает истинную силу такой пульки. Закинув ещё один холостой патрон и следом пульку, король заговорил: — Как ты думаешь, что будет, если я стрельну тебе в ногу?

— Будет рана, — пожал плечами Райнар. — Хотя скорее просто синяк, смотря как сильно будете стрелять.

Отсмеявшись, Дроздов утер слезы. Он хотел показать, что будет, но кузнец ему был нужен целым и работоспособным. У него почти готов чертеж на полупневматическую винтовку, да и пистолетами армию вооружать...

— Вечером буде собрание, я тебя туда приглашаю как гостя, — Лукас повел кузнеца обратно в дом, желая уложить пистолет на место. — Я для всех там проведу эксперимент на бешеном кабане.

Договорившись с Райнаром и отдав приказ внести его в список, Дроздов отнес пистолет сразу в зал, где будет происходить собрание. До вечера у него оставались дела и, что самое важное, Лилия просила проводить её в дорогу. Девочка хотела навестить подругу, та жила не так далеко, в соседнем от столицы городе. Задумавшись тогда вновь о проблеме патронов, Дроздов пропустил кем там являлась её подруга, маркизой ли, бароннетой, а может ещё кем-то.

Так что переодевшись и пройдясь ещё раз глазами по всем чертежам, Лукас выскочил из комнаты. Ланса сегодня была так же прекрасна, как и всегда, она что-то напевала и протирала всюду пыль. Иногда Дроздов замечал, что девушка посматривает на него слегка смущенно, но старался не обращать на это внимания.

— Бра-ате-ец! — кинулась к нему Лилия, обнимая поперек живота. — Я бу-уду та-ак ску-уча-а-а-ать!

— А я уже как будто скучаю, — он погладил девочку по голове, замечая на ней дорожный плащ. — Готова к приключениям?

— Не знаю, — та пожала плечами и за руку повела его к своему картелю. — Смотри, моя карета.

— Хорошая, — Дроздов постучал по корпусу и заглянул на колеса. — Ты там без меня не сильно веселись. Идёт?

Усадив Лилию на лавочку в карете, Дроздов клятвенно пообещал присматривать за «Рори», тем оторванным листиком. Что там присматривать? Не убежит же он! Ещё какое-то время глядя в след удаляющемуся картелю, король ощущал легкую грусть. На душе было тяжело, он вроде и предвкушал собрание, но грусть расставания с девочкой, которую он словно всю жизнь знал, заставляла его меланхолизироваться.

***

Вскоре началось собрание. На него Дроздов опоздал, ему пришло письмо от Бальфура, но прочесть его до конца король не успел. Так что смяв его, он сунул бумагу в карман пиджака, бросив его на спинку кресла. Ланса брала только те вещи, что мужчина бросал на пол, так что о сохранности письма Дроздов не переживал.

— Мы уже решили, что вы не придете, — хмыкнул тот самый вредный старик, которого Василий Петрович за глаза звал Дамблдором. — Как грубо с вашей стороны.

— Я тоже рад всех вас видеть, — махнул Дроздов садиться участникам круглого стола. Он заметил, что в тени угла стоит кузнец, скрестив на груди руки. — Так, сначала давайте обсудим главные новости, потом я, как и обещал, кое-что покажу.

Служка подлетел, схватил бумаги, но до этого словно отсутствующий Вергель указал на Райнара.

— Может оставим королевские тайны «тайнами»?

— О, верно, — сев на трон, спохватился Дроздов. — Райнар, оставь нас ненадолго, но никуда не уходи. Я тебя скоро позову.

Служка, дождавшись одобрительного кивка, зачитал:

— Вернулся разведчик Демьяна, вышедший с тремя гвардейцами на поиски похищенных девушек. Пока он в госпитале, но как только ему станет лучше, он хочет, чтобы его выслушали.

— Я навещу его лично, — кивнул Дроздов. — Дальше.

Как-то было слишком много запросов, да и большинство о нападениях и смертях Приграничные города молили короля о помощи, так что он отдал приказ ответить секретарю на каждое, можно примерно одним или одним текстом, в зависимости от запроса. Король обещал им помощь. Он не бездействует, он наращивает силы. Он там ещё кое с чем разбирался, ведь, помимо вооружения, хромала и численность армии, но это пока тоже было в процессе, так что отвлекаться мужчина не желал.

Когда последнее обращение было прочитано и разобрано, Дроздов отдал приказ пригласить кузнеца и ввести кабана. Тот был действительно болен, его все равно бы забили, главное только, чтобы никакой дурак не решил это мясо есть. Так что после стрельбы он хотел удостовериться, что как минимум ему на стол эту божью тварь не подадут.

— Это то, чем я занимался последние недели, — Дроздов поставил на круглый стол ящик, медленно поднимая крышку и демонстрируя всем огнестрельное оружие. — Это пистолет. Он поможет нам быстро реагировать в условиях, когда пользоваться магией нет

времени, а противник сохраняет дистанцию. Либо, когда действовать нужно осторожно и издалека.

— Маленькая железная игрушка, — фыркнул Вергель, все так же стоя позади трона. — Что оно может? Кинуть его в немагов? Это и есть план?

Дроздов криво усмехнулся, закидывая патрон и пулю.

— Ради вашей же безопасности, сэра Вергель, не дергайтесь.

Раздался выстрел. Светошумовые пули были куда менее опасными, чем обычные, так что он не боялся ошибки. Раздался хлопок, яркая вспышка. Советники вскрикнули, кто-то вскочил, один только Вергель не реагировал, его лицо застыло, словно маска. Когда легкая дымка от светошумовой рассеялась, они увидели дыру в обшивке трона.

— Ваша радость, сэра Вергель, что я искусный стрелок. Немного выше и... — он затаил голос, перезаряжая пистолет. — Ничего не говорите, давайте посмотрим, что будет, если вот эта, — он продемонстрировал, — крошечная пулька попадет в живое создание.

Дроздов немного подошел к кабану. Тот оказался коренастым, с толстой шкурой. Он по максимуму сократил расстояния, продолжая комментировать свои действия:

— Сейчас я взял другую пульку, отличную от той, что стреляла в моего десницу. Эта тише, быстрая безжалостная убийца.

Раздался выстрел.

Кабан завизжал, из его шеи струилась кровь. Он захрипел, падая набок и корчась от боли. Перезарядив, Дроздов совершил ещё один выстрел. На этот раз контрольный, прямо кабану в глаз. Тот сразу обмяк.

— В противника можно второй раз не стрелять, он и так и так отправится на тот свет.

В повисшей тишине был очень красноречиво слышен ответ на вопрос, нужно ли такое вооружение. Погладив по корпусу пистолет, Дроздов уложил его обратно в ящик, заботливо накрыв крышкой.

— Я хочу набрать молодых солдат, всех, кто готов защищать свой народ. Несчастных женщин, которых то и дело похищают немаги. Я лично обучу их стрельбе. И больше ни одна живая душа не посмеет трогать моих людей.

***

Бредя домой Дроздов был просто счастлив, что все повернулось именно так. Единогласно поддержав его идею, весь совет просто с ума сходил от восторга. И Василий Петрович разделял их эмоции. Это было круто, это было просто фантастически! Это был первый шаг к победе в войне, но он был самым важным и самым трудным.

Окрыленный этим успехом, мужчина душевно чмокнул раскрасневшуюся Лансу в щеку, скрываясь в ванной. Только закончив все водные процедуры, он вышел в комнату, замечая висящий на кресле пиджак. Сунув в него руку, Дроздов достал письмо, завалившись на кровать и читая его с того места, на котором остановился:

" ...является первостепенной моей задачей. Этот человек просто символ всего угнетения эльфийского народа. Не знаю каким чудом ты на нашей стороне, но я больше не могу даровать минуты жизни сэру Вергелю. Ты не поддержишь кровопролития, я видел твою душу, но и видел я, что ты не станешь терпеть его выходки.

Я говорю это не из личной выгоды, Лукас, я ничего с этого не имею. Но прошу тебя, поспеши к дому маркизов Минуаттов, все их поместье через считанные часы станет одной кровавой баней. Вергель решил нанести по тебе удар исподтишка. Мои эльфы постараются

прийти на подмогу, но мы слишком далеко от поместья и столицы.

И да, не раскрывай, что узнал это от меня, иначе моему информатору крышка».

Дочитав, Дроздов опустил письмо, понимая, что чувствует жуткую тревогу. Сердце колотилось, а он сидел, смотрел в пол и не понимал, почему его тело так реагирует.

Прошла ещё секунда, и, вскочив от ужаса, Дроздов осознал.

Лилия.

Лилия была рада увидеть подругу. Столько времени прошло с момента, когда родители привозили её сюда в последний раз. После их смерти не осталось кого-то, кто ухаживал бы за ними с сестрой. Братья росли сами по себе, Лукас до последнего времени был крайне отстранен и сосредоточен на своих проблемах, а Адам, хоть и старался сам всех оттолкнуть, в итоге действительно остался наедине с собой.

Изменения самого старшего брата пошли на пользу всему королевству, и Лилия искренне верила, что благодаря ему все изменится, закончится долгое противостояние магов с немагами, да и эльфы наконец обретут свою свободу. Но сейчас девочка не хотела думать о судьбе народа, она желала просто провести пару дней с подругой, наслаждаясь беззаботностью. Вот, что подарил ей Лукас. По крайней мере её, он уже сделал счастливой.

— Слышала, барон Хербью ищет невесту! — хихикнула маркиза, пока Лилия задумчиво смотрела в окно. — Ему уже пятнадцать, отец ушел на войну, вот он и стал во главе. Мама с папой уже отправили ему бумагу. Так, — она хихикнула, — поздравить и намекнуть, что у них тоже есть дочь.

— Тебе двенадцать, Софи, — улыбнулась принцесса, поставив чашку с остывающим чаем на столик. — Прямо как Лукасу. Разве он для тебя не самая достойная партия?

Девочка с длинными каштановыми волосами покраснела, помахав на себя ладошкой.

— Лукас — король. Какая-то маркиза никогда не заполучит его сердце.

— Я принцесса и наместница, — рассмеялась Лилия, — но мое сердце ты забрала ещё давно. Да и... Я могла бы пригласить тебя к нам в следующий раз. Мы все почтем за честь.

Продолжая хихикать и обсуждать достоинства и недостатки статуса короля в браке, девочки ещё долго пили чай, наслаждаясь обществом друг друга и покоем. Лилия даже начала чувствовать усталость, хотя солнце только собиралось садиться за горизонт. Наверное, это с дороги.

Только она хотела попросить маркизу сопроводить её к спальням, как вдруг раздался громкий хлопок. Вскрикнув, Софи вскочила, испуганно глядя на подругу.

— Что... что это было?..

— Похоже на всплеск магии, — и сама Лилия тоже сильно испугалась. Звук был очень характерный. Он, словно гонг, раздаётся в начале страшного боя магов. Сильных, готовых убивать.

Обнявшись, девочки отползли к стене за кресла, ведь за окнами раздавались истошные крики, не предвещающие ничего хорошего. Дворец тряхнуло, где-то посыпалась пыль. Казалось, они так и просидят все время, как вдруг к ним вбежала нянечка. Она едва заметила спрятавшихся девочек, хватая маркизу и закидывая себе на плечо, а Лилию волоча за руку.

— Куда мы идем? — на бегу спросила принцесса.

— В подвал, вас срочно нужно спрятать! — бросила эльфийка, быстро перебирая ногами по ступеням.

Лилия слышала грубые мужские голоса совсем рядом, но помимо них ещё и очень много криков. Женских, мужских, но все они были такими надрывными. Если бы смерть умела кричать, то это бы звучало именно так. Принцесса попыталась перешагнуть порожек, но зацепилась за него платьем, спотыкаясь и вырывая ладонь из руки нянечки. Та, не замедляясь, махнула догонять, но девочка подвернула ногу — из-за туфель на каблуке её

стопа вывернулась при падении.

Вставая и придерживаясь за стену, Лилия пыталась идти, но боль в ноге была невероятно пронизывающей. А вокруг так кричали, что, напуганная, она через боль стала шагать быстрее.

Чьи-то грубые руки схватили её подмышки, рывком дергая вверх. С пеленой из слез, принцесса видела, как впереди лишь мелькнули темные волосы её подруги. Их уже никто не преследовал, а значит... эти люди пришли за ней.

— Есть! — заорал человек, держащий её на весу. — Она у меня!

Крики и бойня вокруг не прекращалась. Девушка плакала, но вырваться не пыталась, казалось, все её тело окостенело, и она не могла даже повернуть голову, чтобы посмотреть на своих врагов. Её усадили в кресло, и теперь Лилия созерцала троих, всех в крови и ранах. Она потянула носом воздух, напоследок пытаясь понять, кто перед ней. Вокруг витала их мана, каждый из троицы колдовал совсем недавно, а значит... маги.

Это уже не война, это предательство. Это измена.

— Давай ты, — тот, что её нёс, передал другому нож. — Я не могу. Неправильно это. Ребенка...

— Слабак, — хмыкнул третий, обходя кресло и цепляясь худыми пальцами в плечи Лилии. — Я подержу, давай.

Тот второй ещё какое-то время смотрел на оружие в своей руке, а потом медленно двинулся к принцессе.

— Мне жаль, — сказал он ей почти в лицо. — Видит Бог, я не хотел этого.

— Богиня не будет слушать твои оправдания, — чувствуя, как по лицу катятся слёзы, проговорила Лилия, вцепившись пальцами в обшивку кресла, — когда выпьет твою душу, грешник.

Лезвие вошло ей между ребер, заставляя девочку закашлять. Боль на мгновение ослепила, но потом краски вернулись, утекая уже очень медленно. Лилия хотела коснуться раны, но руки не слушались, оставаясь безвольно лежать на подлокотниках кресла.

Могла ли она убежать? Могла ли она сражаться с этими людьми? Могла ли она бороться за свою жизнь? За жизнь, что только-только успела стать счастливой.

Её голова повисла, словно Лилия уснула сидя. Рот слегка приоткрыт, глаза смотрят на запачканное платье.

Такой Лукас её и нашел.

***

Он сидел в своей комнате не шевелясь.

Прошло уже больше суток, а он все смотрел в одну точку, пытаясь перестать думать об увиденном. Лилия, словно кукла, упавшая в банку с краской. Такая маленькая, такая безвинная. Дроздов очень привязался за этот месяц к девочке, сам не понимая, как это могло произойти. Он не любил своих сестер, не любил в принципе детей. Он любил только себя, тогда...

Тогда почему это убило и что-то внутри него?

Апатия проходила, приходила ярость. Дроздов ведь знал, кто в этом виноват. Он вскочил, рывком открывая ящик стола и доставая оттуда пистолет. На бегу схватив патроны, король зарядил оружие и бежал к комнате Вергея. Он был готов убить этого человека, на милость этот демон во плоти не заслуживал. Но в комнате советника не оказалось, не нашел

его Дроздов и в его коллекционной, и в зале совета.

Стоя на ступенях дворца, мужчина устало опустил на них, придерживая голову.

Солнце садилось, заливая оранжевым светом мрамор пола и высоких колон. Люди ходили вокруг, глядя на убитого горем короля. Кто-то пытался с ним заговорить, кто-то обсуждал произошедшее, но Дроздов лишь тихо плакал, вдруг подрываясь и глядя на мир, словно в первый раз.

Вот оно, дерьмовое чувство, которого он был так долго лишен.

Дроздов смотрел на пистолет в своей руке, на прохожих. Все это не шутка, не фильм, даже не трип. Это жизнь, она течет и происходит. Она настоящая, а значит — умирают в ней тоже по-настоящему. Все это время для него происходящее было игрой, фантастическим сериалом, в котором он мог играть свою роль как искусный актер. Наверное, весь сюр и магия уверяли его в этом.

Но это совершенно не так! Лилия не была нпс, не была актрисой, она была маленькой девочкой, не заслужившей такой судьбы! Он обязательно убьет Вергеля, хладнокровно и очень жестоко. Нет. Он его не сразу убьет, сначала будет очень долго мучать!

Чья-то теплая ладошка схватилась за его.

Дроздов дернулся, но когда заметил перед собой Нерель, смягчился. Малышка тоже была вся заплаканная, видимо, она пыталась найти его, чтобы не проживать это в одиночестве. Чувство вины кольнуло Дроздова, так что он подхватил девочку на руки, медленно двинувшись к их с Лилией комнате. Нерель даже тяжелой не казалась.

Хотя и на её плечах лежало слишком много горя и боли.

— Ты тоже умрешь? — тихо спросила Нерель, когда, просидев ночь в кресле около кровати оставшейся сестры, Дроздов встал уходить.

— Что? — спросил он осипшим голос. — Н-нет конечно. Почему ты так думаешь?

Малышка пожала плечами. Она лежала в постели в какой-то неестественной для ребенка позе.

— Мама и папа умерли, Лилия умерла. Я не знаю, кто будет следующим. Вот бы это была я, чтобы больше не оплакивать свою семью. Ты будешь оплакивать меня как Лилию?

Дроздов просто молча сел обратно в кресло. Откуда у ребенка девяти лет такие кошмарные рассуждения? Нет, понятное дело почему. Это жестокий мир, ровно настолько, насколько и его предыдущий. Он мог бы начать вести непонятный курс психотерапии для Нерель, но сил совсем не было. Сейчас и ему самому не помешал бы психотерапевт.

Пообещав девочке, что никто из них не умрет, Дроздов все-таки собрался уходить. Начинались похороны, здесь, насколько он понял, тела погребали, но совсем не на кладбищах. Их закапывали без гробов, под их фамильными домами или выбранном месте. В знак того, что кто-то погребен в этом месте, памятники не ставили, иначе все бы было уже ими истыкано. Там уже родственники выбирали, посадить ли розовый куст, дерево, а может один росток любимого цветка усопшего.

И, замерев возле подоконника, Дроздов уже знал, что будет прорасти на могиле его маленькой сестры.

Он осторожно, даже бережно, взял листочек в баночке, из которого прорастали слабенькие корешки. Прижимая оную конструкцию к груди, он медленно брел к месту похорон. Как психиатр, он считал, что Нерель нужно побывать на этом мероприятии, проститься с сестрой, чтобы полноценно её оплакать и отпустить. Но как брат и король... В

итоге Дроздов решил сводить Адама и Нерель туда позже, чтобы на время похорон практически никого не было возле Лилии.

Когда он пришел, свежая земля уже была разрыта, а одетое в белое платье тело девочки лежало в кровати, похожей на кукольную. Это выглядело так жутко и правдоподобно, что мурашки поползли по коже короля. Он и раньше видел мертвецов, смерть была отвратительна и мерзка, она никого не оставляла таким как раньше.

Казалось, это не коснулось только Лилии. Её не тронули противные веяния смерти, а если и тронули, то отразились трагичной красотой. Её золотые волосы были красиво уложены, платье идеально приглажено, на мертвенно бледных щеках нарисован румянец. Если бы не остекленелые мутные глаза, то Дроздов мог бы поверить, что все это плохая шутка.

Принцессу с почестями опустили в землю прямо в той белоснежной кроватке. Взмахом руки ритуальщик поднял толщу земли, опуская её на безжизненное тело. Быстро и... низко.

— Не опускайте! — вдруг запротестовал Дроздов, остановив колдуна едва ли не в последний момент. — Верните землю на место.

Ему понадобилось паре минут, прежде, чем ему принесли хоть что-то, отдаленно напоминающее лопату. Чертовы маги. Закатив рукава, король поднял горсть влажной почвы, бросая на белоснежное платье. Ему чудилось, что от такого осквернения, девочка проснется и обиженно зыркнет на него голубыми глазами. Но этого не происходило.

Дроздов бросал горсть за горстью, после чего взялся за оружие, самостоятельно закапывая яму. Он был так сосредоточен, что не сразу заметил, как по его лицу стекают слезы. Вокруг, оказывается, собралось довольно много народу, среди которых стояли Ланса, нянечка девочек, держащая Нерель за руку, и Адам, ожидавший, пока слуги принесут ему вторую карикатуру на лопату. Он молча подошел к брату, повторяя за ним и погружая железо в землю и крепко сжимая черенок.

Прошло около двадцати минут, пока над могилой не образовался небольшой холмик. Прежде, чем бросить последнюю горсть земли, Дроздов сел на колени, вынимая из банки листик. Осторожно погрузив корни в почву, он закопал их, оставляя листик на поверхности. Возможно, было слишком рано его сажать, но он читал, что остатки магии из тела усопшего поднимаются вверх. Так, с помощью последней маны Лилии, этому деревцу все равно суждено вырасти.

***

Какое-то время назад, Лукас уже отдавал приказ на сборы армии. Здесь не было резервов как в его мире, людей не призывали, не мобилизовали. Все, что мог он сделать, это назначить награду тем, кто придет добровольно служить. Тратить на это деньги из казны он планировал грамотно, не только из налогов или прочей необходимой части хранившихся финансов.

Дроздов ведь не зря занимался ещё и производством ткацких станком, так что вся часть затрат на торговлю с соседним государством шелкопрядов, он перенаправил на армию. Первая встреча с прибывшими за наградой должна была состояться вечером, так что утро король начал с большого помещения во дворце, отведенного под первые обучения желающих ткать.

Зарплату им тоже с чего-то платить нужно было, но благо Дроздов не успел запретить рабство. Так, конечно, было очень нехорошо делать, но после обучения, все девушки и

парни, научившиеся ткать, могут получить полноценную оплачиваемую работу, взяв казенный станок в аренду. Так столяры и вообще мастера своего дела, тоже имели рабочие места, а народный рынок по всему королевству — более дешевый продукт.

Дроздов давно подсчитал, что сборы сырья и производство нитей выходит на нужное количество для одного квадратного метра ткани — всего две монеты. Учитывая затраты на станки и не учитывая работу учащихся — за готовый метр — десять золотых. И это при условии, что раньше за это пришлось бы отдать семьдесят.

Пока проблема стояла в качестве, количестве и скорости, но это было лишь делом времени. Да, чтобы снабдить все королевство такими тканями, уйдет не один месяц, но Дроздов уже создал работающий механизм. Он научил одного столяра и одну ткачиху, Гелию, каждый из них брал по четыре ученика, а дальше дело развивалось в геометрической прогрессии. Из четырех — шестнадцать, из шестнадцати — шестьдесят четыре, из шестидесяти четырех — двести пятьдесят шесть. Пока они остановились на процессе от шестнадцати к шестьдесят четырем. Весь зал был полон людей, в основном женщин, служанок и рабынь. По четыре около каждого из шестнадцати станков. Король поприветствовал всех, попросив не отвлекаться на него и продолжать. Гелии среди них не было, но Дроздов знал, что девочка обучает в другом помещении часть пожелавших делать нити.

Отметив, что процесс идет — у стен складывали готовые ткани — неказистые, но вполне готовые. Их мужчина планировал выдавать армии. Наконец, пройдя через коридор, он оказался в ещё одной зале, где Гелия вела мастер класс по плетению нитей. Король вошел незаметно, сев позади всех. На душе скребли кошки, так что он тоже лишь подтянул к себе охапку льняной соломы. Её уже очистили от семян, вымочили в пруду от двух дней до двух недель, в зависимости от предназначения этого продукта. Для тренировок лен лежал самый короткий из возможного период, чтобы производство не останавливалось.

Так же его уже отбили, оставалось очистить. Мягкие внутри волокна были защищены кострой, которую снимали разными способами, но Дроздов запомнил только чесание. Он, с помощью тех же столяров и плотников, сделал большие металлические расчески, через которые протягивали пучки льна, очищая костру.

Повторяя за остальными, король пытался снять кожуру с льна. У него получалось куда хуже, чем у остальных, но физический труд явно пойдет ему на пользу. Только закончив очищение, подглядывая за купленной им же девочкой, он взлохмачил лен и смочил, вешая его, похожего по виду на мочалку, к специальному крючочку вверх. Взяв одно веретено из коробки, Дроздов левой рукой зажал отделенную нить от клокка, правой рукой медленно начав вращать веретено, скручивая волокна в нить.

Готовое, полное нитей, веретено складывали в другие ящики, которые относились в первый зал, где уже ткали целые ткани. Дроздову надоело. Он перенес недоделанный клубок льна Гелии, похлопав её по плечу.

Дальше он навестил мастерскую, где столяры собирали эти станки. Желая попробовать себя и в этом, мужчина надолго застрял с рубанком в руках. Его радовало, что процесс не стоит на месте, радовало, что все это — результат его стараний.

Ещё один результат он увидит уже вечером, когда добровольцы соберутся на одной площади.

Пот бежал по лицу короля от долгой работы на солнце.

Он наконец перестал думать о погребенном тельце.

Здесь ему не была нужна психотерапия, какой он привык её видеть. Корумпированной, погрязшей в транквилизаторах.

Может быть, он ошибался, но стирая ладони о шершавое дерево, Дроздов дышал.

Он стоял на открытой площадке башни, глядя на площадь снизу, забитую тысячами мужчин и женщин, готовых сражаться за свое королевство. Все они, с торбами в руках, ожидали его слов. Сложно было понять по их лицам, что заставило каждого пойти на этот шаг. Деньги? Может зов души?

Сердце порадовало, что за границей площади, и так разрывающейся от количества добровольцев, толпились ещё и простые люди, желающие увидеть короля, услышать его официальную речь. Первую, с тех пор, как он вошел на престол.

Дроздов набрал в грудь побольше воздуха, тихо прочитав одно из заклинаний богини. Так его негромкий голос услышит каждый. Нет, он не будет орать на все королевство, просто... вольется в уши каждого.

— *Audi vocem meam...* — он оперся ладонями на мраморную кладку, глядя на людей. — Я рад приветствовать вас всех. Это нелегкое время для нашего королевства. Гибель правителей, бесконечные набеги, внутренние бои и предательства. Все мы страдаем от гнета врагов, я не исключение. Так что эту речь мне бы хотелось начать с минуты почетного молчания, во имя покинувшей нас наместницы Лилии.

Перевернув крошечные песочные часы, король склонил голову, за ним последовали и остальные. Когда время закончилось, Дроздов утер заново выступившие слёзы, набирая в грудь новую порцию воздуха:

— Благодарю вас всех, что разделили это время со мной, — взгляд Дроздова стал серьезнее. — Но я помню, ради чего все мы здесь сегодня собрались. Мне гордостью видеть так много душ, можете не сомневаться, я буду в числе первых, кто будет сжимать новое оружие, убивая врага. Слухи вас не обманули. С самыми талантливыми изобретателями, мы сумели сделать поистине невообразимое. И всех вас обучат им пользоваться.

Дроздов сделал паузу, давая людям переварить услышанное. Заодно он искал недоверие в их лицах, но находил только интерес и готовность испробовать.

— Я дам вам возможность задать мне вопросы, после чего попрошу входить по одному, секретари внесут вас в списки и выдадут все необходимое, включая оплату, — он едва не отшатнулся, увидев сотни поднявшихся вверх рук. Толпа загалдела. — Прошу тишины. Я не смогу ответить на все вопросы, но уделю этому как можно больше внимания. Вы, что хотите узнать?

Мужчина в возрасте, со старым шрамом, заговорил. Его голос звучал так же громко, как и короля. Вероятно, заклинание работало в обе стороны:

— На когда запланирован выход? Как долго нас продержат во дворце?

— Как только пройдут все тренировки, — кивнул Дроздов, вопрос был неплохим. — Я ориентируюсь на две недели. Дальше, вы.

Женщина, уже в военной форме королевства, прокашлялась:

— Люди с небоевой магией могут принимать участие в походе?

— Да, на это и нацелено мое оружие, — улыбнулся невольно король. — Даже если вы немаг, либо вашей маны недостаточно для сильных заклинаний, это не имеет никакого значения. Новое оружие быстрое, смертоносное и не требует магических сил. Дальше.

Так ему задавали вопрос за вопросом, пока Дроздов не устал на них отвечать. Людям уже было тяжело так долго стоять, так что король остановил поток вопросов:

— Думаю, на этом закончим. Я рассказал уже все, что мог о походе. Вы можете начинать входить, а для простого народа я бы тоже хотел сделать объявление.

Когда будущие солдаты закончили ему салютовать и спокойно встали в очередь, Дроздов снова заговорил:

— Вы уже могли заметить, что часть тканей подорожала, а часть и вовсе пропала с полок. Прошу не паниковать и подождать некоторое время. Мы разорвали торговлю с северным королевством Целер.

Послышались испуганные охи, тысячи рук взлетели вверх.

— Позвольте, прежде, договорить. Мы разорвали их потому, что сами начали производить нити и ткани. В течении месяца я добьюсь полного замещения сырья, нужно лишь немного подождать.

Вопросов меньше не стало.

— Да, пожалуйста, спрашивайте.

Явно торговка, затараторила почти гневно:

— Теперь нам нужно будет у вас покупать сырье?

— Нет, — Дроздов тяжело вздохнул, пытаясь держать себя в руках. Но усталость давала о себе знать. — Я построю в каждом городе, для начала по одной точке, где будет стоять ткацкий станок. За ним будут работать от четырех бывших рабов, купленных королевством. Вы сможете приходить туда и покупать сырье и готовые ткани там.

Криков поднялось ещё больше, но Дроздов все равно ткнул пальцем в следующего человека.

— А жить нам на что? Мы всю жизнь торговали с Целером, у нас своя лавка!

— Прошу тишины, — повторил Дроздов, — для владельцев малого бизнеса, ой... для торговцев тканями, я предлагаю альтернативу. Вы можете прийти к секретарю и, доказав, что занимались раньше торговлей, получить станок бесплатно. Научившись им пользоваться, вы сможете продавать свои нити и ткани. Так затрат будет куда меньше, а себестоимость изделий заметно упадет.

Худенькая девушка, замотанная в лохмотья, подняла руку.

— Вы, говорите.

— И сколько будет стоит ткань?

— Мы уже со дня на день запустим первые торговые производства. Льняные изделия метр на метр будут стоить от пяти до десяти монет. Со временем цена вырастет, но превышать двадцати монет не будет.

Повисла абсолютная тишина. Никто даже не знал, что сказать на подобное заявление. Пытаясь осмотреть реакцию, король обвел глазами присутствующих, вдруг замечая словно знакомую фигуру, правда, в темном плаще с капюшоном. Дроздов пытался рассмотреть её, но уже через мгновение там никого не было, словно ему померещилось. Пытаясь продолжить с того места, где он остановился, Лукас медленно заговорил:

— Понимаю, метр ткани на прилавках начинался от семидесяти. Теперь вы сами можете понять, почему мы прекратили торговлю с Целер. Они непомерно завышали цены, из-за чего страдал простой народ. Я, как король, не позволю соседним государствам на вас наживаться. На сегодня все. Прошу дождаться открытия первых торговых точек и школ ткацтва. Ещё раз — был рад всех видеть.

Дроздов выключил магический громкоговоритель, ныряя обратно под свод дворца, оставляя позади шумные выкрики толпы. Вроде даже радостные, по крайней мере, какого-то

бунта не возникло. Хотя, конечно, нововведения не всегда принимают так гладко, слишком часты в истории случаи, когда за такое и на колл сажали. Но то ли это в этом мире люди такое доверчивые, то ли его мир слишком подозрительный.

Дальше по плану был визит к одному очень уважаемому человеку. Но Лукас так устал, что ему хотелось набрать горячую ванну и вдоволь налегаться в ней. Он уже свернул в сторону своих покоев, как вдруг ему на глаза попался человек, которого он так долго искал.

Вергель.

Дроздов налетел на него, словно ураган, снося на пол и наступая тяжелым военным ботинком на горло. За этот суровый месяц мальчишка, в чье тело попал Василий Петрович, изменился. Больше он не был хилым и тощим, кости обрали мышцами, питание изменило его до неузнаваемости. Да, пусть ростом он пока был как и подобает двенадцатилетнему пацану, но это ведь тоже ненадолго.

Это, кстати, интересная вещь, все-таки у Лукаса генетически заложена вот эта худоба и слабость — на кого из королевской семьи не погляди, все тощие, а тут парнишка изменил свой тип. Была у Дроздова гипотеза, он, по молодости занимался изучением больных психозом, ставил на них небольшие опыты. Часто, у людей с этим диагнозом есть в голове другие личности. Они отличаются от галлюцинаций типом своего происхождения и силой влияния на организм носитель, то есть тело.

И Дроздов, в моменты когда телом управляет его хозяин и другая личность, брал на анализ кровь. Так, у одного из пациентов был сахарный диабет, но когда контроль брала другая личность, тело неведанным образом вырабатывало инсулин самостоятельно! Эксперименты, правда, быстро прикрыли. Сам Дроздов едва не сел, но после все равно продолжил писать научную работу по этой теме. Так её недописанные страницы и покоятся на пыльных полках.

Возможно, с этим телом произошло тоже самое. Такой тип личности у Дроздова, что тело должно ему соответствовать. Все-таки, взять даже акцентуации по Леонгарду. Возбудимые личности, акцентуация которых проявляется в непомерной агрессивности, тугости мышления и жестокости, обладают атлетическим телосложением. Так что перемены в теле Лукаса были более чем объяснимыми и понятными.

Но только ему.

Вергель опешил, когда мелкий когда-то пацан втоптал его в мраморный пол.

— Ты думал, сможешь вечно от меня бегать?! — он с силой ударил советника пяткой в грудь. — Ты мне ответишь за Лилию. Ты мне за все ответишь!

— Ваше Величество! — говорившие до этого с десницей казначей, командующий разведкой и министр обороны, разом перехватили мальчика за руки, оттаскивая прочь. — Что с вами?

— Этот низкий, лишенный совести и души, таракан, организовал убийство наместницы Лилии, — громко и твердо отчеканил Дроздов, доставая из глубокого кармана пистолет и патроны. — Я казню его немедленно.

— Так нельзя! — его руки перехватил Демьян, добавляя уже тише. — Все люди и новые солдаты смотрят, у вас есть доказательства его причастности?

— Мои информаторы указали на него, — пытаюсь не выдать Бальфура, процедил король. — Я здесь главный, я решаю жить этому ублюдку или умереть!

— Тогда решайте не на глазах у всех! — Демьян сжал его руку сильнее, намекая, что спектакль давно пора закончить. — Вставайте, сэр Вергель, не стоит делать вид, что

двенадцатилетний ребенок мог вас так сильно пихнуть.

Тот вдруг широко усмехнулся, вставая, словно ни в чем не бывало. Он отряхнулся, глядя на Дроздова, будто и не было этой потасовки.

— Ты успел расположить к себе бравых защитников, — усмехнулся он прямо в лицо Лукасу. — Глупый мальчишка, решивший, что о пуп земли. Твои эмоции погубят тебя. Как и твоя вера Бальфуру. Думаешь, я не знаю, кто его освободил? Это я оставил там тот свиток. Это я душа и сердце этого дворца. И мне было весело играть с тобой, ты и вправду думал, что я не читаю те письма? Все, что здесь происходит, происходит с моего на то разрешения. Я не убивал твою сестру. Я просто позволил ей умереть.

Дроздов смотрел в черноту глаз Вергеля, но в его душе ничего не дрогнуло. Будь эта речь посвящена двенадцатилетнему ребенку — он бы поверил в каждое слово. Но не взрослый мужчина, видевший таких психов пачками. И против этой лжи и бахвальства, против самого наивного блефа, работал только ещё более смелый блеф.

Лукас рассмеялся. Не вальяжно или безумно. Спокойно, словно маленькая девочка пошутила, а этикет требовал смеяться.

— Сэр Вергель. Ты не задумывался, а может... это я тебе позволяю делать твои грязные дела? Может, ты жив и продолжаешь мутить воду лишь потому, что от мертвого тебя меньше проку?

Лицо Вергеля перекосило. Оно пошло пятнами.

— Не ты оставил там свиток, больше того, ты не властен над книгой. Не ты контролируешь ребенка, а он контролирует тебя. Ты уже давно не имеешь власти надо мной, а убийство Лилии стало последним жалобным криком. Это была последняя ниточка, за которую у тебя оставался шанс дергать. И ты сам её перерезал, как я перережу твою плотку. Я не стану доказывать, что ты причастен к её смерти. Это твоей душе из чрева богини придется доказать, что я имею отношение к твоему убийству. И может оно и будет не моими руками. Но оно будет.

Развернувшись на пятках, Дроздов ринулся прочь. Он уже и забыл куда шел, гневно несясь через коридоры. Остановила его только та самая темная фигура в плаще, в которую он на бегу влетел носом. Упав на задницу, король подскочил, ошарашено глядя на неизвестного. Что от него ожидать? Смерти?

— Едва сумел тебя догнать, — усмехнулся эльф, скидывая капюшон. — Тебе бы гонцом стать, с такой скоростью ходьбы.

— Ох, это ты, — Дроздов потер ушибленный копчик. — А менее зловеще не пробовал появляться?

— Боюсь, меня бы тогда заново скрутили и упрятали в камеру, — усмехнулся Бальфур, снова накидывая капюшон. — Я пришел лично выразить соболезнования. И не переживай, есть у меня козырь в рукаве, чтобы людишки меня не замечали. Но пока работаю над этим.

Дроздов только мрачно кивнул.

— Я не успел её спасти. Не сразу прочел письмо. Идем тогда в западный сад, там сейчас никого.

Эльф кивнул и двинулся следом за королем:

— Вергель заслуживает смерти, но, поверь, перед ней он, как бешеная собака, будет кусаться направо и налево. Он знает, что я тебе помогаю, и наоборот, и обязательно использует это.

— Я отрублю его проклятую голову раньше, — устало бросил Дроздов, когда они

выходили в сад. — Давай начистоту, выразить мне соболезнования можно было и письменно. Что случилось?

— В северном королевстве, с которым вы прервали торговлю, дела с независимостью эльфов обстоят ещё хуже, чем здесь при правлении из тени Вергея. Так что мы пытаемся перевезти их к нам через закрывшиеся границы, раньше они прятались в тканях, сейчас это стало ещё опаснее и сложнее.

— Ты хочешь, чтобы я?..

— На твой выбор. Можно их покупать, даже как рабов. Можно придумать как помочь им сбежать, — Бальфур остановился возле раскинувшейся цветочной клумбы. — Никто в долгу не останется. Первые сбежавшие рассказывают, что король Гернард планирует военную операцию.

— И с кем же ему вольно воевать? — не понял Дроздов.

— С нами.

— Но зачем? — поразился король. — У нас нет никаких разногласий.

— Они существуют только за счет торговли с соседними королевствами, — пояснил Бальфур. Ветер трепал его темные волосы. Казалось, эльф полон безмятежности и спокойствия. Красивое волевое лицо не выражало никаких эмоций. — И если мы не их союзники — мы враги.

Дроздов тяжело вздохнул. Жить день ото дня легче не становилось.

— Хорошо, я приму это к сведению, отделию часть войска на границу с ними. А за спасение эльфов... У меня есть несколько другая идея. Она сложная в исполнении, да и народ может воспринять её в штыки.

— И что ты хочешь?

Дроздова радовало, что Бальфур все понимал с полуслова. Вот как он в одиночку сохранял сотни жизней эльфов.

— Тебя.

Мужчина медленно повернул к нему голову, глядя как-то не удивленно.

— Тоже решил основать коллекцию?

— Нет, — Дроздов даже усмехнулся. Хорошо, что его ещё в чем-то похуже не заподозрили. — Мне нужен наставник. Мое тело молодо, магией я обладаю только той, что даровала богиня. А ты, я уверен, сильный воин и, зная мертвый язык, знаешь множество заклинаний.

— Так и есть, — кивнул Бальфур, снова отвернувшись к цветам. — Но ты ведь знаешь, что есть одна проблема.

— Знаю, но её решит то, что я собираюсь даровать эльфам, — Дроздов приблизился, тоже рассматривая клумбу. — Только все немного утихнет, как я планирую издать закон, который эльфы могли бы без твоей помощи неверно истолковать.

— Это... очень интригует, — Бальфур теперь смотрел прямо в лицо мальчика. — Что же за закон?

— Я сошлю всех эльфов на крошечную территорию, обязую всех получить бумагу, подтверждающую их личность и отсутствие проблем с законом.

— Звучит и правда как то, против чего мы боремся, — нахмурился Бальфур. — Что же в этом хорошего?

— Какова по размеру территория, кроме эльфов никто не узнает, — улыбнулся король. — А документы через время я введу для всех, ровно такие же, что уже будут и у

эльфов. А значит...

— Ты дашь нам равные права и отдельный город? — теперь брови эльфа поползли на лоб. — Я был готов отдать за это куда больше, чем... себя. Но что с тем из нас, кто находится в Цереле?

— Захватив королевство, я сошлю их в ваш город, расширив его на их территории, — пожал плечами Дроздов.

— Хочешь... завоевать северное королевство? — казалось, сюрпризам не будет конца.

— Ну, до этого разговора не планировал, но... — Василий Петрович почесал голову, — придется, видимо.

— С новым оружием так точно, — усмехнулся эльф. — Тогда... до выхода этого закона по переселению нас, я совершенно свободен. Готов приступить хоть сейчас.

Дроздов довольно улыбнулся, прикрывая глаза и подставляя лицо закатным лучам.

Вот это у него ритм жизни.

***

Дроздов на ходу влетел в лазарет, едва не сбив лекаря, что куда-то торопливо шел. Даже не взглянув на того, король продолжил свой путь, пытаясь найти нужную "палату", где поправлялся вернувшийся разведчик. Мужчина за него вообще забыл, так что теперь надеялся на важную информацию. Столько де накопилось, хотелось и принцессам время уделить, и тренировкам, и об обучении не забывать. Из-за этого какие-то мелочи улетучивались из головы, стоило им туда попасть.

Отдышавшись от быстрой ходьбы, Дроздов постучал и толкнул дверь. Ему позарез нужно было узнать о том, что происходит среди дикарей. Что они делают? Зачем похищают? Поможет ли новое оружие? Это было важным стратегическим ходом, преимуществом. Он ведь не просто так отправил с ними подготовленного человека!

И этот человек свисал из-под потолка.

Его веревка была перекинута через балку, обвитая вокруг шеи и завязанная на узел. Синее лицо разведчика уже застыло после агонии, опухшее и отекавшее.

Запрыгнув на тумбочку, Дроздов выудил нож, перерезая веревку и подхватывая дурно пахнущее тело. Он бросил разведчика на кровать, стаскивая веревку с шеи и проверяя пульс.

Ничего. Разведчик был холодный и давно безжизненный, по меньшей мере около часа.

Кто же тогда выходил из госпиталя? Что за врач? Настоящий ли он? Сердце Дроздова бешено стучало, черт, он упустил такого важного свидетеля! Всю войну можно проиграть лишь потому, что он не смог сразу же опросить вернувшегося!

Подскочив и рванув к выходу, король принялся искать стражу. Черт, нужно найти этого доктора!

Казалось, время стало лететь просто на перемотке. Дроздов не успевал вообще ничего, засыпая сидя, стоя, да даже на ходу. Нормальный сон ему перестал сниться с ужесточившейся ситуацией по всем фронтам. Ещё и Бальфур слишком уж ответственно подходил к своей роли, отдаваясь ей без остатка. Но стоит отдать ему должное, эльф каким-то невиданным чувством понимал, когда и какая тренировка нужна.

Он мог ворваться на совещании, мог войти в купальню, Бальфур буквально по триста раз в день отрывал короля от его дел, заставляя то медитировать, то сражаться. Хуже всего приходилось, когда весь уставший, закончивший с чертежами и спорами с кузнецом, Дроздов брел в свою постель, надеясь хоть пару часов вздремнуть. А на него из темноты налетал эльф, не давая королю ни оружия ни времени понять, что происходит. Бальфур наложил на себя странное заклинание, благодаря которому его не замечали остальные. А если замечали, просто не распознавали, что это эльф. Он стал размытым пятном для жителей и служащих дворца.

Доходило до того, что сам король не мог найти эльфа, когда тот того не хотел. А из-за усталости у мужчины на это вообще не было сил и времени.

Благо, теперь Дроздов мог не слушать монотонную речь каждого пришедшего к нему на аудиенцию. Он просто мгновенно выключался, пока служба не начнет его тормозить. Да и его навыки магии постепенно начинали двигаться с мертвой точки. На одной из тренировок, неожиданно выяснилось, что Лукасу вообще побоку какие заклинания кастовать, лишь бы они были на латыни.

Но Василий Петрович начинал подозревать, что это вовсе не из-за вмешательства богини или специфики его магии. Просто не верил он в те заклинания, что и не похожими на себя были.

— Сконцентрируйся на искре, — Бальфур не сильно стукнул короля в район солнечного сплетения. — Чувствуй, как она разгорается, когда ты колдуешь. Нет! Не так! Я говорю тебе чувствовать, Лукас, не делать бездумно.

Дроздов правда пытался, все срывалось, его магия выходила то неконтролируемо сильной, то совсем слабой. Он для себя выбрал путь огня, все-таки его первое заклинание создало взрыв. Сейчас он стоял напротив листа бумаги, свисающего с дерева, пытаясь его поджечь. Главной проблемой было то, что он либо просто чернел как от копоти, либо Бальфур приходилось тушить дерево.

— Хватит, перестань, — эльф опустил руку Дроздова, призывая его отойти. — Так ничего не получится. Неужели ты не чувствуешь то, что делаешь?

— Я чувствую, что сейчас сознание потеряю, — мужчина уперся руками в колени, пытаясь отдышаться. — Мне нужен перерыв.

— Откуда тебе знать, что нужно? — Бальфур снова встал к нему спиной, словно герой японской анимации. Не хватало только кимоно и падающей сакуры. — Магия не рождается в покое. Она — энергия. Волнуй её, заставляй ровную озерную гладь пойти кругами. Разбуди в себе чувства.

— Ну так я когда бужу, горит все! — возразил Дроздов, указывая на выжженные поля с четырех сторон.

— Я не прошу создать водопад, — к нему обернулся Бальфур, хмуря густые темные

брови. — Пусть вода пойдет кругами, не поднимай её в воздух.

— Сейчас отдышусь и попробую, — парень утер пот со лба. — А сам ты какой силой пользуешься?

— Всей, что знаю, — уклончиво ответил эльф. — Но моя любимая боевая стихия — воздух, — он демонстративно закрутил пальцем воздух, создавая на второй ладони небольшой торнадо. — Он незаметный, но очень острый. Ты и не узнаешь, что тебя атакуют, пока не почувствуешь боль.

Дроздов схватился за щеку, видя на пальцах кровавый след. И правда — бесшумно и очень больно.

— Хватит стоять, помни о водной глади, — Бальфур отошел, указывая на белый лист. — Сожги его.

Прикрыв глаза и выставив руку, Лукас сосредоточился на водной глади внутри. Он представил спокойную стоячую воду, где сейчас отмачивают лен. Затем попробовал её колыхнуть. По всей поверхности пошла рябь, расходясь крупными кругами.

— Другое дело, — удовлетворенно хмыкнул Бальфур. — Я так и знал, что пока тебя не ранишь — спросу не будет.

Открыв глаза, парень смотрел на сгорающий лист. В целом, задача была понятна, вот только он замахался бы даже просто пытаться прикурить от этого огня, не говоря уже о постоянном использовании магии.

— Это пройдет, — успокоил его Бальфур, словно прочитав беспокойные мысли. — Сейчас сложно, ты ведь только учишься. Раньше-то и ходить тяжело было, первые шаги всегда самые тяжелые.

— Но у меня нет времени, чтобы учиться десятилетиями, — Дроздов собрал в хвост влажные от пота волосы. — Королевство нуждается во мне уже сейчас.

— Оставь магию на тех, кто уже посвятил ей свою жизнь, — покачал головой эльф. — Ты — король, а не верховный маг. Не тебе и брать ответственность за магию. Хотя и овладеть ей тоже нужно. Но оставь это мне, я контролирую процесс тренировок. Все идет так, как и должно идти.

Дроздов устало кивнул, массируя многострадальную спину.

— На сегодня уже все, контролер? У меня ещё куча дел.

Оценив остаток маны, Бальфур кивнул:

— Ты уже на грани, так что пока все.

Махнув рукой на прощание, король неся прочь, пока его учитель не передумал. У Дроздова было ещё так много дел, что он и не знал с чего начать. Прикинув, куда ближе идти, он понюхал себя, решив, что копоть перебивает запах вчерашнего пота, сразу направившись на стройку. С момента стычки с Вергелем и договоренности с Бальфуром, он вообще перестал бояться выходить в город.

Сейчас вот народ ему кивал, махал, желал хорошего дня. Кто-то угощал его своими продуктами или готовой едой. Часто, такая прогулка рядами рынка помогала Дроздову пропускать целые приемы пищи, не затрачивая на них драгоценное время.

Стройка была там же, где и вчера, правда, теперь кроме каркаса и одной стены, стояли все четыре. Магия земли здорово помогала, делая процесс, занимающий и в его мире довольно долгое время, практически автоматизированным.

Кроме магов нужны были только местные архитекторы, как их обозвал Дроздов. Они все контролировали, высчитывали погрешности и вносили правки. Да и король тоже

командовал, предлагая всякие решения, которые принимали здесь с настороженностью. По своей привычке, Дроздов хотел видеть огромные стеклянные окна в пол, открывая панорамный вид на город.

— Стекло нужно будет поставить сюда и сюда, — объяснял он магам земли, что в длинных мантиях совсем не походили на привычных ему строителей. — Я уже готовлю со стеклодувами кое-что определенное. Когда вы закончите с крышей?

— Ещё пару дней, — один из магов указал на группку в таких же мантиях. — Вот они делать будут, мы только установим. Ваше Величество, а, если не секрет, что это будет? Среди города-то.

— О-о-о, — Дроздов был рад лишней раз обсудить свое творение. — Это будет госпиталь, мой друг, только совсем не такой, как ты привык их видеть.

— Госпиталь — это замечательно, — покачал головой маг. — А кто же там врачевать будет?

На этом вопросе краска отлила от лица короля. А правда. Не сядет же он сам за стол, слушая бесконечные жалобы. Все его знания о современной медицине заключены только в его голове. Что же делать?

— Ваше Величество? — переспросил маг. — Вы меня слышите?

— А? Да, извини, — Дроздов потер глаза. — Я невозможно устал. Засыпаю, если недостаточно энергично двигаюсь. Мне пора бежать. Здание получается отличное!

Сделав пометку в своей голове, Дроздов неся к своей следующей цели.

Стеклодувы. Конечно, о каком-то бронированном стекле и речи не шло, слишком рано внедрять какие-то вкрапления и химические составы. Им ещё расти и расти в этом всем. Рано или поздно война закончится, и он спокойно сможет и эти свои знания вылить в руководства. Сейчас в его голове была книга, прочитав которую молодые врачи могли бы оказывать должную помощь.

Видел он, как здесь решают дела. Порез? Не подлежит восстановлению? Отрубить! Гниение? Отрубить! Простуда? Ну, а чего отрубать, тут все, не спасти, иди умирай в яму. Создать бы здесь антибиотик, благо не пещерное время, магия работает ему только на руку. Но это в свободное время, ведь для начала им понадобится место, где после боя расположат всех раненных. Столица достаточно близко к границе с Церелом, чтобы довезти сюда пострадавших. Да и гражданских тоже много попадет под раздачу, а значит — не обойтись им без госпиталя.

Но набирать туда персонал пока рано, надо бы закончить со всем прочим.

— Добрый всем день, — на ходу Дроздов скинул пиджак, глядя на отличный стеклянный пласт. — Молодцы, что не ждали меня без дела. Сейчас буду рассказывать, что мы делаем.

Научившись на своих ошибках, Дроздов стал заранее звать наблюдателей, что могли в это же время учиться делать все самостоятельно, так и пока он отсутствовал — дорабатывали его ошибки. Да и сделать тогда это нужно было всего раз, учить уже никого не придется.

— Так, быстрый экскурс, — тараторил он, воодушевленный новым кусочком его мира. — То, что мы сейчас делаем, называется закаленное стекло, ну или сталинит в наших кругах.

— А... В чем, собственно, разница? — поднял руку совсем ещё мальчишка, сын какого-то из министров, что попал сюда по большому желанию познать мудрость короля, о которой

слагали легенды.

На него стали шикать мастера, но Дроздов поднял руку, призывая к тишине:

— Напомни, как тебя зовут?

— Алексо, — с готовностью ответил смуглый светловолосый парнишка. Короля порадовало, что он не добавил фамилию своего рода, чтобы придать себе значимости.

— Это верно, что ты не боишься задавать вопросы. Я прошу всех, кто что-то не понимает, спрашивать в процессе, — Дроздов глотнул воды из фляги, что таскал на поясе. — Отвечая на сам вопрос: эти стекла проходят более длительный технологический цикл, что повышает его свойства и, что самое интересное, стоимость. Его механическая прочность при ударе в разы возрастает, стекло сможет несколько больше изгибаться, растягиваться, сжиматься и увеличиваться. Если кто-то поблизости решит поколдовать, можно будет не менять окна каждый раз. Такое стекло выдерживает от минус 70 °С до плюс 300 °С.

Отовсюду слышались восторженные охи, Алексо так и вовсе не мог и слова из себя выдать, глядя на короля, как на господ бога.

— Но даже, — продолжил Дроздов, — даже если кто-то все равно умудрится его разбить, безопасность эксплуатации увеличивается — стекло просто расколется на многочисленные осколки небольших размеров с тупыми гранями. Не будет острых осколков и многочисленных ран.

— Так давайте же скорее его делать! — почти пропищал Алексо, ерзя.

Но Дроздову слишком нравился производимый эффект, так что он поспешил договорить:

— Пару слов для окончательного понимания. Дело в том, что это стекло сохранит внутри оптимальную температуру. Так же оно ограничит звуки, доносящиеся с улицы. Ладно, вижу, все уже устали от моих слов. Просто знайте, что из него не только окна можно делать. Все, приступаем. И оно такое же прочное, как и сталь! Ладно, все, теперь точно все!

Он обошел готовое стекло, которое заготовили точно по размеру недостающего окна в этом помещении. В нем уже были отверстия для креплений, так что оставалось только произвести саму закалку. Для этого Дроздов пригласил всех на улицу. Там он принялся объяснять, попутно действуя:

— Первым делом нужно обязательно сделать все этапы подготовки сырого стекла, обработать кромку, придать нужные форму и размер, проверить чистоту поверхности, — он осмотрелся. — Проверяем.

Пока его ученики трудились над досмотром, он вывел приглашенных магов огня, расставив их по квадрату. Рядом он поставил мага воздуха, что должен был просто держать стекло над землей.

— Теперь, отходим назад, — он отогнал остальных подальше, — стекло нужно нагреть до температуры от 530 до 750 °С, пока будем экспериментировать, потому, что я понятия не имею, как это проверять. Начинайте.

Конечно, это был не первый раз, когда Дроздов пробовал нагревать стекло с этими магами. Они делали это с небольшими фрагментами стекла, чтобы узнать, какая нужна мощность и каков потенциал магического пламени. Примерно, среднему магу с хорошим стажем, требовалось от двадцати минут непрерывного поднятия температуры огня, чтобы достичь нужного эффекта. В зависимости от силы колдуна это время либо сокращалось, либо увеличивалось. Но его ужасно порадовало то, что температура огня складывалась при участии других магов.

Так, этим четвертым вместо двадцати минут требовалось... всего пять! Конечно, это при учетывании габаритов стекла. Дроздов в кратце пересказал всю систему ученикам, кто-то записывал, а кто-то просто морщился от исходящего жара.

— Так, время, — махнул магам король, продолжая свою речь. — Теперь его нужно быстро охладить, чтобы оно стало чуть холоднее температуры нашего тела. Это можно сделать с помощью обдува ледяным воздухом, под сильным давлением. Приступайте.

Стекло перевернули вертикально, маги встали по обе стороны, едва ли не касаясь его кистями. Они пустили воздушный поток, из-за которого соседние деревья стало клонить к земле. Конечно, этим заниматься нужно было вовсе не во дворике, но строят здесь быстро, лишь бы было ради чего.

Когда маги закончили, Дроздов сам коснулся стекла, торжественно отмечая:

— Холодное! У нас получилось!

Вставив его в раму, все отошли полюбоваться сделанным. Оно и прозрачнее было, и красивее, и вообще загляденье!

— Так, мне пора, — махнул им Дроздов, — вам предлагаю долгие тренировки, чтобы каждый умел и знал, как это все делается. Завтра приду проверить и, чтобы все стекла в округе поменяли! Вас здесь почти тридцать душ, вот, тридцать стекол хочу видеть уже установленными. До встречи!

Пока все гудели ему в след, полные азарта, король ещё хоть как-то чувствовал себя бодрым. Он уже слабо понимал, что от него требуется, поэтому достал свиток, заглядывая в него и отмечая, что дальше его ждут с чертежом полноценного автомата. Тот, конечно же, был не готов. Идти в комнату было слишком долго, так что Дроздов решил сначала выполнить следующий пункт плана и заглянуть на тренировочные полигоны. Ему вообще казалось, что это все один большой день, что никак не хочет прекращаться. Дав себе честное слово, что доделав дела максимально быстро, он ляжет в постель в чем есть и проспит до самого утра, король наконец ступил на территорию полигонов.

Его сразу коснулись громкие выстрелы, голоса командования, топот тяжелых ботинок. В ноздри забился запах пороха и пота. Все шло как надо, можно было на этом остановиться и уйти. Но, потоптавшись на месте, Дроздов все-таки вошел, бредя на встречу к командованию. Возле ограждений он сразу заметил Демьяна, своего советника и одновременно командующего разведкой.

Он прицеливался, стреляя по мишеням. Дроздов не так давно организовал специалистов по оружию, которых теперь возглавлял Райнар. Они не только отливали нужные детали, но и дорабатывали и совершенствовали. Молодые умы королевства, поняв принцип выстрела, проведя лишь одну ночь с королем, допросили его настолько, что потом сумели сами сконструировать оружие, которое уже не надо было перезаряжать после каждого выстрела.

Конечно, оно уже не походило на стандартный пистолет, каким он выглядел в его мире. Но, главное, это нечто стреляло. Патронами. И это, черт подери, самое главное.

Только через минуту Демьян заметил короля, положив свое оружие на столик и поменявшись со следующим стрелком. Он весь был в поту, ровно как и Дроздов на своих тренировках.

— Ваше Высочество! — поклонился Демьян, расплываясь в улыбке. — Бесконечно рад вас видеть. Вы... неважно выглядите.

— Устал, — отмахнулся Дроздов, пряча трясущиеся руки за спину. Переутомление давало о себе знать. Но в меде ещё и не так бывало. — Как процесс? Как подготовка? Я по-

быстрому узнать и бежать дальше.

— Да все отлично, — тут же усмехнулся парень. — Воины в восторге, сил на выстрелы почти не затрачивается. Это не топором махать и не заклинания плести. В целом, мы уже готовы. По движущимся целям пока не стреляли, но жалко зверушек убивать ради тренировок.

— Время ещё есть, — зевнул Дроздов, — я ещё один вид оружия хочу успеть внедрить. Там вообще — закачаешься. А с мишенями... я потом ещё что-то вспомню, но можете вырыть углубления, в которых... стой, пусть маги воздуха будут двигать мишени, Демьян, что ты мен путаешь!

— Как это мы... не додумались, — разведчик весь покраснел. — Сохрани вас бог!

Дроздов только похлопал его по спине, пошатываясь и бредя прочь. Он левой рукой потрогал лоб, не понимая, отчего ему так нехорошо. Может заболел? Хотя... усталость свое брала только так.

Пытаясь как-то ускорить процесс, Дроздов остановил первого попавшегося всадника на гнедой кобыле, попросив отвезти его к главному входу. Так замок приходилось объезжать по кругу, но он может подремлет это время. Уснуть, правда, так и не вышло, зато Дроздов точно решил, что не станет заканчивать чертежи сам. Закинув их в плетеную сумку, что ему подарила Гелия, король отправился в большую крытую беседку, где планировалась встреча с оружейниками.

— Это все, что я успел, — он положил чертежи, видя сразу огонь интереса в глазах своих людей. — Разберетесь или помочь?

— Да чего тут не понять! — ухмыльнулась эльфийка, жадно бегающая глазами по бумагам. — Я так, примерно, и представляла его себе! Я здесь сделаю иначе, заменю это и это. Подойдет?

Дроздов даже толком речь её не разбирал:

— Отлично, занимайтесь. Задачу вы помните: делайте, что хотите, но чтобы оно стреляло и убивало. Я пошел.

Едва переставляя ноги, мужчина схватился за перила ступеней, глядя на землю. Вернее на то, как стремительно она приближается.

С громким стуком, его тело мешком свалилось в кусты. Все присутствующие разом обернулись, вставая и бросаясь на помощь своему королю.

Дроздов, наконец, провалился в небытие.

Дроздов моргал, пытаясь понять, где он находится. Последнее его воспоминание прерывалось на том, как он уснул на ходу, падая в кусты, что больно царапали кожу. Но он и не проснулся, а просто перешел словно сквозь неизвестный портал, оказавшись в светлом волшебном лесу.

Так он и брел вперед, пока не вышел к берегу реки, в которой отражались закатные лучи солнца. Слегка прищурившись, Дроздов пытался осмотреться, но свет почти ослеплял.

— Ох, сейчас, извини, — раздался совсем рядом женский голос. — Так лучше?

Мужчина проморгался вновь, понимая, что теперь видит хорошо. Слева от него, на большом камне сидела девушка, было сложно сказать, человек ли она, особенно учитывая, как она прикрутила солнце. Но выглядела незнакомка эффектно: длинные белые волосы, развевающиеся на ветру и почти касающиеся земли, разного цвета большие глаза и очень запоминающаяся одежда, в виде белой накидки.

— Кто... вы? — осторожно спросил мужчина, приближаясь к воде, чтобы скрыть свое волнение.

— Меня зовут Яниса, — та произнесла это смакуя каждое слово. — Странно не знать свою богиню.

Не дойдя до берега пару шагов, Дроздов обернулся на девушку.

— Б-Богиня?

— Да, та, что дала тебе свои заклинания и свою магию, та, кому ты молишься, когда попадаешь в тупик и, наконец, та, кто даровал тебе новую жизнь.

Яниса улыбалась, а Василий Петрович смотрел на неё восторженно, без капли недоверия. Девушка так произносила слова, что было просто невозможно усомниться в сказанном.

— Но... почему? Неужели этот мир правдив и я... не в трипе? — мужчина пригладил волосы, вдруг понимая, что они... его! Не Лукаса, а его!

Он рванул к реке, склоняясь над спокойной водой. В зеркальной глади действительно отражалось его тело — Василия Петровича Дроздова, прожившего свою жизнь в алкогольном и наркотическом угаре. Не знавшего любви родителей и спокойного детства. Ставшего подлым и корыстным человеком, внутри желавшим прожить жизнь иначе.

— Потому что в двух таких разных мирах одновременно погибли два человека, — ответила богиня, когда первый шок Дроздова схлынул. — И мальчику даже я не могла помочь. Он сам решил уйти из жизни, его душа больше не могла выносить постоянных страданий тела. И его нужно было отпустить. Но ты... тебе нужно было измениться. Нет, конечно, ты не был хорошим человеком, но и истинно плохим — тоже. Твоя судьба изменила мальчика, что должен был вырасти тем, кто ведет за собой народ. Тем, кто живет ради помощи другим.

— Но в моем мире... я не стал тем, кем меня хотели видеть, — тихо проговорил Дроздов, опускаясь на землю перед камнем, где сидела Яниса. — И вы решили, что я могу стать таким здесь?

— И не ошиблась.

— Но... — мужчина растеряно смотрел на свои руки. — Почему? Я... Я все ещё не понимаю. Мне... тяжело... дышать.

Яниса, на удивление, лишь тихо рассмеялась, словно Дроздов её забавлял. Она слегка сменила позу, все ещё прикрытая своей накидкой.

— Людям вашего мира почему-то сложнее всего верится в магию и богов, — она улыбнулась, правда, уже несколько печально. — Вы вроде и верите, в Иисуса, в Будду, Аллаха, Шиву, но когда перед вами предстают они лично — вера проверяется на прочность.

— Что-то не припомню, — Дроздов утирал лицо рукавом от катившегося градом пота, — чтобы при первой жизни я верил в Янису. Это что-то из Индуизма?

— Нет, я богиня этого мира, в вашем меня не знают, — девушка отвернулась. Было сложно сказать, задел её Дроздов или она просто задумалась. — Вы с Лукасом погибли в один и тот же момент, так что я могла без твоего на то разрешения подменить его душу. И, честно признаться, я действовала из личных побуждений.

Василий Петрович встал и, подойдя к реке, окунул в неё ладони. Холодая вода, которой он умывался, тут же помогла прийти в себя. Да, он и правда в другом мире, да, он не слишком-то вежливо общается с богиней, и да, он не сошел с ума. Хотя, конечно, он из своего мира с этим бы поспорил.

Сев обратно, мужчина похлопал себя по щекам и повернулся к Янисе:

— Так, продолжай. Зачем же ты показала мне себя и чего хочешь?

Богиня улыбнулась. Видимо, ей хотелось поскорее закончить с их прелюдией:

— Даже в твоём мире в одну секунду умирает множество людей. Ты можешь и сам представить, сколько одновременно погибает во всех мирах разом, — девушка снова слегка отвернулась, подставляя лицо солнечным лучам. — Но для моей цели был нужен человек, способный за короткий срок изменить армию и боевую мощь королевства.

— Тогда вместо меня подошел любой, кто хотя бы помнит, из каких деталей состоит пистолет, — перебил девушку Дроздов.

— Нет, никто, из просмотренных мною душ, не мог так влиять на народ, на совет, на подчиненных. Мне нужен был достаточно умный человек, лидер, искусный лжец и не блюстититель морали. Потому что я такая же. Я поступила не очень хорошо, правда? Мною движет корысть.

— И в чем она заключается? — Дроздова это не удивляло. Слова звучали как то, с чем сложно поспорить.

— Одна моя птичка попала в клетку, — Яниса вдруг внимательно посмотрела на мужчину, словно пришел самый важный момент этого разговора. — У меня есть мои посланницы. И одну из них изловили немаги. Мне нужно, чтобы королевская армия освободила её.

— Значит, только ради этого я здесь? — совершенно спокойно спросил Дроздов. — Ради этого ты дала мне свою магию? Ради этого я так тужусь, не сплю ночей?

Богиня устало вздохнула и развела руками:

— Да. Да, все именно так. Но ты волен отказаться.

— И тогда я умру? — резонно спросил Дроздов.

— Я не стану тебя убивать, но мне придется искать другого на исполнителя этой роли, — богиня выглядела слегка расстроенной. — Но да, ты умрешь.

— Тогда выбора у меня нет, — Василий Петрович встал, потягиваясь. — Я найду и освобожу твою птичку. Поделишься информацией?

— Какой, например?

— Как она выглядит, — загибал пальцы мужчина. — Где её найти. Да и ответь, почему

сама не вернешь? Ты ведь богиня. Разве есть что-то непосильное богам?

Щеки Янисы вспыхнули.

— Грубиян. Есть, представь себе. Твой противник так силен, потому что питается силой бога Ваши, — девушка взмахнула рукой, и в воздухе материализовалось изображение угрюмого бога, пожирающего магию. Воспаленная кожа, мелкие черные глазки. Впору было принять его за черта. — И с помощью его магии они держал Анетту у себя.

— Выходит, немаги не такие уж и не маги? — потряс волосами Дроздов. — Ничего не понимаю.

— Поговори с Бальфуром о нем, вообще расскажи ему о нашей встрече, — Василик Петровичу показалось, что на щеках Янисы появился румянец. — Он познакомит тебя с культурой секты Ваши.

— А Бальфур... — у Дроздова появилась сумасшедшая мысль. — Тоже из твоих птичек? Или он может божество какое? Ну или полубожество, я не разбираюсь.

— Нет, ничего в этом роде, — покачала головой богиня. — Его магия особенная. И его вера... очень сильна. Он один из моих самых верных последователей.

— Как же ты допустила тогда, что он оказался в плену?

— Сердце, будь оно у меня, обливалось бы кровью в этот момент, — Яниса схватилась за грудь. — Но так было нужно. Иначе вам бы не удалось познакомиться и сблизиться. Некому бы было учить тебя бою, магии и вере.

— Куда же без веры, — шмыгнул носом Дроздов. — Тогда... я готов продолжать. Я верну твою птичку, Яниса. Выполню возложенное на меня... задание.

— Если тебе будет нужна помощь — просто позови, — помахала ему на прощание богиня, словно потеряв в мужчине всякий интерес. — Не оплошай.

Теперь уже Дроздов точно проснулся, хотя происходящее все ещё напоминало сон. Он лежал в постели, но вовсе не в своей и даже не в королевской. Мужчина сел, первым делом проверяя, снова ли его телу двенадцать. Да, все так, даже светлые длинные волосы вернулись. Эх, Дроздов почти скучал по этому.

Он осмотрел комнату в которой оказался, словно это как-то могло бы помочь. Деревянная кровать, захудалый стул рядом. На полу металлический таз, полный неизвестной жидкости. Да уж, его как минимум похитили и держат в заложниках.

Борясь с желанием снова лечь и уснуть, пусть и в неизвестном месте, но сон есть сон, Дроздов заставил себя встать. Он доковылял к дверям, выбираясь из какой-то крошечной хижины. На него смотрели знакомые места, выходит, он все ещё на территории дворца.

— Ваше Величество, вам нельзя вставать! — на него налетела Ланса, утаскивая обратно в небольшой домик и силком укладывая парня в постель. — Вы переутомились, лекарь велел осыпаться!

— Во первых, мне некогда осыпаться, — Дроздов все равно сел и свесил ноги с кровати. — А во вторых — я сам себе лекарь, я пишу умные медицинские книги, Ланса, ты сама так сказала. Так что я уж точно лучше знаю, когда мне можно вставать.

И Дроздов почти не лгал ей, молодое тело восстанавливалось в разы быстрее. Так он чувствовал себя практически полностью отдохнувшим, но точно готовым продолжать трудиться, особенно учитывая то, что с ним говорила богиня. Ох, точно...

— Ланса, а ты знаешь богиню Янису?

— Янису? — удивилась эльфийка, наконец оставив свои попытки удержать короля в постели. — Почему вы о ней спрашиваете?

— Я... просто читал о ней, но ничего не понял, — солгал тот.

— Ну, — Ланса уже и сама не заметила, как следовала за Лукасом в его покои через сад. — Она покровительница магов, одна из большой четверки, что создали наш мир. Она сопровождает войнов своим пением на бой, завершает войны, да и просто помогает магией. Я следую учениям Фенира, бога, направляющего потерянные души. Он вам не интересен? С ним я много могу рассказать, а Яниса куда более воинственна, мне не приходилось молиться ей.

— Нет, Ланса, Фенир меня не интересует, — задумчиво проговорил Дроздов. — Ладно я спрошу ещё у кого-нибудь. Это так странно, мы никого не встретили на пути. Неужели весь дворец вымер, стоило мне уснуть?

Это было действительно пугающе, они шли уже несколько минут, но не встретили даже пробегающего служки, не говоря уже о том, что обычно замок походил на огромный муравейник, кишачий людьми.

— Многие сегодня решили дать выходной рабочим, слугам и даже рабам, — пожалала плечами эльфийка. — То, что вы перетрудились, воспринялось народом очень остро. Все решили, что нельзя так сильно себя нагружать. Что отдых рано или поздно возьмет свое. Так что... вы тоже должны прийти и лечь ещё поспать.

— Хорошо, главное, что после нормального купания и в своей постели, — нехотя согласился король. Они как раз подошли к ближайшему входу от его покоев. — О, смотри, там горничная.

И правда, одна из эльфиек несла большую кучу коробок. Заметив короля и Лансу, она жутко испугалась и сбежала, словно её уличили в чем-то постыдном. Но Дроздов отмахнулся от неё, по старой привычке пропуская Лансу первой внутрь. Эльфийку это всегда пугало: с чего королю её пропускать? Она вновь залилась краской и осталась стоять у стены.

— О, богиня, — фыркнул он, заходя наконец первым.

Искупавшись на скорую руку, король с помощью Лансы натянул рубашку, падая в объятия одеяла. Так хорошо устроившись, он прикрыл глаза, чувствуя, как замедляется его дыхание. Эльфийка понаблюдала за ним какое-то время, а затем бесшумно выскользнула в коридор.

Дроздов засыпал, грезя о том, как он организует все в больнице. Там будет кабинет, там будут палаты, а приемный покой — с центрального входа. Там все будет таким светлым и чистым, доктора будут образованными.

Его глаза мгновенно распахнулись. Сон как рукой сшло.

Книга, Дроздов и думать забыл о руководстве для будущих врачей! Больница-то почти готова, а у него ничего нет! Он быстро вылез из-под одеяла, усевшись за стол. Подтянув к себе исписанные листы, парень бегал глазами по строчкам, чтобы вспомнить, на чем он остановился.

Первый том был почти закончен, в нем он собрал все самое простое и поверхностное. Именно его нужно будет открывать, когда пациент приходит с легкими жалобами, по типу ран, кашля и прочего. Дроздов вместил туда даже свои поверхностные знания по лечению зубов, как минимум, их анатомию и виды болезней.

Так он и сидел, сгорбившись над книгой и дописывая последние страницы. Он хотел успеть отдать её на верстку, чтобы сделали ещё с десятков другой таких. Потом уже и учеников можно набирать, пока оружие не готово. Тогда, глядишь, раненым и своевременная помощь будет. Конечно, не как в его первом мире, но уже куда лучше, чем

травки и молитвы.

Дроздов даже не подозревал, сколько прошло времени, прежде, чем он наконец отложил полностью готовый текст. Ему не было, что добавить, разве что пару строк о том, что написанные там препараты растительного и не только происхождения вызывают привыкание, но лучше это упустить, а то все бы ринулись проверять.

Забравшись обратно в кровать, мужчина наконец действительно спокойно прикрыл глаза.

Разбудили его первые лучи солнца, и это значило, что он наконец спал ровно столько, сколько ему хотелось. Дроздов успел ещё немного полежать, после чего вошла Ланса. Она была вся на подъеме, словно случилось что-то очень хорошее, но ни слова об этом не проронила, как бы король не допрашивал. Уже умывшись и одевшись, он хотел было как обычно позавтракать в своей столовой, но служка, что всегда вел его на совет, подлетел, дунул в свою трубу и был готов сопровождать его.

— Ланса-а, — протянул почти возмущенно Дроздов, оборачиваясь на эльфийку, — а что происходит?

— Попросили вас прийти на совет как только глаза откроете, — невинно улыбнулась та. — Не хотела сразу портить вам утро.

Все ещё достаточно сонный, чтобы спорить, король поплелся в зал совета. Да, можно было сразу догадаться о подвохе, когда на него стали натягивать парадно-выходной костюм. Но уже было поздно что-то взвешивать и анализировать. Мужчина молча вошел внутрь, мгновенно отлетая спиной к двери от загоревшегося ослепляющего света.

— Да здравствует его Величество король Лукас! — прокричал служка, и тут же грянул оркестр.

— Что за хрень? — пробормотал тот, но зыркнув на Лансу, немного успокоился.

Та стояла, прижав руки к груди и плача от счастья. Что, интересно за праздник?

Его привели к трону, усадили, и только тогда Дроздов сумел осмотреть весь антураж и собравшихся. Казалось, там был просто весь дворец — его новые ученики, часть новых солдат, даже Вергель, мерзко усмехаясь, держал свой бокал.

Неизвестное гульбище продолжалось до тех пор, пока старик, министр обороны, наконец не прервал общий поток разговоров. Оркестр замолчал, а сам маг вышел на ковровую дорожку к королю, вставая на одно колено.

— Как самый старший и близкий к вам советник, я бы хотел лично начать поздравления его Величества, — он поднял голову, а затем и сам выровнялся. — Я от чистого сердца поздравляю вас, Лукас Драммонд, с тринадцатилетием! Да прославится же...

Остальное Дроздов не слушал, ошалело хлопая глазами. Так у него день рождения?! Теперь телу тринадцать?! Он хотел не забыть уточнить какого числа этот праздник, потому что со своим сном он окончательно потерялся с датами. Его настоящий день рождения был в феврале, а сейчас тянулся октябрь, так что он и не задумывался о празднике молодого тела. Ну, раз отмечают — он только рад отвлечься.

— Благодарю вас, — почти тепло улыбнулся король, предчувствуя, что таких поздравлений будет ещё очень много.

И он угадал. Праздник затянулся на целый день. Все пили, потом поздравляли его, потом снова пили, танцевали, а потом шли поздравлять его. Сам король просто сидел на троне, уже полноценно доставая до пола ногами, иногда перехватывая какую-никакую пищу с подносов служек. Алкоголь брать не стал, все-таки ему тринадцать, да и... в прошлый раз,

когда он начал, не остановился даже к концу жизни. Ещё одну он не хотел отдать на пьянство и прочее.

В очередной танцевальный заход, Дроздов почти уснул на троне, как вдруг к нему подошла Ланса. От неё пахло вином, но кроме румянца и хорошего настроения, казалось, оное ничего не дало. На ней тоже было красивое пышное платье, по типу тех, что носила Лилия. Сердце кольнуло, но нянечка уже отвлекла от грустного внимание.

— Вы так печальны, мой король, — она положила голову на подлокотник. Дроздов вдруг заметил, что у неё есть небольшие веснушки. Да и забавно, что Ланса так похожа на... богиню. Те же длинные волосы, милая мордашка. А может... просто эльфы похожи на высших существ? — Мне бы хотелось с вами потанцевать.

Дроздов почти соскочил с трона, едва его не свалив. Ему было очень радостно наконец встать с насиженного места. Спина ужасно затекла. Он предложил даме руку, и они неспешно поплыли на середину.

Они осторожно кружились среди танцующих пар, в такт легкой ненавязчивой мелодии. В ней вела скрипка, иногда почти нежно, но чаще надрывно, пытаясь коснуться тонких граней души. Ланса выглядела очень мило, от неё веяло теплом и цветочными духами, но больше — вином. Она слегка заваливалась на поворотах, но Дроздов держал её под спину очень уверенно, легко скрашивая заносы.

Словно поддавшись хмельному настроению, эльфийка откинула голову назад, улыбаясь и радостно крича. Создавалось ощущение, что так свободна и раскрепощена Ланса впервые, и это кружило ей голову. Не смотря на усталость от мероприятия, Дроздов поддался порыву нянечки, засмеявшись и закружив её на вытянутых руках. Сначала испугавшись, что мальчик, которому едва исполнилось тринадцать, не сможет её удержать, в следующий же миг Ланса расслабилась, позволяя поднимать свое тело.

Дроздов держал уверенно: эльфийка едва ли весила пятьдесят килограмм, хотя его «штанга» в виде Бальфура, претендовала на всю сотню. Так же просто Дроздов поставил нянечку на пол, словно пушинку, случайно заглядывая в её, полные восторга, глаза. Ланса расцвела, покрасневшая и растрепанная, неожиданно потянув короля из зала. Мужчина слегка удивился сему жесту, но поддался, скрываясь в тени пустых коридоров. Он надеялся, что никто и не заметит, что именинник пропал, кто знает, возможно, он просто затерялся среди пышных юбок. И, учитывая, что их никто не остановил, народ был слишком увлечен весельем.

Тем временем Ланса привела его к одному из уютных балкончиков, с которых открывался чудесный вид на темный город. Всюду горели светлячки, освещая множество улочек и домиков. Оттуда им даже была видна его больница, достроенная, ярко освещенная. В голове всплывали вопросы, закончили ли делать мебель по его заказу, когда можно будет её забрать и как поступить с логистикой...

— ...поэтому, я понимаю, что никогда не получу взаимности, но я все равно хочу сказать вам...

На Дроздова словно ведро холодной воды вылили.

— Что?.. — он уставился на Лансу, что смущенно отвела взгляд.

Набравшись смелости, девушка накрыла его ладонку своей, продолжая:

— Я люблю вас, мой король.

Опешив, Дроздов только хлопал глазами.

— Эм, Ланса, ты ведь помнишь, что мне тринадцать?

— Конечно, — нянечка дернулась, прижимая руки к груди. — И это только к лучшему.

Так я могу утешать себя, что были ли бы вы старше, то может у меня и был бы шанс... Но, — она отвернулась, оперевшись руками в балкон. Её волосы трепал ветер, а Ланса улыбалась. — Я ничего от вас не прошу. Не обижайте меня, Ваше Величество. И знайте, что я очень, очень влюблена.

Постояв какое-то время позади, Дроздов тяжело вздохнул. Да, ну и дает его нянечка. Это же хорошо, что он уже взрослый мужик, прошедший огонь и воду. Зачем так ломать психику тринадцатилетнему ребенку? Но раз никто не пострадал, король решил и не указывать Лансе на её неправоту. Пусть этот день для неё останется приятным, теплым воспоминанием, а не нравоучением от иномирца.

Дроздов повторил позу Лансы, тоже упираясь в балкой.

— Я знал, — сказал он, улыбаясь. — Ты всегда очень добра со мной и мила ко мне. Но я и правда совсем ребенок, на которого возложена не детская ответственность. Ты замечательная девушка и... достойна прожить эту жизнь, так, как тебе хочется. Но не стоит посвящать её мне.

Ланса повернула к нему голову. Наверняка она думала, что король может читать мысли, но Дроздов и без магии знал, что гложет таких безответно влюбленных дурочек. Эльфийка изъедала себя желанием посвятить свою жизнь и службу ему одному, оставив других мужчин позади.

— Тогда... скажите хотя бы, что не станете иначе ко мне относиться, — попросила она, снова отворачиваясь к ночным улочкам. — Пожалуйста.

Тут была бы ещё одна лекция, но Дроздов решил идти до конца.

— Конечно, ты очень дорога мне. И твои чувства в том числе.

Медленно наклонившись, девушка оставила легкий поцелуй на щеке короля:

— Спасибо...

Поняв, что ещё одну лекцию он не сумеет сдержать, Дроздов показательно зевнул. Он потянулся, кряхтя и окончательно рассеивая остатки романтики, витавшей в воздухе.

— Я очень устал. Как думаешь, кто-то хватится, если я не вернусь на праздник?

— Вы ведь король, — пожала плечами нянечка. — Просто покажитесь слугам и идите отдыхать. А я... хочу ещё немного здесь побыть.

Пользуясь случаем, Дроздов махнул начальнику стражи и, потакая своему трудоголизму, направился искать тех, кто не отмечает его день рождения, а работает.

В конечном итоге, он нашел девушку эльфа, что вносила последние правки в чертежи автомата. Оказалось, даже когда король спит сутками, его подданные во всю работают. Это было приятно, казалось, он начинает укреплять свой тыл. При других обстоятельствах, могло получиться и совсем иначе. Возможно, богиня Яниса действительно разглядела в нем нечто важное для поставленных задач.

Остаток ночи они ползали по чертежам, а к утру оба на них же и уснули. Дроздову снилось, возможно, именно из-за признания Лансы, нечто очень... приятное. Помня свои подростковые годы, Василий Петрович был готов проснуться с мокрыми вязкими штанами. Хотя, происходи все это в его постели — пускай, но не на чертежах ведь...

Снилась ему сама богиня и то ли она была рада и благодарна за освобождение своей птички, то ли просто Лукас ей понравился, но своя доля благосклонности Янисы ему ой как перепала.

Прервал влажный сон Бальфур.

Он сидел рядом на корточках, глядя на короля со странной смесью скептицизма и осуждения.

— Что? — сонно спросил Дроздов, потирая глаза и поднимаясь. Эльфийка оружейница все ещё спала, тихо посапывая.

— Я ничего не говорил, — эльф встал, медленно направляясь к выходу. — Переодеваться пойдешь или сразу на тренировку?

Осознав, что штаны все-таки сухие, Дроздов смело ринулся испытывать свои силы. В этот раз Бальфур повел его на полигон, где уже через пару дней должны начать тренироваться с автоматами. Выглядел при этом эльф все ещё как-то подозрительно

серьезно. Король уже начал подозревать, что он умеет читать мысли, но вскоре Бальфур развеял его подозрения:

— Скорее всего, это наша последняя тренировка, — начал он, выходя на центр площадки. — До меня уже дошли новости, но ты их, пожалуй, должен услышать от своих людей. Больше времени на твой рост как мага у нас не будет.

— Значит, нам пора вступать в открытый бой, — покивал Дроздов, несколько опечалившись. Ему нравились эти тренировки. Нравилось переносить вещи из своего мира в этот. — Ну, чему быть, тому не миновать. И так мы провели достаточное количество уроков. Я благодарен тебе за помощь и знания. Я обязательно исполню свою часть.

— Я знаю, — кивнул Бальфур, очерчивая пальцем купол над ними. — Сейчас я только хочу провести с тобой настоящий бой. Заставить тебя потратить все силы, чтобы ты мог лучше чувствовать свой рубеж.

— Я понимаю, что времени у нас почти нет, — вдруг вспомнил Дроздов, останавливая эльфа, — но я должен кое-что тебе рассказать. Я говорил с богиней Янисой. Она поручила мне задание. Ты... расскажешь мне о ней и о секте Ваши?

Взгляд Бальфура изменился. Он ненадолго опустил руки, глядя куда-то вперед, словно обдумывая, что нужно сказать.

— Хорошо. Я расскажу все, что знаю, раз уж Яниса тебе доверяет. Но сначала — бой.

— Вы с ней тоже встречались? — ставая на свое место, уточнил мужчина. — Я ведь не сошел с ума?

— Я говорил с ней однажды, когда чуть не погиб, — кивнул эльф. — Она спасла меня, а я поклялся вечно служить ей. Теперь моя душа принадлежит богине.

Задавать других вопросов уже и не хотелось после такого ответа. Внутри как-то похолодело: вот, значит, как. И здесь боги ради человеческих душ могут спуститься поиграть. За невеселыми мыслями, Дроздов едва не пропустил начало боя.

Бальфур атаковал его ветром, резкие порывы разодрали землю, вырывая попавшие в купол столбы и деревья. Король поставил щит, едва сдерживая напор соперника. Он не стал дожидаться конца атаки, топая по земле, что пошла волнами, заставив Бальфура отпрыгнуть и перекатиться.

Так они обменивались ударами, пока Дроздов, весь исцарапанный, грязный и потный, не повалился на землю в изнеможении. Было так странно видеть эльфа, у которого даже прическа не растрепалась. Казалось, разница в их силе просто огромна, но Дроздов помнил слова Бальфура о истинной силе. У него, у Лукаса, был народ, была армия, управлять которыми нужна была определенная сила. Оружие, верные воины, высокий интеллект — все это делало короля сильнее.

— Отлично, — хмыкнул Бальфур, присаживаясь на землю рядом. — Мы израсходовали всю твою ману. Как ощущения?

— Устал, — только и сумел выдавить Дроздов. — Как тебе?

— Уже лучше, — кивнул эльф. — Мы далеко продвинулись, больше ты не обуза на поле боя. Но и героем магических войн тебе не стать. Хотя я бы не хотел такого солдата в армии противника. У тебя какое-то... другое мышление. Никогда не знаешь, что ожидать в следующий момент.

— Теперь можешь ожидать вопросов о Ваши и Янисе, — устало усмехнулся Дроздов, перекатываясь на живот и поднимаясь на колени.

— Это должен быть отдельный долгий разговор, — помотал головой эльф, глядя в

даль. — А тебе уже пора идти.

Только Бальфур произнес эти слова, как раздался странный сигнал трубачей, звучащий так тревожно, что Дроздов едва снова не распластался по земле. Он испуганно посмотрел на эльфа, но тот выглядел невозмутимым, неспешно вставая.

— Я тоже пойду, хочу вечером покинуть столицу, пока не понадобится тебе вновь. Меня ждет мой народ, — Бальфур протянул ладонь королю, помогая встать и заодно пожимая его руку. — До вечера нужно успеть поговорить.

— Ч-чем ты займешься? — осипшим в миг голосом спросил Дроздов.

— Буду ждать переселения и бороться на народ эльфов, — неоднозначно повел плечом мужчина. — Просто отправь мне огненную птицу, как тренировались, и я приду.

— Выходит, на нас не северное королевство напало?

— Нет, это немаги, — Бальфур указал на бегущую стражу и советников, что лично пришли за королем. — Вот от них и узнаешь. До вечера.

Глядя в след эльфу, что уходил в противоположную сторону, Дроздов снова ощутил тоску. Да, все привычное рано или поздно заканчивается, и... он сам ведь просто человек. А людям свойственно бояться нового, бояться неизвестности. Мы не можем знать, что притаилось там за углом, но должны слепо поддаваться чувству времени и... смело идти в бой.

Как бы не хотелось оставить все как есть.

— Ваше Величество! — подбежал к нему Демьян. — Разведка принесла плохие вести!

Особых эмоций не было. Дроздов лишь приказал всем собраться в зале совещаний, который, как оказалось, слуги давно убрали и подготовили к работе. Только вновь сев в трон, мужчина задумался, зачем же все так заморочились и устроили праздник здесь, при том, что замок полон других прекрасных залов?

Но задать этот вопрос было бы неуместно.

Дроздов приказал служке читать, готовясь включаться в работу.

— Сегодня на рассвете, в город Фамаагуса, вошла армия немагов. Они сожгли часть города, вторую — заняли. Они держат в заложника множество магов, в том числе женщин и детей.

Служка отложил лист, ожидая дальнейший указаний. Дроздов молчал, обдумывая, как же поступить в этой ситуации.

— Разведка уже побывала в окрестностях, — не спрашивая разрешения, встал Демьян. — Немаги окапываются, непохоже, что они собираются продвигаться дальше по королевству.

— Раз они заняли один город, пойдут и за остальными, — озвучил мысли король, задумчиво глядя куда-то в даль. Поведение Бальфура было заразным. — Возможно не с этой своей позиции, а просто возьмут другой приграничный город. Есть информация сколько их?

— Вообще или сколько удерживает город? — хрюкнув, спросил министр обороны, не вставая.

— Всего их миллионы, — отмахнулся Дроздов, — но это не значит, что и армия столько голов насчитывает. А это нам узнать только предстоит.

— Вы ведь говорили с вернувшимся разведчиком, верно? — тихо спросил Демьян, все ещё стоя. — Разве он не рассказал вам что-то особенное?

Король досадливо прищурился, вспоминая тот момент. Ведь... приди он раньше, возможно... тот был бы ещё жив. Он мог бы заняться несчастным сразу, но тогда это

казалось чем-то неважным, не имеющим значения. И вот... из-за его ошибки им придется действовать почти вслепую. Осталось надеяться на информацию от Бальфура.

Они еще долго обсуждали подробности и мелочи грядущего плана, решив выступить, как только будут готовы автоматы. Тренироваться с ними придется прямо в бою, так как времени на это просто нет.

У Дроздова вообще были свои мысли на эту войну, ему требовалось пройти как можно глубже на территорию врага. Вообще, им не были нужны дикие земли, лишняя морока с неизвестными животными и непроходимым лесом. Но задание от богини все круто меняло.

Оставив совет продолжать обсуждения остальных новостей без него, король направился в оружейную, где остальная команда вносила последние правки. Он проверил чертежи и, поставив печать, отправил их кузнецам. Затем мужчина посетил мебельщика, оценил качество изделий, дав распоряжение поставить их по его дизайну в больнице. Когда он смотрел на изображения люстр с подсвечниками, грудь щемило. Хотелось скорее закончить всю эту бойню и даровать народу ветряные и водяные мельницы.

Он помотал головой, отдав листы с дизайном, и направился в комнату Бальфура, чтобы успеть на последний разговор.

Эльф уже заканчивал паковать вещи в плетеную сумку. Его взгляд был сосредоточенным, собранным, хотя все равно печальным. Казалось, Бальфур тоже не хочет перемен, либо наоборот очень к ним стремится.

— Заходи, — сказал эльф, не оборачиваясь. — Закрой дверь за собой только.

Наверное, настоящий король казнил бы за такие приказы его Величеству, но ведь Бальфур знал, что перед ним вовсе не наследник рода Драммонд, и Дроздов чувствовал странное благоговение перед этим эльфом, так что строить из себя горделивого правителя было совершенно бессмысленно.

— Я присяду? — спросил Лукас.

Бальфур кивнул, медленно оборачиваясь и тоже присаживаясь.

— Сначала я хочу рассказать о великой пятерке богов, чтобы ты понимал общую картину. Мы верим в них как в пятерку, но каждый выбирает для себя главного бога. С Янисой ты знаком, она покровительница воинов, богиня правды и независимости. Мы, эльфы, часто выбираем именно её. Дальше, Фенир, бог потерянных душ, ему следуют одинокие люди, желающие обрести дом и семью. Гергена, богиня плодородия, богиня природы и всякой живности. Ей поклоняются фермеры, семьи, что не могут завести детей, суть ты понимаешь. Так же бог Даран, это бог перерождения, он заведует умирающими, больными. Поклоняются ему те, кто потерял кого-то близкого и молит о доброй жизни в другом мире. И, наконец, Ваши. Бог очищения. Он великий маг, погибший в сражении, но он так много сделал для нашего мира, что четверка богов даровала ему бессмертие. Вообще, его учения безобидны, даже в чем-то полезны, но немаги восприняли их слишком буквально.

— И... — сглотнул Дроздов, записывая все, что говорил эльф, — в чем эти учения заключаются?

— Ваши учит, что мир прекрасен и без магии. Что вы, как люди, гораздо больше, чем просто сосуды, полные маны. Что стоит больше работать руками, создавать прекрасное, а не воевать, — Бальфур помолчал немного, словно сам задумавшись над словами. — Но тебе ведь не интересно просто учение Ваши, правда?

— Ты прав, — оторвавшись от записей, кивнул Дроздов. — Меня интересует его секта. Все немаги в ней состоят?

— Все, кто с нами воюет, — покачал головой эльф. — Вообще, это с их идеологии пошла расовая ненависть к эльфам, но много беженцев с секты, кто либо все же научился магии, либо просто несогласных. Но их отношение к эльфам оказалось заразным, маги его подхватили и мы теперь просто... неважно.

— Да, ваш мир очень странный, — произнес Дроздов, прежде, чем понял, что сказал. Но Бальфура это совершенно не удивило, он лишь продолжил рассказ.

— Сектанты живут как крысы, в норах и пещерах. Ладно, нет, у них есть строения, но весь их быт сосредоточен на миссии превратить всех магов в немагов. Они не развиваются, но их так много, что даже крысами они представляют немалую угрозу. Не думай, что раз они не такие умные как ты, да и колдовать не умеют, то это легкие противники. Они жестоки, дики и необузданны. Они заточенной челюстью быка расчленяют с одного удара. Их сложно заметить в непроходимых лесах, они сливаются с природой, что словно защищает их.

— Камуфляж, — покивал головой Дроздов, делая себе пометку. — Знаю, как и нам такое сделать, но к походу успеем только что-то своими руками смастерить. Потом запусу дизайн ткани... а, ты все равно не поймешь. Продолжай, пожалуйста.

— Я не уверен в том, что скажу дальше, это лишь жуткая легенда, которую страшно представить в настоящей жизни, но это бы объяснило их численность и успешность, — Бальфур сунул руку в сумку, доставая старинный пергаментный лист. Надписи там были на мертвом языке, а на изображении — зеленый костер. — Потом разберешь сам слова, но суть легенды в том, что есть два пути веры в Ваши. Путь левой и правой руки. И правый путь — праведный, его придерживаются и многие маги. Левый путь и изображен на этой странице.

— Они... сжигают магов? — поморгал Дроздов, проводя для себя параллель со Святой инквизицией.

— Нет, ну, вообще да, но не ритуально, скорее для развлечения, — наморщил от отвращения нос Бальфур. — Легенда гласит, что можно отдать ману и искру Ваши, путем заливания крови в этот костер. Маг выживает, но больше он не сможет колдовать.

— И, получая бесконечный поток подношений, Ваши помогает немагам? — уточнил Дроздов, пялясь на жуткую картинку. — Да, вот тебе и новый член богов. И почему его не сокрушат там, или типо того? Воинственная Яниса к примеру.

— Это ты сам её спрашивай, — ухмыльнулся эльф, вставая. — Я рассказал все, что знал. Используй это для победы. Я буду только рад, если всю эту секту уничтожат твои огненные ядра.

Прощаться было сложно, но Дроздов все же не имел право голоса. Он пожал мозолистую ладонь Бальфура, искренне пожелав тому хорошего пути. А у него было и без того слишком мало времени на подготовку, не хватало ещё и тратить его на меланхолию. От Бальфура он получил много полезных знаний и хорошую подготовку в магии. Они ещё обязательно встретятся, и Дроздов освободит прекрасный волшебный народ эльфов.

Спрятав свои записи, король направился готовиться к войне.

Только вперед.

Если бы Дроздову давали по золотой монете каждый раз, когда кто-то уверял его не ехать на войну, он бы сумел вооружить каждого жителя королевства, ещё и сотню больниц отстроить. Но вместо золотого ему давалась только головная боль, она просто подкрадывалась, нападая на короля при виде раскрывающего рот советника. Один только Вергель придерживался холодного нейтралитета.

Он навсегда усвоил, что Лукас больше не тот маленький мальчик, которым он управлял. Король возмужал, покрепчал и вытянулся. Больше на него из зеркала не смотрел ребенок. Да, сейчас его тело местами было несуразным, из фазы ребенка он перешел в фазу подростка, а это всегда изменения и порой они неприятны. Но его труд окупался, да и весь цикл Дроздов уже проходил. Следующим шагом он хотел намешать антиперспирант, а то сил это терпеть уже не было.

Он привык в своем мире к комфорту, если не роскоши, здесь его вернуло с небес на землю. Но облачаясь в латы в мужском кругу бывших крестьян, Дроздов все равно слишком глубоко не вдыхал. Гигиена здесь хромала, но хорошо ведь, что он доктор?

Сидеть на лошади было сначала некомфортно, все-таки чем-чем, а конным спортом он не занимался никогда. Животное его поначалу пугало, но спустя полдороги и полмешка яблок — у них как-то наладилось. Дроздов и не думал, что путь их ждет настолько долгий, он привык, что на слишком дальние расстояния можно летать, ну или в очень крайнем случае спать в СВ. Но ему, как королю, все-таки ещё везло, спал он в походе не на земле, нужду справлял не при всех, да и с ним ехал ещё и повар.

Силы на споры он твердо решил не тратить, так что просто соглашался на все, что требовал совет. Из них, кстати, с ним поехал только Демьян, он представлял разведку и не хотел оставлять короля без хорошего тыла.

Через три дня Дроздов готов был начать возмущаться, но по мере смены окружения, он почувствовал, что граница близко. Для первой миссии они решили лишь освободить свои города, за время пути немаги захватили уже второй. И этот захват ощущался буквально кожей, по ней бежали мурашки, а волосы вставали дыбом. Прекрасные поля, луга, посадки — превратились постепенно в изломанные выжженные пустоши. До приграничных городов было ещё с пару часов пути, а живых людей им уже не доводилось встречать.

Демьян прискакал из начала строя, рассказав королю, что маги-сокольщики отправили своих птиц и подтвердили информацию разведки. Армию короля там не ждали, немаги продолжали грабить оставшиеся целыми дома. Вообще план Дроздова состоял в том, что они выступили небольшим строем в две тысячи душ. Учитывая магические силы и огнестрельное оружие, большего не требовалось, чтобы прогнать из городов всех немагов. В идеале — убить, верхушек взять в плен. После чего все две тысячи рассредоточатся по границе, напоминая дикарям с помощью патронов, где их место.

Потом, нарастив силы, количество патронов и научившись пользоваться автоматами, они обязательно вернутся, спасут птичку Янисы и покажут Ваши средний палец. Действовать нужно было быстро и без сожаления. Хотя Дроздов смотрел на свою армию и понимал, что никакого сожаления и сочувствия к немагам там нет. Для них это личная война.

Вскоре король и сам увидел разруху города, в которую они въезжали. Оставив позади

поваров, остатки продовольствия и палатки, воины припрятали и повозки, в которых ехали. Лошадей на всех не хватало, так что приходилось запрягать одного коня, что вез в деревянном прицепе по десять, а то и двадцать человек. Но в город они входили уже сами, прижимая к плечам затворы.

Дроздов старался быть в середине, но поближе к первой линии. Ему просто нетерпелось использовать деяние рук своих и мозга своего. Он не боялся смерти, не боялся бога Ваши. Он только мечтал, что забавно, очистить свои земли. «Не этого ли ты хотел, маг Ваши?».

Всюду творилось нечто ужасное. Тела так и лежали на земле, заставляя сердце Дроздова обливаться кровью. Дети, старики, женщины — этим мерзким тварям не было дело от кого чистить магическую землю. Дома были сожжены до основания, да все вокруг было устлано пеплом. Ботинки его армии оставляли глубокие следы на сером покрывале.

— Маги! — заорал дикарь на обзорной вышке, сооруженной из досок забора. — Скорее сюда! Армия короля идет!

Между ними было около трехсот метров, когда высунувшийся в первую линию Дроздов, снял предохранитель со своего автомата. Оружие сильно отдало в плечо, но очередь из патронов ударила кричавшего прямо в грудь. Словно кукла, он, не ожидавший нападения с такого расстояния, свалился вниз, где уже совсем скоро по нему равнодушно прошли ботинки, как раньше по пеплу.

Не успевшая опомниться, горка захватчиков рассредоточилась по остаткам деревни, но воодушевленная новым оружием армия не видела в этом проблемы. Воины короля кричали, выплескивая боль за народ, так пострадавший от рук дикарей. Они ещё издали расстреливали противника, не давая даже шанса на сопротивление.

Первый город они освободили настолько быстро, что пьянящее чувство победы перехватывало дух.

Дроздова трясло, он не мог отвести глаз от падающих тел противника. Он опустил свое оружие, глядя на обстановку. Его люди словно и позабыли о магии, они выхватывали из кобуры пистолеты, стреляя в упор. И это не было жестоко, это было больно. На их лицах выступала решительность, доля скорби по своему народу, благодарность королю и вера в то, что это единственный верный путь.

Видя, что этот город освобожден, Дроздов отдал приказ переходить ко второй фазе. Пять сотен воинов оставались здесь, зачищая дома и подвалы, чтобы искоренить до последнего дикаря и освободить всех магов. Сам король с ещё полутора тысячами армии направился дальше. Там их встречали уже с большей готовностью, но выстрел с двухсот метров повалил и первую линию врага и всякую надежду захватчиков.

Понимая, что выхода у них нет, отразить атаку не выйдет, главный дикарь, а понять это можно было по его отъеденным телесам, отдал приказ отступить. Из тысяч немагов, услышать его могли около шести сотен, но и их душили автоматные очереди. Дроздов в этот раз сжимал пистолет, нужды стрелять у него не было вовсе. И когда они прошли черту города, оставшиеся дикари скрылись за живым щитом.

В основном это были девушки, где-то дети. От мужчин, очевидно, избавились сразу же, с ними совладать было сложнее. Прятаться за живыми людьми было очень ожидаемым шагом, Дроздов оказался первым, кто не побоялся стрелять. Остановив автомат на пологий камень, он прицелился и попал точно в голову одному из дикарей. Испуганные маги вздрогнули, но, услышав как противник пал на землю бездыханный, стали вырываться из удерживающих их рук.

С этого момента в силу вступила третья фаза операции. Обойдя людей и сменив фокус, половина воинов стала стрелять убегающим по ногам. Без очереди, в основном из пистолетов, просто, чтобы не позволить им уйти. Отдав приказы касательно выживших магов, Дроздов, с автоматом наперевес, подошел к первой группе, что уже вязала пленников. Он осмотрел их, борясь с низменными желаниями.

По пленным было видно, кто есть кто. Конечно, простые дикари были ему не нужны. Их можно было убить, а можно было оттащить в лес на растерзание зверям и на показ их односектантам. Как вдруг его охватило странное чувство, что следы выстрелов в пору бы замести.

— Вот этих четверых, — он указал на отдававших дикарям приказы, — мы заберем, позже я окажу им медицинскую помощь, чтобы они протянули до столицы. Остальных... убейте магией и достаньте с помощью ножей все пули. Их тела сожгите и поместите в какой-нибудь чан или в любой сосуд. Его оставим у леса.

Так он и покажет свои намерения и не позволит достоверно узнать о их оружии.

— А что делать с остальными телами противника, что в первом городе? — утирая пот со лба, спросил улыбающийся Демьян. Его трясло от нахлынувшей эйфории, видимо, они впервые сумели дать должный отпор.

— Просто сожгите или закопайте, не имеет смысла, — отмахнулся Дроздов осматривая выживших магов.

Они уже выглядели совсем не такими счастливыми, как его солдаты. Раненные, избитые и голодные, они не могли смотреть на остатки своих городов. Кто-то видел тела погибших близких, а кто-то едва терпел боль. Зная, что как король он должен сделать все возможное для этих несчастных, Дроздов повесил автомат на плечо, выходя вперед:

— Я благодарен всем вам за стойкость, что вы проявили. Мне до слез горестно видеть все те ужасы, что причинили вам немаги. Мы отомстим за это. Мы вернем им каждую пролитую слезинку. Но вернуть погибших мы не в силах. Будьте уверены, Даран присмотрит за ними. Мы построим храм, где о почивших будут помнить как о героях. Ничего не будет забыто. Никто не будет забыт.

Аплодисментов не было, только полившиеся слезы. Большинство просто плакали, не в силах даже говорить. Один пожилой мужчина схватился за голову, сползая по каменному столбу, на который он опирался. Сначала Дроздов решил, что ему плохо, но так старик справлялся с чувствами.

— Все вы вольны выбирать, что делать дальше, — снова заговорил Дроздов, хотя уже заметил, что к нему быстрым шагом направляется Демьян, что до этого с разведчиками осматривал дома. — Вы можете отправиться в столицу, где вам окажут медицинскую помощь и предоставят жилье. В случае, если вы полностью здоровы и не хотите покидать родные места или хотите примкнуть к пограничникам — я не стану насильно тащить вас с собой.

— Мой король, — тихо позвал его весь бледный Демьян. Дроздов уже все понял, когда увидел, что подъезжает повозка с медикаментами. — Там тяжело раненные, вы бы не могли?..

Василий Петрович тяжело вздохнул. Он сам сказал Демьяну и остальному совету, что сумеет оказать некоторую помощь. Но отчего-то на его плечи легла сильная усталость. Когда он следовал в большой дом с ранеными, за ним тихо крались и остальные выжившие — кто-то просто поглазеть, а кто-то тоже нуждался в помощи.

Так у Дроздова тоже был отряд — две эльфийки, обученные по его справочнику. Они рыбками бегали все в белом, вешая на пострадавших разноцветные повязки. Черные — тем, кому помощь оказывать поздно, человек погиб. Красные, тем, кто нуждается в помощи как можно скорее. Оранжевые — тяжело раненным, и, наконец, зеленые, тем, кто подождет или вовсе справится с помощью своих товарищей.

Солдаты довольно быстро соорудили каркас, на который эльфийки без посторонней помощи натянули привезенный с собой белый брезент. Дроздов пока подготовил стол и велел ввозить людей в порядке очереди.

Столько, сколько пришлось зашивать в этот день — Дроздов не шил даже на практике. Вариантов не было, шил он теми же нитями, что ткали под руководством Гелии. Конечно, эти делали немного иначе, потом кипятили, но об особых новшествах и речи не шло. Разве что иглы были изогнутыми, на это много времени не требовалось. Мужчина понимал, что выживут не все, кто попал на его импровизированный стол. Он не хирург, вокруг не больница, да и дорога до столицы будет очень сложной. Но он все равно пытался сделать максимум.

Уже на следующий день он наконец мог поесть, принять душ и просто спокойно подышать. За время его труда, Демьян завершил все оставшиеся моменты, и теперь города начали потихоньку чистить сами выжившие и подтянувшиеся с соседних городов любопытные. Армия со скуки тоже таскала бревна, высыпала кучи пепла в граничащий с ними лес. Периодически были слышны одиночные выстрелы: кто-то валил возмущенных вторжением зверей, а кто-то безжалостно убивал разведчиков немагов.

— Вот бы где-то повыше и подальше мог лежать кто-то с пистолетом, — мечтательно протянул Демьян. — Так бы мы ни одну дикую тварь не пропустили. И я не про зверье.

Дроздов призадумался.

— Если время позволит, сделаем винтовки, — протянул он, попивая сваренный поваром компот из шишек. — Но сильно надеяться не приходится. Скажу оружейникам, парочку таких может успеem сделать, было бы хорошо с ними границу стеречь. Но вы и с автоматами тоже попробуйте, где-то на дереве или на крыше дома.

— Тогда, время прощаться? — протянул руку Демьян. — Я не вернусь, больно мне нравится мочить этих дикарей. А вас уже ждут.

И правда. Все уже успели собраться, погрузить все вещи и ждали только короля, но никто так и не решался нарушить его покой. Усмехнувшись, Дроздов поставил чашку на протянутую балку, пожав все ещё трясущиеся руки своего советника. Василия Петровича это все погрузило в мир компьютерных игр. Как и в них, он сейчас возвращался без единого шрама — это была победа в сухую. Быстро, четко, как и планировалось.

Когда король со своей армией ушел, Ланса едва могла сдерживать слезы. Появился страх, что он не вернется. Оставит её. До его изменений она жила совсем иначе, маленький король хоть и пытался храбриться, но угасал на глазах. Жизнь словно медленно покидала его, оставляя оболочку пустовать. Он все чаще плакал ночами, говорил о смерти и вообще едва походил на себя прежнего.

Ланса с ним была с тех пор, как молодому наследнику исполнилось девять. Король с королевой ещё были живы, а вот первая нянечка скончалась, обыкновенной человеческой смертью — от старости. Лансу тогда привезли с рынка, напуганную, грязную, готовую к ужасной работе. Молодая королева заметила её среди купленных королевством рабов,

предложив прогуляться.

Это стало началом новой жизни, где эльфийка воспитывала крошку принца. Он был милым ребенком, тихим, игривым. Любил читать, гулять около пруда. Но все сломалось, когда на повозку совершили набег. Это был ужасный день, траур по которому до сих пор висит над королевством. Они потеряли своих правителей, а четверо маленьких детей остались без родителей.

На плечи Лукаса свалилось слишком многое, Лилия стала наместницей, от них хотели решений, хотели правления королевством, но это же всего лишь дети! Вергель наконец добрался до полноценной власти, тогда Адам и принцессы смогли выдохнуть спокойнее, но не король. Манипулировать им Вергель мог как только желал. И это убивало мальчика.

Ланса уже ожидала самого страшного, тогда, у озера она едва не прыгнула в след за ним, но...

Он изменился. Возмужал.

Эльфийка головой понимала, что ему тринадцать, совсем ребенок. Но глаза и сердце говорили иначе. Она чувствовала, что душа Лукаса гораздо мудрее, гораздо старше. Да, перед ней был мальчик, которого она воспитывала с его девяти лет, но... она никак не могла убедить в этом свое сердце.

— Печалишься? — спросил насмешливый голос.

Ланса, сидевшая на том самом балконе, едва не свалилась.

— Нет, сэр Вергель, просто немного беспокоюсь за него, — она постаралась улыбнуться, но сердце екнуло. — Могу я чем-то помочь?

— Скажи, а ты... ничего странного не замечала? — как-то расплывчато спросил десница, приближаясь. Его черные глазки сузились, пронизывая испытывающим взглядом нянечку. — Никаких изменений?

— Н-нет... — солгала Ланса, отступая и упираясь поясницей в балкон. — Он такой, как и всегда.

— Вот как, — Вергель подшагнул к ней, сокращая расстояние. — Значит, Лукас просто повзрослел?

— Да, — судорожно улыбнулась эльфийка. — У детей такое бывает. Раз и... взрослые.

— Возможно, ты и права, — неоднозначно повел плечом Вергель. — Вы с ним близки?

Глаза девушки бегали по лицу советника, пытаясь прочесть там хоть что-то. Но оно выражало какую-то приторную враждебность, скрытую одной лишь улыбкой.

— Мы... близки с ним так, как должен быть близок ребенок со своей нянечкой...

— О, возможно ли, что Лукас считает, что ты заменила ему мать? — улыбка Вергеля стала ещё шире. — Мне это очень даже подходит.

Ланса не успела понять ничего, как десница достал из пиджака флягу. Он открутил крышку и протянул бутылку девушке.

— Выпей это.

— Ч-что там?..

— Какая тебе разница? — Вергель взрыкнул. — Ты рабыня. Я приказываю выпить это.

— Я... я не хочу... — Ланса не смотрела на флягу, только в перекошенное лицо мужчины, что вдруг схватил её за волосы. — Не надо, прошу вас...

— Если тебе сказано пить, — прошипел десница, — то пей. Иначе будет очень больно, но ты все равно выпьешь. Или мне влить его в твою глотку?!

Плача, Ланса сжала дрожащими пальцами флягу. Слезы бежали по её лицу, но девушка

продолжала смотреть на Вергеля, не веря, что это происходит. Не было вопросов «почему?» или «зачем это советнику?». Лукас предупреждал её, но теперь поздно было что-то с этим делать.

Вергель запрокинул ей голову за волосы, своей рукой прислоняя флягу к губам и переклоняя. Вязкая черная жидкость струилась по подбородку, но Ланса не разжимала зубы, сопротивляясь из последних сил. Отпустив ей волосы и надавив на челюсть, советник все же заставил её разомкнуть зубы. Вязкая жидкость коснулась языка, стекая к горлу.

Нет, глотать она не станет!

Гортань сжало спазмом, рвотный позыв подкатил наверх. Тело непроизвольно послало сигнал, заставив девушку сделать всего один маленький глоток.

Вергель тут же отступил, пряча флягу обратно в пиджак. Он уже не улыбался, казалось, потеряв всякий интерес к эльфийке.

Ланса же смотрела ему в след, утирая губы. Осталось странное послевкусие, но, в остальном, никаких изменений. Она решила пойти взять бумагу и написать записку королю, на всякий случай, но мир вдруг слегка накренился.

Сьцилия едва отошла от жуткой посылки. Она была не готова к подобным ужасам. Девушка очень боялась крови, боялась даже мельчайших царапин. Наконец, она перестала бояться покидать свою комнату и смогла вернуться к работе. Сьци мыла лестницу, напевая себе под нос веселую мелодию, услышанную на балу в день рождения короля.

Нет, все-таки как хорошо, что она работает здесь. И все страхи нипочем!

Кто-то сзади схватил её за плечо, разворачивая к себе. Сьцилия в ужасе смотрела на нянечку короля, у которой из носа бежала алая, нет, почти черная, кровь. Она раскрывала рот, но не могла издать ни звука. Уже падая, Ланса прохрипела:

— Вергель...

Только когда её тело стукнулось о мрамор пола, от чего звук удара эхом разлетелся по стенам, к нему присоединился ещё и истошный женский визг.

— Я... хотела сказать вам, что никогда не встречала такого раньше, — девушка, которую спасли из плена, уже сидела в повозке, утирая большие карие глаза. — Вы — спасение для нашего народа. Без вас бы нам не удалось победить немагов.

— Мы ещё не победили, — только расплывчато ответил король, сидя на нетерпеливом жеребце, что упорно перебирал копытами. — Но обязательно сделаем это, как только я закончу свой план.

Рыжеволосая грустно улыбнулась и уткнулась взглядом во вражеский лес, думая о чем-то своем.

Дроздов получил немало хороших слов, но на душе почему-то все равно было тревожно. Казалось, победа какая-то слишком простая, даже в играх все не давалось настолько просто. Такое чувство, что немаги просто их проверяли. И это хорошо же, что он не притащил с собой целую армию, оставив столицу беззащитной. Кто знает, может Церел уже напал в его отсутствие, и пусть это немного и тревожило, но Дроздов был уверен, что его воины вооружены и готовы отражать любое нападение.

— Все, готовы выдвигаться, Ваше Величество, — махнули королю, и Дроздов поудобнее перехватил узду.

Они двинулись неспешно, оставляя позади солдат, мрачно глядящих туда же, куда смотрела и спасенная девушка: в мрачный враждебный лес, от которого ты не знаешь, чего ожидать. Но вскоре пейзажи стали сменяться, группа сопровождения короля несла благую весть по следующим городам, хотя гонцы уже и до них справились, но народу хотелось лично увидеть своего короля.

Расслабившись, Дроздов уже был глубоко в своих мыслях. Он планировал сразу остаться в больнице, разместить раненных и присмотреть за новенькими лекарями, что за время его похода должны были вдоль и поперек изучить его книгу. Обе эльфийки-медсестры успели получить даже опыт, наблюдая за его действиями. Да, это не пятнадцать лет отучиться, но у них была магия, а магия плюс знания равно успех. Такую вот формулу он вывел.

Их процессия въехала в небольшой лесок, светлый и дружелюбный. Дроздов даже хотел пройтись, размять ноги, но уж слишком задумался. Он сначала и не заметил, что следующая за ним повозка вдруг отстала. Его нагнал солдат сопровождения, человек Демьяна, Тар. Он попросил короля немного подождать вместе с пятью воинами. Дроздов, увидевший потасовку в повозке с пленниками, направил туда коня.

— Что происходит? — спросил он, приблизившись.

Одна из медсестер подняла на него голову.

— У одного из немагов открылось кровотечение. Он кричит и пугает остальных.

— Давайте я зашью, — устало вздохнул Дроздов, спешиваясь и запрыгивая в повозку.

— Вот, — эльфийка Кора протянула ему изогнутую иглу. — Я хотела сама попробовать, чтобы не беспокоить вас по пустякам.

Но рана была не пустяковая. Пуля угодила в бедро, едва не задев медиальную артерию. Теперь первый шов разошелся, хотя пулю Дроздов достал, все ещё была угроза разрыва. Их пленник вполне мог умереть от потери крови. Защить артерию он не сможет, слишком сложная и тонкая работа. Возможно, он научит кого-нибудь, но сам... нет. Хотя странно, конечно, его швы всегда были крепкими. А тут... надо бы проверить эти нити и придумать

им замену.

Стоило королю сделать последний стежок и отрезать нить, пленник вдруг схватил ножницы, только что положенные на пол, направляя их на Дроздова. Словно в замедленной съемке, король думал только о том, что никто не удосужился проверить, не развязал ли пленник руки.

Лезвия ножниц вонзились в магический щит. Тренировки с Бальфуром, всегда такие неожиданные, выработали в Лукасе рефлекс. Глядя на ножницы в сантиметре от своего глаза, Дроздов почувствовал истинную благодарность эльфу. Тот в самом деле знал, что делал.

— Это был... ваш план? — не понял он, когда оружие со звоном вновь упало на пол. Воины уже во всю крутили и вязали руки пленника. — Вы шутите? Я ведь не беспомощный.

Ему уже никто не отвечал, а Дроздов, окунувшись в эту мысль, выпрыгнул из повозки, следуя к своему коню. Хотя, вероятнее всего, пленник действовал по ситуации. Сумел освободить руки и ничего лучше не придумал.

— Вы целы? — рыжеволосая подала флягу королю. На её волосах всю ещё виднелся пепел. — Не ранены?

— Слишком наивная попытка, — ухмыльнулся Дроздов, взяв воду из рук девушки. — Как тебя зовут?

— Сана, — улыбнулась та, слегка смутившись. — Будьте осторожнее, пожалуйста. Враги опасны и коварны.

Дроздов внимательно посмотрел на рыжеволосую и, пожав плечами, прислонил горлышко к губам. Он уже понял, что девушка не так проста, но он ожидал яд, а не быстрый удар в живот тонким лезвием. Щит сработал как надо, нож откололся, часть лезвия упала на рыхлую землю.

— Вот это был ваш план, — он пригладил волосы, глядя на Сану, что встала в стойку, нападая на него с уже другим лезвием. — Прошу тебя, не доводи до греха. Здесь две дюжины вооруженных солдат, что ты одна сделаешь?

— А я не одна.

Боль обожгла поясницу и колено. Дроздов перенаправил щит, но если на спине успела пострадать только кожа, то его колено тут же подкосилось. Опираясь на здоровую ногу, мужчина вынул пистолет и, даже не оборачиваясь на остальных противников, дважды выстрелил в Сану. Одна пуля попала чуть выше колена, а вторая — в правое плечо. Дроздову позарез нужно было, чтобы девушка выжила.

Наконец обернувшись, он сразу прикончил ещё троих спасенных, что пытались пробить его щит. К нему все же стянулись остальные солдаты, разбиравшие до этого ситуацию пленников. Они в ужасе оттащили ещё четверых нападавших на короля, оставив его стоять над Саной, что все ещё пыталась побороть боль и продолжить сражение.

Дроздов не обращал на неё уже никакого внимания, махнув всех выживших связать и отправить к пленникам.

— Тар, — обратился Дроздов к человеку Демьяна, — нужно, чтобы половина группы вернулась. Среди оставшихся, должно быть, тоже только немаги. Мы не можем подвергнуть опасности две тысячи солдат.

— Вы... ранены, — только заметил Тар, указывая на колено короля.

— И правда, — Дроздов наконец отвлекся, понимая, что у него просто шок и только поэтому он сейчас не корчится от боли. — Выглядит дерьмово.

Остальная дорога прошла для мужчины в бреду. Он потерял много крови, при этом прямо на ходу ему приходилось давать указания двум эльфийкам, что едва сами не теряли сознание от страха. Они были готовы учиться, но ответственность за жизнь короля — не та ноша, которую девушки могли на себя взвалить.

К счастью, все обошлось. В одном из городков гонцы нашли хорошего лекаря, тот поколдовал, пока Дроздов видел галлюцинации, и перерезанные сухожилия и ткани немного срослись, а под повязкой у него теперь там лежал мешочек с волшебными травами. Но, стоило отметить, что если бы не своевременная помощь медсестер — шансов у Дроздова было не много. Звучит не слишком пугающе: порезали под коленом.

Не там-то было, стоит только добраться до артерий и... четыре минуты за которые вытекает жизнь.

Дальше уже не было приключений. Когда они подъезжали ко дворцу, Дроздову и правда пришлось остановиться в больнице. Там его ещё раз осмотрели уже с умным видом, но в основном хвалили волшебный мешочек. Пара заклинаний — и король, опираясь на принесенную трость, заковылял по коридорам. Нога практически не сгибалась. Вот она сила магии — быстрое исцеление, но какой ценой. В тринадцать лет он переваливается из-за сросшегося сустава.

Да, приятного мало.

Но о своей внешней красоте Дроздов не плакал. Он осматривал все палаты, приемное отделение и сидящих там людей. Кто-то кашлял, кто-то прижимал раненную конечность. Пока в больнице не было особых разделений на виды проблем, но это вскоре они поправят. Заведовать больницей Дроздов назначил лекарку, что проявила удивительную глубину мысли. Она так быстро улавливала все, что говорил Дроздов, что на много шагов ушла от конкурентов.

— Ваше Величество! — окликнула его женщина в белом халате. Форму Дроздов нарисовал вручную. Ещё пару лет здесь, и он будет ещё и художником.

— О, Рони, — король пожал маленькую ладошку управляющей больницей. — Как тут успехи, все работает?

— Да, Ваше Величество! — та улыбнулась, приглашая его присесть на диван. — Как Ваша нога? Я наслышана о случившемся.

Дроздов отмахнулся.

— Это пройденный этап, я не хочу концентрироваться на издержках, — он потер колено ладонью через воинские штаны. — Идя на войну, я был готов к увечьям.

— Это не значит, что они вам нужны, — Рони достала блокнот, листая его и демонстрируя королю. — Вот, я как раз изучала внимательнее анатомию. Дайте мне время, и я обязательно придумаю решение этой проблемы.

— Хорошо, — кивнул Дроздов, замечая довольно правильные наброски. — Расскажи мне подробнее о делах больницы.

— Ну, мы не совсем успеваем с потоком больных, — девушка даже иногда разговаривала на написанном Дроздовым сленге. — Каждый хочет побывать в вашей больнице. Несут самые разные проблемы. От насморка до умирающих бабуль. Знаний пока не хватает, но мы все учимся.

— Это правильно, — согласился мужчина. — Во всех больницах так. Потом наловчитесь.

— А что, есть и другие? — удивилась Рони, глядя синими глазами на короля из-под круглых очков.

— Э, нет, не так выразился, — откашлялся Дроздов, понимая, что стал слишком много болтать. — Вам нужно еще людей или эльфов набрать. Сначала пусть хоть уборкой занимаются, инструменты держат, но потихоньку учатся.

— Да, мой король, так и сделаем, — Рони встала, подавая руку Дроздову, но тот встал самостоятельно. — Мне пора идти, пациенты ждут. Ну а Вам... в общем, Вас ждут в третьей палате. По коридору налево, а потом...

— Я знаю где третья палата, Рони, — улыбнулся король, хромя, — это я придумал здесь все.

Идти было непросто, но ещё тревожнее было в груди. Дроздов свернул в нужный коридор, видя в его конце Адама с его нянечкой и ещё пару безликих слуг. Его брат смотрел куда-то в пол, он тоже повзрослел за этот месяц. Медленно подойдя к принцу, Лукас пихнул его в туфлю тростью, пытаясь игриво обратить на себя внимание.

— Лукас? — Адам сразу вскочил, глядя на брата почти испуганно. — Не думал, что ты так сразу придешь.

— Ну, я закончил здесь все дела, теперь пойду во дворец. Ланса так обрадуется моему приезду, не хочу заставлять её ждать, — улыбка короля померкла, когда Адам не реагировал на его веселый тон. — Что-то случилось? Почему вообще вы оба здесь? О, Богиня, что-то с Нерель?!

— Сестра в порядке, — быстро выпалил Адам, преграждая путь к палате. — Послушай, все не так плохо. Я помню, что стало с моим веселым и добрым братом, когда умерли родители. Я не могу потерять тебя снова.

У Дроздова было два варианта реакции — оттолкнуть Адама и влететь внутрь и спокойно прояснить ситуацию. Выбрал он неожиданный, даже не учитывавшийся вариант.

Медленно убрав руку брата, Дроздов приоткрыл дверь, ещё не глядя внутрь, сказав:

— Не беспокойся, что бы ни случилось, я больше не сломаюсь.

Но с выводами мужчина поспешил.

В кровати лежала Ланса, бледная, словно мертвая. В уголках губ запеклась кровь, а ноздри были покрыты черной коркой.

Адам вошел следом, как и его нянечка, что была подругой Лансы. Она плакала совсем беззвучно, часто вытирая крупные слёзы.

— Её нашла горничная, — тихо сказал Адам. — Ланса даже была в сознании, назвала только одно имя и упала в обморок. Её отравили настойкой Черной поганки. Она бы умерла, если бы не эта больница. Лансе промыли нутро, поставили эти штуки. Она не приходит в себя, но она жива. Ты умный, брат, ты придумаешь, как её спасти.

Дроздов лишь молча сел на кровать эльфийки, глядя словно сквозь неё. Ланса была той, кто помог ему начать в этом мире. Она всегда была рядом, каждый день, едва ли не единственная, кому он полностью доверял. Это было больно, удар в спину, по самому уязвимому. И Дроздову не нужно было спрашивать, чье имя она назвала, он и так это знал. Но злости и желания разорвать Вергеля не было.

Была всепоглощающая усталость. Усталость от войны, усталость от дороги, от травмы, но, главное, усталость от всех этих интриг и подножек. Он ничего не знал о настойке из поганок. Ни черных, ни белых. Дроздов мог лишь надеяться, что каким-то чудесным образом Лансу спасет магия.

— Мы уже вызвали лекаря от ядов, — сквозь плач сказала нянечка Адама. — Главное, чтобы она дождалась.

Дроздов попросил их ненадолго выйти, а ещё лучше — идти в замок без него. Сам он ещё долго сидел молча на кровати Лансы, пока не набрался смелости проверить её показатели. Он измерил пульс, дыхание, проверил слизистые и реакции зрачков. Сейчас ему стало правда жаль, что его знаний недостаточно, чтобы помочь нянечке. А она даже для него, почти сорокалетнего мужика, стала нянечкой. Заботливой и ласковой, даже его мать никогда такой не была. Она не выпускала сигарету изо рта, все время высказывала свое недовольство и оставляла его заботы на других.

Решив, что от расклеившегося короля никому лучше не станет, Дроздов записал все, что только смог придумать для Рони о помощи Лансе, и направился ко дворцу. Ему захотелось пройтись по освещенным светляками улочкам, вдыхая запах осени и костров. Где-то играли дети, громко выкрикивая и смеясь.

Казалось, его даже не узнают здесь. Дроздов был без слуг, без стражи, даже без Бальфура, горой возвышавшегося над юным королём. В солдатской форме, с тростью и хромотой, сейчас Лукас не походил на монарха, так что неудивительно, что люди проходили мимо.

По прибытию его войска с победой, народ учинил настоящий праздник. Они ликовали, наслаждаясь тем, что больше можно не бояться гнета немагов. Да, в своей голове Дроздов поправлял их, что они лишь на время прогнали врага, но, видимо, маги были не из тех, кто сильно одерживал победы. Так что уже это стало поводом для праздника.

Главная площадь так вообще была похожа на какой-то фестиваль. Уличные музыканты объединились, играя одну мелодию, что заливала все вокруг. Маги танцевали, кто-то в парах, кто-то сам с собой. Всюду сверкали яркие платья, звучал смех, а в воздухе витала беззаботность.

Дроздов присел на ступени, на которых сидел, когда погибла Лилия. Ничего не меняется, он все ещё испытывает тупую боль в груди и больше не чувствует в себе прежней силы. Кое-как вытянув ногу вперед, он помассировал занывшее колено, как вдруг на тыльную сторону ладони упала полоска пепла.

«Пускают салют», — с улыбкой подумал он, в мгновение осознавая, что нет в мире меча и магии никакой пиротехники, а он её пока не изобретал здесь!

Встав и подняв голову, Дроздов вдруг увидел, что все небо исчерчено алыми огнями, что куполом нависали над столицей.

С пару секунд он тупо пялился на них, пытаясь сообразить, что это вообще может быть. Страх сковал все тело, вместе с осознанием, что если у противника бомбы, то им нечего противопоставить. Но он стоял, а огни сгорали, превращаясь в пепел и усыпая им всю столицу. Люди тоже это заметили, перестав танцевать и веселиться, они выставляли руки, лоя рассыпающуюся материю.

Это не прекращалось, казалось, минут семь, пока все не покрылось серым пухом. Перед глазами встали города, сожженные немагами, принося с собой новое осознание. Пусть у него есть огнестрельное оружие, а остальные королевства лишены подобной мощи, это не умаляет ужасности происходящего.

Он здесь чужой, он не знает, на что способны их противники в плане военной мощи. Но он точно может быть уверен в том, что они кровожадны и беспощадны. И глупо проявлять свою человечность и гуманность, думать о их народе и страданиях, что он может им

принести. Лучше повергнуть врага быстро, содрав этот пластырь, в конце концов, нужно заботиться о своих.

Он сжал трость, направляясь в замок. Первым делом он узнает, что за чертовщина с этим пеплом, затем разберется со скопившимися делами. Следующим же шагом он вернется в госпиталь, откуда лично заберет пленников, чтобы их допросить. Он узнает все, о случившемся в приграничных городах. Он достанет из них всю правду, которая только может быть ему нужна.

— Ваше Величество! — министр обороны запыхался, повисая на руке Дроздова. Бедный старичок бежал, оттого и едва дышал.

— Что стряслось? — король помогал тому устоять.

— Этот пепел, — министр утер пот с лица, — это объявление войны от северного королевства!

Обсуждение планов затянулось на много часов. Дроздов качал здоровой ногой от нервов, вслушиваясь в монотонную речь советников, что спорили о целях королевства. Хотелось встать и заткнуть их, сказать, что их мнение ничего не изменит. Но пока королю лучше было держать себя в руках, постепенно выясняя, что за причины послужили объявлению войны. Все-таки, насколько бы аполитичным человеком он не был в своей прошлой жизни, Дроздов понимал, что просто так это не делают.

Пока складывалось так, что королевство Церел было жестоким и холодным, как и его правители. Народ держали в ежовых рукавицах, хотя, конечно, никого не убивали, жили мирно, в основном за счет торговли. Зима у них была суровая, начинающаяся ещё в последний месяц осени. И за пять месяцев непрекращающихся морозов, земля промерзала так, что на ней практически ничего не росло. Продовольствие они получали, торгуя как раз с южными королевствами, которым Церел поставлял ткани и нити.

Голубые шелкопряды размножались только в холоде, поэтому в остальных местах их было тяжело искусственно содержать. Но... времена изменились, и Дроздов изобрел ткацкий станок, совершенно не думая, что это приведет к войне. Церелу стало не за что покупать продовольствие, ведь торговля тканями активно началась с его королевством, в виду их дешевизны и доступности.

Дроздову даже принесли заказную книгу, где работа ткачих была расписана даже не на месяцы, а на годы вперед. Одновременно это вызывало и гордость и осознание, что такой, казалось, незначительный момент, оставил целое королевство голодать. Но с другой стороны: должен ли он, как король, думать о других? Ему бы со своими делами справиться, у него погибла сестра, нянечка при смерти, вечные нападения дикарей, так ещё и задание от богини.

Церел мог бы наладить импорт, понизить цены, все-таки это же шелкопряды создают ткани, там не нужно платить им деньгами! Неужели им проще потратиться на войну, причем ведь никто не гарантирует Церелу победу. Его королевство Люценс — больше, в нем всегда была сильная армия, пусть правительство и отличалось не конфликтностью. Неужели северяне думают, что сумею на одном лишь этом выехать и отобрать себе единоличное право на ткани?

— Ваше Величество? — громче повторил один из советников. — Вы слушаете?

— М? — Дроздов вынырнул из своих мыслей, глядя на людей за круглым столом. — Да, конечно.

— Мы пришли к тому, что нам не стоит вступать в эту войну, — встал секретарь, зачитывая бумаги. — Мы откажемся от торговли с южанами.

Глаза Дроздова, казалось, вот-вот на лоб полезут.

— С чего бы нам сдавать свои позиции?

— Вы не слушали, Ваше Величество, — хмыкнул министр обороны. — Церел прислал свои требования, мы должны ответить им в течении сегодняшней ночи, иначе они начнут боевые действия.

— Это я прекрасно слышал, — хмыкнул Дроздов, нагло солгав. — Это никак не отвечает на мой вопрос.

— Нам куда проще отказаться от ткани, у нас достаточно золота на торговлю с

северянами, — протянул казначей. — Да и город Либрамен, который они требуют им отдать, когда-то в самом деле принадлежал северянам.

Дроздов встал, подлетел к столу и грозно стукнул по нему кулаком, даже позабыв про свою трость, гулко соскользнувшую на пол. Его глаза на миг вспыхнули синим, а из-за вложенной в удар магии — по столешнице поползли уродливые трещины.

— Ещё хоть раз я услышу подобные слова — вы немедленно покинете совет. И дворец и столицу. Отправитесь с автоматом на границу, стрелять по дикарям! — казалось, король вот-вот набросится на советников с кулаками. — У нас такая мощь в армии, да мы должны идти до конца!

— Но ведь мы не можем воевать на все фронта, — покачал головой министр обороны. — За ночь мы не сможем достаточно подготовиться!

— Вы правы, — понизил голос Дроздов, вернувшись к трону. Он сел, подняв воинственно горящие глаза на совет. — Но мы уже готовы. Люди обучены, у нас десятки тысяч стрелков, а магов и того сотни тысяч! Записывайте, секретари, мы принимаем эту войну и ни в чем не уступим. Мы свергнем монархов Церела и захватим их территорию. Тогда у нас будут и станки и шелкопряды.

Министр едва не задохнулся от возмущения:

— Вы, сопляк, как можете подвергать свой народ таким опасностям?! Неужели в вас уже не осталось ничего, что воспитывал в своих сыновьях великий род Драммонд?! Я не стану участвовать в резне! Продолжайте этот цирк без меня!

— Что ж, — Дроздов щелкнул пальцами, и возле дверей показались четверо стражников, — я давно задумывался, почему это пограничные города так беззащитны. Просто среди нас был тот, кто допускал весь гнет от соседних королевств. Поверьте, министр, мы ещё узнаем, зачем все это было вам нужно.

Старик, казалось, прирос к полу, в полнейшем шоке глядя на короля.

— В-ваше Величество, я верой и п-правдой служил своему народу...

— Уведите, — бросил страже Дроздов, а затем подозвал службу, шепнув ему, чтобы позвал сюда Адама. — Продолжим. Есть ещё несогласные?

Под окинутым взором никто не шелохнулся. Секретари во всю писали приказ, как единственный верный. Кивнув, Дроздов слегка успокоился. Министра он просто напугал, хотя дела его проверят, мало ли... Но на особые наказания можно было не рассчитывать, Лукас все-таки не тиран. Хотя давно надо было припугнуть всех, а то порасслаблялись. Ну да, не знает он как положено вести себя королю, но это не значит, что он станет это все терпеть.

— И, нежели мы справимся с помощью одного лишь нового оружия? — тихо спросил секретарь, продолжая записывать. — Как же быть с невинными людьми?

— Для этого мы с вами здесь и сидим, — Дроздов перевел глаза на казначея. — Выделите тысячу золотых. За остатки времени мы должны переселить фронтную линию подальше. Пока не холодно, мы можем сделать полевые лагеря, я позже поговорю с новым министром и все ему лично поясню. А за оружие... Я уже решил, что мы нанесем первый массивный удар. Но не по людям. Отправьте ответную бумагу, что мы вступаем в войну. Даем им время эвакуировать приграничные города. Три дня. И ни минутой больше.

— А... — едва не задохнулся секретарь, понимая, насколько все серьезно. — А если Церел все-таки начнет на рассвете?

— Тогда у нас не будет выбора, — Дроздов встал, махнув полями солдатской куртки. —

Расходимся.

Первым делом мужчина схватил в коридоре пробегающего мимо парня эльфа. Он был в потертых штанах, с синяком на острой скуле и со стертыми ладонями. Дроздов буквально на лету того остановил, тут же спрашивая:

— А ты чей?

— Сэра Билгеля, Ваше Величество... — пропищал парнишка, пытаюсь сжаться в комок.

— Писать умеешь? — спросил мужчина, глядя прямо в голубые глаза эльфа.

— Да, мой король...

— Тогда я тебя выкупаю у Билгеля, кем бы он там не был, у меня нет времени на поиски кадров, — он скинул с себя походную сумку, полную чернильниц, перьев и листов. — Хочу, чтобы ты всегда следовал за мной и записывал то, что я скажу. Даю по золотому в час.

Повесив на себя сумку, белый как снег мальчишка, торопливо следовал за королем на ходу доставая перо и все необходимое. Дроздов давно хотел себе личного писаря, потому что в голове появлялись умные мысли, а родного айфона под рукой не было, чтобы написать пару заметок. Но, раз уж он король, то почему бы не позволить себе рабочую силу?

— Кэсси, ты тут? — Дроздов так стремительно влетел в оружейную, что хлопнувшая дверь едва не задела его писаря.

— Мой король! — девушка принялась вставать с пола, но её остановил жест Лукаса. — Как ваша нога? Я слышала об успехе огнестрелов! Поверить не могу, что помогла с этим!

— И это ещё не придел, — опираясь на стульчик, чтобы не сесть на несгибающуюся ногу, Дроздов в конце концов растянулся на полу. Он подтянул к себе чернильницу и забрал у Кэсси перо. — У меня буквально полчаса на новую задумку, у тебя три дня на партию таких.

— Что же вы там придумали? — глаза девушки загорелись. — Ещё больший пистолет? Или ещё больше патронов?

— Нет, мы берем выше, но изделие само по себе проще. Его будет два вида, — мужчина расчертил лист, капая чернилами и не обращая на это внимания. — Вот этот овальный шар — граната. А вот это — бомба. Принцип работы у них примерно одинаковый, сейчас буду рисовать и рассказывать. Эй, эльф, как тебя?

— Гори, Ваше Величество... — снова пискнул парнишка.

— Гори, записывай то, что я говорю. Ты, Кэсси тоже, но в основном компоненты, — почесав висок кончиком пера, Дроздов задумался, вспоминая. — Это ручная граната, можно поступить проще, но мы и так справимся. Это вот корпус, тут кольцо — чека. Сейчас рисую в разрезе. Внутри все заполнено взрывным зарядом, о нем позже. По середине идет трубка, колпак, манжета, запал и оба вкладыша. Успеваете?

Кэсси первая подняла голову от своего листа.

— Да, но я пока не очень понимаю, как оно должно работать.

— Так, сейчас все по порядку, — мужчина придвинул рисунок к девушке. — Вот это корпус. Он служит для помещения вот этого разрывного заряда и этой трубки для запала. И состоит из верхней и нижней частей, включая внешнюю оболочку и вкладыш, из-за чего когда эта штуковина взорвется, осколки хлынут во все стороны.

— По... волшебству? — хлопнула глазами Кэсси, пока не совсем понимая, что от неё хотят. От гранаты то есть.

— Нет, по волшебству мы и без гранат можем, — Дроздов вздохнул, уже подозревая, что зря все это затеял. На разбор прочих чертежей у них было время и оружейники придумывали

все буквально заново, понятным для себя образом. Но больше на это не было времени. — Вот тут, к верхней части корпуса, с помощью манжеты крепится трубка для запала, она тут, чтобы присоединить запал к гранате. А запал гранаты мы делаем для взрыва разрывного заряда. Для этого нам нужен ударный механизм и вот тот самый запал.

Кэсси какое-то время молчала, глядя на чертеж. Шли минуты, а она не проронила ни слова, встав и расхаживая с листом по комнате. Были слышны только её шаги и скрип пера, Гори до сих пор писал, опасливо поглядывая на короля. Сам Дроздов терпеливо ждал, понимая, что если даже Кэсси не сможет понять строение гранаты по его косым кривым объяснениям, то придется попробовать одну лишь взрывчатку.

— Может хоть с ней дело будет обстоять проще.

— Все, — девушка села, подтягивая к себе чистый лист. — Я поняла. Трубка — это основание. Вот это соединение крепит запал и корпус груши. Вот в эту продолговатую деталь упирается пружинка с ударником. Так, а пружинка тут...

— Она даст энергию для накала капсюля-воспламенителя, — показал на своем чертеже Дроздов. — Почему груши? Хотя да, я похоже нарисовал... А продолговатых штук — две, это шайбы. Одна ударника, а другая — направляющая. Вот тут спусковой рычаг, он и держит пружину сжатой.

— Выходит, если на спусковом рычаге кольцо...

— Чека.

— Если её выдернуть...

— Произойдет детонация, взрыв, — усмехнулся мужчина, хлопнув Кэсси по плечу. — Ну и запал взрывает разрывной заряд нашей груши. У него тут втулка замедлителя, капсюль-воспламенитель, замедлитель и капсюль-детонатор.

— И... как сильно груша взорвется? — руки девушки задрожали.

— Смотря куда попадем, — пожал плечами Дроздов. — Но это самому уйти нужно, бросать из укрытия, но я заметил, что магические щиты не останавливают пули. А значит, от гранат им тоже не укрыться.

— Это очень жестоко, — заметил Гори, что до этого молчаливо записывал.

— Ну, мы лишь дадим понять, что с нами шутки плохи, — хмыкнул Дроздов. — Кэс, как считаешь, успеешь за три дня? Мне штук десять хотя бы.

— Это смотря, что там у вас за взрывчатка... — задумалась девушка. — Вообще, я такое придумала. А что, если поместить такую гранату под землю. Придумаем устройство, что если на неё наступить — произойдет взрыв. Так бы мы смогли защитить свои территории.

— Умная ты девка, — усмехнулся король, быстро подтягивая к себе ещё лист. — Это называется мина. Но пока мы не будем этим заниматься. Они оборонительные, а мы используем наступательный грана... груши.

— Ну, я все равно подумаю над этим, когда выдастся свободное время, — Кэсси закончила писать, отложив перо. — Хорошо эти мины поставить в лесу немагов. Быстро бы их отвадили шастать к нам.

— Так и поступим, — усмехнулся Дроздов, протягивая второй лист. — Так. Смотри, взрывчатка.

Спустя еще час, Дроздов наконец покинул оружейную. Там уже собрались остальные, взявшись сначала за его бомбу, так как на ней строилось все наступление. Гранаты они потом тоже соорудят, но это так, лишний пафос. Помощник Кэсси сообщил, что кузнецы активно льют корпуса автоматов и патроны, теперь на каждого армейца приходилось по два

пистолета и по одному автомату.

Учитывая, что оружейники изменили до неузнаваемости процесс производства, Дроздов вообще перестал в это влезать. Первый пистолет дался ему нелегко, было потрачено столько сил и попыток, но знал бы он тогда — как все это окупиться... верил бы в идею ещё больше.

— Так, а что я ещё хотел? — замер Дроздов, пытаясь вообще собрать мысли в кучу. — А, пленники. Нужно допросить их, пока Вергель опять кого-то не убил. Я почти уверен, что это он того разведчика в петлю сунул. Пусть только попадется мне!

Негромко бубня, мужчина направился в комнату. Он так долго это оттягивал, ходил весь в пепле и военной форме. Без Лансы его покои совсем опустели, нет, в них были слуги, они встречали его, помогли раздеться, вымыться, подготовили новую одежду. Но все это было каким-то другим, словно слуги только делали вид, что здесь все нормально.

Указав дать службе Гори комнату рядом, Дроздов так же отправил сэру Билгелю мешок монет вместе с письмом. Вот такой выкуп рабов ему больше нравился, чем происходящий на улицах. Высунув голову из комнаты, король крикнул:

— Гори, запиши в мой план отменить рабство.

Парнишка, ждавший на диване, быстро зашуршал пером.

Дроздов думал остаться и приняться за книгу — уходить куда-то не хотелось совершенно, хотя он и понимал, что сделает хуже сам себе и королевству. Собравшись уже выходить из замка, он вдруг вспомнил о пленниках, среди которых был Бальфур. Интересно, что стало с коллекцией Вергеля? Самого сэра давно никто не видел, хотя и замок он тоже не покидал. Выходило, что он, как Василиск из Гарри Поттера, скользил внутри стен. Вот змеюка.

Но, заглянув внутрь прежнего помещения коллекции, Дроздов удивился. Теперь там была наспех забитая дыра в стене и остатки камер. Даже здесь не было никаких следов Вергеля, казалось, тот до конца жизни будет прятаться.

Пожав равнодушно плечами, Дроздов с Гори двинулись обратно к выходу.

Они не видели, как прямо из-за потайной двери за ними наблюдали два внимательных глаза.

На улице уже почти убрали весь пепел, не смотря на то, что это сильно напугало жителей. Улочки пустовали, казалось, за пару часов все опустело, ведь совсем недавно здесь играли дети, танцевали пары. И вот... только слуги и редкие прохожие, среди которых был и король со слугой.

Быстро преодолев расстояние до больницы, Дроздов сначала зашел к Лансе, узнал у молодого врача о её состоянии. Та уже выглядела не такой бледной, оказалось, к ней заживал какой-то эльф-лекарь, что не сумел попасть в школу Дроздова, но книгу себе купил. Так он пытался привлечь внимание короля, и это была отличная идея. Отдав распоряжение, что в свободное время им нужно устроить аудиенцию, король двинулся дальше.

В палатах пленников было тихо, их развели по одному, поселив в специальных капсульных блоках. Так они точно не смогут обмениваться информацией и наверняка кто-то да проговорится. О, он ведь собирался их пытать, вспомнил Дроздов, останавливаясь около палаты рыжеволосой изменщицы.

— Ну, что... пришло время узнать все секреты дикарей.

От пленных Дроздов вышел, вытирая руки и тряпку. Он был обескуражен полученной информацией и пока не представлял, что с ней делать. Старая легенда подтвердилась — эта девушка действительно из городка, раньше она чудесно колдовала, но побывав у немагов... потеряла не только магию. Рассудок, к сожалению, она оставила там же. Как Дроздов вообще понял — Ваши не мог забрать магию, ведь еще учительница в самом начале объяснила, что искра есть в каждом, просто не все достаточно стараются, чтобы её пробудить. Так что сложив свои знания и рассказ дикарей, король и понял, что Ваши, получая кровь жертвы, поглощает ману, подсекая лживые убеждения.

Сана все выкрикивала, что Ваши уничтожит всех магов, что они его посланники, что под его руководством все маги будут очищены. Хуже всего были её глаза, совершенно безумные, такие, каких он за всю практику ни разу не встречал. Остальные тоже занимались тем же самым, бормотали сбивчиво, нечленораздельно. Создавалось впечатление, что лишённые маны люди выживают в своих лесах, лишённые образования и... всего остального.

Дикари — самое точное название, которым только можно было наречь этот народ.

Ещё ему удалось узнать, что прямо за лесом находится поселение немагов. Затем небольшой горный хребет, а за ним — ещё множество поселений. Люди из-за гор собрали свои силы прямо за лесом, но там слишком хорошо все укреплено. Да, пожалуй, мины придется в самом деле поставить, медленно оттеснить дикарей к горному хребту, а там уже дело за армией.

— Ваше Величество! — услышал позади себя голос Дроздов, оборачиваясь и наткнувшись на запыхавшегося лекаря. На нем тоже был белых халат, но явно самодельный, таких у них не выдают. — Извините, я лечу вашу нянечку. Помните вам говорили?

— Припоминаю, — кивнул король, указывая на лавку у стены. — Как успехи? Вы, говорят, не смогли попасть на мое обучение.

— Да, я очень хотел, но мне пришлось ехать с другого конца королевства. Но я очень, очень хочу полноценно узнать обо всем, что вы писали в своей книге, — глаза лекаря загорелись. — Ланса чувствует себя значительно лучше, я вылечил все, что только мог. Осталось ждать, когда она проснется.

— Я не знаю, как действует этот яд, — только вздохнул Дроздов, — возможно, её мозг слишком поврежден гипоксией.

— Насколько я смог понять, — парень достал книгу короля, открывая на картинке с органами, — этот яд, попадая в желудок, вступает в реакцию с жидкостями, превращаясь в кислоту. Растворяет его чистая вода, а ей очень оперативно промыли все, так что оставалось залечить полученные раны.

Уставший мозг Дроздова отказывался воспринимать информацию. Пытаясь не выглядеть равнодушным, а на Лансу ему точно было не все равно, мужчина похлопал по плечу лекаря:

— Отличная работа. Вижу, мое обучение тебе ни к чему.

— Но я очень хочу учиться, у меня столько вопросов! — лекарь тоже подскочил, устремляясь в след королю. — Возьмите меня себе в помощники, я готов записывать ваши мысли, мыть полы, да что угодно!

Они как раз подошли к Гори, что терпеливо ожидал Дроздова у выхода.

— У меня уже есть помощник, — пожал плечами король. — Слушай, ты не переспросил за гипоксию... потому, что и так понял?

— Да, я знаю вашу книгу наизусть!

— Так Гори, напиши быстренько приказ, я подпишу. Смотри, лекарь, я хочу начать вторую книгу и закончить её в кратчайшие сроки, — Дроздов быстро расписался, — вот, отнеси это Рони. Она дальше разберется. Я за тобой пришлю.

Что-то в душе Дроздова кольнуло. То ли ответ лекарю, то ли само его отношение к ситуации. Он понимал, что ему просто тяжело находиться возле Лансы, особенно когда помочь не можешь, а над королевством висит угроза. Как эльфийке поможет его хандра и слезы над ней? — да никак. А вот то, что он не пустит к больнице вражеское войско — отличный ход.

Но так или иначе, стало тоскливо и совестно. Дроздов снова оставил Гори у выхода, направившись к третьему кабинету. Потянув ручку, мужчина удивился, палата была заперта. Не давая себе подумать, мужчина вложил немного магии, решив, что стрелять по замку рановато, но, учитывая поставленный на замок щит, делать это все равно пришлось.

Один быстрый выстрел, и дверь со скрипом открылась, демонстрируя вновь бледную Лансу и открытое настежь окно. Из Дроздова вышел бы ужасный следопыт, но он все равно незамедлительно выпрыгнул на одной ноге со второго этажа, осматриваясь и... замечая.

Вергель нырнул за проезжающую карету, тут же скрываясь из поля зрения.

Оббежав здание, король перехватил лекаря с которым говорил, отправив его к Лансе. Сам он, не теряя больше времени, пытался найти следы Вергеля, но тот снова испарился. Спустя ещё с полчаса, Дроздов вошел обратно в палату, где лекарь колдовал, окружая нянечку ярким синим светом.

— Что... — тяжело дыша, спросил Дроздов, — что с ней?!

— Вы очень вовремя пришли, — отмахнулся лекарь, сосредоточенный на Лансе. — Все будет хорошо, но пока оставьте нас.

Чувствуя, как внутри плескается ярость вперемешку с животным страхом, Дроздов отшатнулся, едва не налетев на стул. Словно пьяный, он покачнулся, двинувшись прочь. Ноги несли его сами не зная куда, хромого, глядящего на все ещё полупустые улицы. Это он виноват. Это он не убил этого змея ещё в самом начале, пока мог.

Вот, что так гнало его работать, не давать себе отдыха и время на осознание. Это из-за его халатности погибла Лилия, это из-за его трусости может погибнуть Ланса. Как там Нерель? Где вообще Адам? Как мог он настолько все выронить из рук? Казалось ведь, что все под контролем, так почему...

По брусчатке застучали первые капли, осеннее утро наступало с каждой секундой, принося рассвет и порывы холодного ветра, пробирающиеся под одежду и кусающие за голую кожу. Дроздов поежился, глядя на темные тучи. Интересно, что в конце концов решил Церел? Быть может... они уже ответили?

— Мой король, — нагнал его Гори, которого мужчина забыл в больнице. — Идемте скорее во дворец, вас уже обыскали.

Бредя по ступеням, Дроздов скользил глазами по толпе. Сейчас он отвлечется ещё раз, но потом... только Вергель попадется ему на глаза...

Дождь пошел ещё активнее, трепая людей и эльфов за одежду. Слегка поскользнувшись на входе, король взмахнул руками — из-за колена он больше не был так же мобилен, как и раньше. Зато обернувшись, чтобы осмотреться, он заметил фигуру в капюшоне, на которой

развивался темный плащ.

Тяжело вздохнув, он махнул фигуре рукой, заранее зная, чье лицо скрывается под капюшоном. Как Бальфур делал так, что его не замечаешь, пока он сам того не захочет — Дроздов не знал, но восхищался подобному умению. Эльф молча последовал за ним в замок, только Гори удивлялся молчаливому гостю, но не тревожил нового хозяина вопросами. Иногда он просто сливался со стеной.

Дроздов остановился, в холле отряхивая пиджак он крупных капель, что скатывались по ткани. Он взглянул на фигуру, изогнув одну бровь. Бальфур как всегда был загадочен, смотрел куда-то в другую сторону, изящными, для таких габаритов, движениями откинув капюшон. Дождевые капли стекали с его длинных черных волос, отдельные пряди которых липли к волевому лицу.

— Ты рано, я только собирался разрабатывать закон, — вздохнул король, понимая, что эльф не просто так пришел.

— Я знаю, что время отдавать долг ещё не пришло, — покачал головой Бальфур. — Я пришел, чтобы помочь. Я знаю больше, чем вы, люди, иногда могу заглянуть в будущее. Поэтому я не тороплю тебя, Лукас. Но, если ты погибнешь, моему народу будет несладко.

— Значит, ты видел, как я умру? — хмыкнул Дроздов, замечая, что к ним бежит секретарь. — И чего же мне опасаться? Церела? Дикарей?

— Самого себя, — неоднозначно ответил эльф, когда секретарь наконец повис на короле.

— Ваше Величество, скорее... — тот потащил его к залу совета. — Пришел ответ от Церела, они согласны отодвинуть битву на три дня, для общей эвакуации!

— И что за паника тогда? — Дроздовы вывернул руку, не позволяя себя больше тащить.

— Вы должны послушать их ответ и отдать распоряжения, — секретарь отбежал к двери, распахивая дверь и придерживая её для короля. — Без вас никак.

Дроздов взглянул на Бальфура, а эльф только кивнул, скрываясь в тени. У короля мурашки по телу пробежали, от того, как сверкнули голубые глаза мужчины.

Но это было даже к лучшему, что происходит такое переселение народа, освободится больше территорий. Хотя, Дроздов уже подумывал и вовсе не задействовать свои города, но это, конечно, в случае победы над Церелом. Тогда он возьмет приграничные регионы и заселит их эльфами. Уже на этом совете мужчина предупредил, что все эльфы будут сосланы, что выйдет закон их учета, а его оставалось лишь составить и опубликовать.

Идя обратно к Бальфуру, Дроздов наговаривал Гори свои планы для записей, так же отдельно попросил написать несколько распоряжений. Он с ними, конечно, лично зайдет, но нужно было и подтверждающую бумагу оставить, чтобы как в самом начале не бегать от казначея к секретарю и наоборот. Так что прежде, чем отправиться по делам, Дроздов собирался подготовить документацию.

— Поговорим в моих покоях, у меня очень много дел, — устало предложил король, но Бальфур, неожиданно, отказался.

— У меня дела здесь. В стенах замка, — его и без того хмурые брови сдвинулись на нос ещё сильнее. — Думаю, тебе не стоит объяснять, что Вергель не только личной мстью был занят.

— Значит, — все внутри Дроздова загорелось яростным огнем, — этот ублюдок здесь?! В замке?!

— О, нет, он где-то поблизости, но пока не прижмет — носа не покажет, — Бальфур

осторожно отодвинул край плаща, демонстрируя пару клинков. — И я это дело ускорю. Если припрется — убивать не буду. Это твоя месть, Лукас.

Дроздов хотел что-то сказать, но внутри вдруг погасло все, что так яростно горело. Силы покинули его и король лишь угрюмо кивнул, махнув Гори следовать за ним. Ему слишком многое нужно успеть, не хватало этому мерзавцу продолжать все портить.

Сначала, решив сделать крюк, Дроздов забежал в оружейную, прикрываясь пиджаком. Там работа кипела, четыре десятка лучших оружейников, вооружившись каждый по светляку, создавали деталь для гранат. Пока они были в самом начале, так что либо долго возились из-за трудности чертежа, либо уже успели сделать взрывчатку.

— Кто это к нам пожаловал, — усмехнулась Кэсси, передавая свою готовую часть напарнику. Каждый из них делал разные детали, эльфийка, к примеру, занималась манжетами. Их лежало готовых только три. И ещё с десятков неудачных в небольшом бумажном ящичке. — Ваше Величество, вы с проверкой?

— Решил быстро узнать, как дела, — искренне улыбнулся Дроздов. Ну хоть тут все по плану. — Покажешь?

Кэсси хихикнула, сказала остальным продолжать работу, и повела Дроздова к небольшому самодельному полигону на заднем дворе. В земле зияла огромная дыра, все камни из когда-то уютной пристройки разлетелись по двору.

— Это единица, — хмыкнула она, доставая из кармана лист и демонстрируя его королю. — Я классифицировала взрывчатку. Вышло случайно, я не рассчитала и наполнимость вышла разной. Так что единица — в половину слабее, чем вы просили. А вот двойка — самый раз.

— Откуда тогда тройка взялась? — хмыкнул Дроздов, одобрительно покивав.

— Не смогла остановиться, — девушка спрятала свой чертеж. — Но изготовили пока по одному экземпляру, единицу тут попробовали... Жуткая это вещь, мой король. Никакой щит не поможет. Я... боюсь, что это может всех нас и погубить.

— С большой силой приходит большая ответственность, — процитировал мультик Дроздов, но на девушку это произвело впечатление. — Когда ждать ещё?

— Райнар ими занимается, — пожалала плечам Кэс. — Я думала ему бы с металлом поработать, но он сам выбрал.

— Что ж, — Дроздов пожал грубую ладонь эльфийки, — спасибо. Отличная работа. На днях зайду ещё проверю.

Попрощавшись, мужчина повел Гори через один из потайных ходов. Не хотелось его показывать, но обходить часть двора по дождю не хотелось ещё сильнее. В покоях Дроздов единственное, чего хотел, так это лечь и уснуть, но точно не садиться за дела. Но выбора не было.

Макнув перо в чернила, он подтянул к себе лист, начиная записывать приказ, касательно эльфов. Он пока не указывал куда точно переселение, все-таки, народу это знать не обязательно. Избавляют их от эльфов и все. Хорошо подумав, он написал ответственным за документы тоже Адама, тот легко шел на контакт, схватывал на лету и во всем слушал старшего брата. И последнее было главным плюсом. Мозгов у Дроздова и на двоих хватит.

— Гори, скажи кому-нибудь позвать лекаря Лансы, он мне нужен, — махнул Дроздов, взявшись за стопку скопленных бумаг.

Подписав десятую часть, он откинулся на спинке кресла, вглядываясь в написанное. Частный запрос на покупку десятка ткацких станков. Сначала он хотел отказать, все-таки, их

слишком просто тогда продать другим королевствам в тридцатого. Но потом задумался, а не будет ли это лучшим решением? Не найдя нужной мысли, он просто отбросил запрос в ящик сложных, взявшись за следующий.

Казначей просил подтвердить, что пятнадцать тысяч золотых ему нужно отдать на строительство больниц. И с одной стороны, это же на пять разных больниц, но с другой... Какой-то он сегодня нерешительный. Быстро подписав, мужчина мельком просмотрел остальные, не особенно задумываясь на что давать отказ. Все-таки запросивший может подать апелляцию, а нервы у Дроздова не железные.

С приходом лекаря стало проще, под диктовку короля он записывал о шприцах, переливании крови, анализе той самой крови и прочем. День пролетел, будто его и не было, а за ним и часть ночи. Только часа в два лекарь встал, разминая затекшую спину, и сказал, что ему пора к Лансе, придет он ещё через часов шесть. Но книга была практически готовой, она вышла куда меньше, но писали в шесть рук, так что вышло приемлемо.

Главное, чтобы за оставшиеся дни её все-таки успели тиражировать, а то фронта теперь два. Так что, отпустив лекаря, Дроздов дописывал, чувствуя, что постепенно засыпает. Глаза закрывались, перо то и дело скакало по строчкам, хорошо, хоть Гори все шумел на фоне. Он даже перевернул какую-то вазу, но король на него и не взглянул, лениво махнув, чтобы тот прекратил буяннить.

Как вдруг холод лезвия коснулся его горла. Закаленное магией железо Дроздов почувствовал сразу же, понимая, что щит бесполезен. Он резко нырнул вниз, из-за чего нож по диагонали зацепил подбородок, до этого собираясь перерезать ему глотку.

— Ну что же ты, — покачал головой Вергель, когда король выбрался из-под стола, отпрыгивая и осматриваясь. — Так бы все быстро закончилось, а теперь придется пачкать о тебя руки.

— Ещё сильнее твои руки это не запачкает, — сон у Дроздова как рукой сняло. Он выудил из-за пояса пистолет, целясь в Вергеля. — Ты так жалок... Сам пришел ко мне. Неужели ты думал, что сможешь так просто от меня избавиться?

— О, я просто хотел закончить все в том же месте, где мы начали, — расхохотался десница, раскидывая руки. — Тот день, когда Лукас дал мне отпор... Я сразу понял, что это не он. В его оболочке чужая душа. Грязная, погрязшая в пороках и смертях. Он волновался о Васильковой долине потому что там бы погибли живые существа. Ты волновался о Васильковой долине, потому что тебе это выгодно!

— Ещё мне выгодно, чтобы ты сдох наконец, — рыкнул Дроздов и, не отдавая отчета своей ярости, поднял руку с пистолетом, стрельнув Вергелю в ногу. — Это тебе за Лансу, тварь!

Десница усмехнулся, ставя магический щит, но пуля прошла сквозь него даже не замедлившись, хотя король успел заметить, как округлились глаза советника. Вергеля откинуло на спину, он ударился затылком о тумбочку, хватаясь за раненное колено и истошно вопя:

— Адское ты отродье! — казалось, он вот-вот задохнется. — Да как ты только посмел!

Как и в прошлый раз, из запястья мужчины вырвался шар света, но он лишь с силой ударился о щит Дроздова. Тряхнуло всю комнату, с потолка стала сыпаться пыль и кусочки камня.

— Ты дал мне слишком много времени на подготовку, — Дроздов снова возвел руки с пистолетом, пока Вергель шептал заклинание, целясь тому во вторую ногу. — Это за Нерель

и Адама, что оставил их сиротами. За мальчика из этого тела, которого ты своими руками толкнул к черте.

Заклинание советника прервалось на полуслове его же криком. Он вжимался в стену, отправляя в короля сразу два небольших заклинания. Дроздов возвел щит снова, но его обдавало таким электрическим импульсом, что он перестал чувствовать пальцы ног. Волосы наэлектризовались, на столе вспыхнули какие-то бумаги, и король надеялся, что это не его книга. Хотя, может Гори сможет восполнить утраченное.

Кстати, где же он?

Прямя около разбитой вазы виднелась рука. Чуть выглянув, Дроздов заметил и остальное тело. Горло было перерезано, а под кровать затекала большая лужа. Да, так быстрее и незаметнее всего.

Дроздов выстрелил в икру советника:

— А это за Гори и всех случайных жертв, которых ты убил на своем пути.

Вергель снова завопил, уже даже не пытаясь сопротивляться. Видимо... Бальфур все-таки загнул его в угол, точнее, прямо в комнату короля, где десница и съест свою смерть. Главное, чтобы она не стала слишком легкой.

— А про Лилию... уже забыл? — зашипел Вергель, рывком подняв голову. По нему от боли градом катился пот. — Я видел, как ты рыдал. Как рыл её могилу. Ничего, ещё успеешь такую для второй вырыть. Нерель поменьше, будет проще.

— Что... что ты сделал? — только спросил Дроздов, подшагивая с выставленным пистолетом. — Я спрашиваю! Что! Ты! Сделал!

Десница только рассмеялся, постепенно расслабляя тело. Кажется, его мозг отключал болевые сигналы, а заодно и сознание:

— Так, подарок... Хорошо провести остаток чужой жизни, странник...

Понимая, что ждать больше нечего, Дроздов ещё ближе подшагнул, оставляя между дулом и головой Вергеля десяток сантиметров:

— Вот эта пуля за Лилию, мразь. Чтобы ты на том свете мучался.

Этот выстрел... казалось, он эхом разлетелся по всей округе. В кромешной тишине, король смотрел как горят его труды и как дрожит пистолет в руке.

Началось все как-то сумбурно, хотя Дроздов и не считал, что армия Церела выстроится в шеренгу и будет ждать, пока их противник сделает тоже самое. Утром третьего дня северяне напали, практически полностью уничтожая приграничные города. Благо, Дроздов понимал, что риски слишком велики и эвакуировал народ заранее.

От массивной атаки врага сотряснулось все. Даже своды замка затрещали, от дрожи земли, что приняла на себя удар. Свою армию король стянул за пару часов, пока противник продвигался по разрушенным территориям. Волнение было невероятное, особенно учитывая план со взрывчаткой. Так что уже разрушенные территории установили место, на котором падут основные силы Церела.

Сам король выдвинулся из замка, стоило закончить всю подготовку. Именно в его повозке везли едва законченную бомбу, массивную и огромную, накрытую брезентом. Её плетеными усиленными веревками закрепили на поддоне, так что сидеть королю и его страже приходилось на полу. Так же с ним увязалась Кэс, это было её детище, так что оставаться в безопасности было второстепенным.

Ещё, прямо около бомбы, сидел ещё один молчаливый человек, с самым отрешенным лицом, которое только видел Дроздов. Это было ужасно бесчеловечно, но их бомбу нельзя было активировать дистанционно. Задержка перед взрывом — всего две секунды, совершенно недостаточно для того, чтобы отойти на безопасное расстояние. Дроздов никого не принуждал, но, что удивительно, очень многие выявили желание стать героями королевства.

Оставалось только высадить остальных и, управляя единственной лошастью, смертник должен был объехать вокруг армии, как раз по территории их королевства. И когда противник окружит королевскую повозку... Бомба, конечно, не ядерная, никаких особых масштабов никто и не ждал. Но это подорвет не столько количество врага, сколько качество. Зная, что боя на мечах и магии не будет — противник дезориентируется и потеряет всякую веру в победу и себя.

А это очень важно.

В таком массивном бою Дроздов участия не принимал, это было ни к чему. Он лишь наблюдал с подзорных вышек, удовлетворенно видя, как его армия теснит врага к нужному месту. Благодаря заклинаниям богини, король увеличивал дальность зрения, помогая себе выискивать важные моменты. Так он видел, как смертник завернул в нужном месте, направляясь в спину ко врагу. Кэсси рядом молчаливо и очень напряженно занималась тем же самым. Зубы стиснуты, уши прижаты — эльфийка нервничала, порывисто вздрагивая от каждого шороха.

Дроздов поделился с ней заклинанием, и они оба замерли, заметив, что повозка остановилась, въехав в толпу солдат врага. Какое-то время ничего не происходило, противник был слишком занят боем, пока из толпы не отделился человек на коне, по всем признакам похожий на короля Церела. Алый длинным плащ, корона монарха, золотые латы. Дроздов даже устало вздохнул, подумав, что никакой драгоценный металл не спасет того от гибели.

И когда на смертника наставили мечи, заставляя показать, что под брезентов, Дроздов едва поборол желание прикрыть глаза. Он уверял себя, что Церел ведь тоже сражался

нечестно, начав на день раньше, стерев с лица земли множество поселений. И это не месть им, это... просто такой же нечестный удар. Только лучше.

Заряд сдетонировал, причем куда сильнее, чем рассчитывали король и оружейница. Ударной волной снесло и первую линию их солдат, правда, лишь повалив их с ног друг на друга. С самой сердцевины взрыва вверх рванули ошметки кареты, и это единственное, что было досконально видно за огненным и дымовым грибом. Взрыв вырвал куски земли, редкие деревья, что до этого сожгли враги, но вместе с тем и самих солдат противника.

Зрелище вышло поистине завораживающим, это было заметно даже по простым армейцам, что, раскрыв рты и держась друг за друга, смотрели на распустившийся цветок огня. Достав ручные гранаты, так требовалось по плану, первая линия на счет «три» выдернула чеку в полусотни гранат, бросив их в оставшуюся толпу врага. Раздались ещё взрывы, веретеницей окутывая дымом все пространство. Ещё сквозь пелену, их армия открыла огонь из автоматов, продвигаясь вперед.

Дроздов, конечно, рассчитывал на эффект от этого всего, но выстрелы стихли очень быстро. Стоило дыму рассеяться, а пыли осесть — как стало заметно, что выжившие, оглушенные взрывами, вовсе не планируют продолжать бой. Они сидели на земле, растерянные и грязные, не сопротивляясь, да и вообще не двигаясь.

Хлопнув Кэсс по плечу, у которой в её молчаливом шоке по лицу струились слёзы, Дроздов бегом направился вниз. Запрыгнув на коня, он стегнул его по крупным бокам, припустив к передовой. Пробравшись к своим, в самое начало строя, мужчина отдал приказ идти до дворца, не жалея тех, кто откажется сдаваться. Пленников в этот раз не брали.

По мере продвижения строя, раздавались редкие залпы автоматной очереди, из запаса главнокомандующие иногда доставали по гранате, бросая её в пустые здания, чтобы их мощь оставляла следы и препятствовала сопротивлению. Дроздов потерял счет времени, ведь их толком никто не останавливал, редкие группы ополчения выскакивали перед воротами особо крупных городов, но это едва ли задерживало войско.

Шли они так же не все, Дроздов подстраховался, оставив часть армии на защиту бывшей границы. Так же строительная кампания сильно не ждала, все-таки план переселения эльфов стоило начинать немедленно, так им ещё же и разрушенные города отстраивать.

Но, что там происходило, Дроздов уже не знал, чувствуя особенно ярко отсутствие средств связи. Но постепенно, через несколько дней почти непрерывной ходьбы, им наконец показалась столица.

Это был первый бой короля, в котором его жизни действительно угрожали. Часть магов атаковала из-за стен, и Дроздов едва сумел поставить щит. Его сбilo с коня, но армии не требовалось много времени на отлаженную схему. Пара ручных гранат напрочь снесла ворота, автоматная очередь показала недовольным, какой быстрой может быть смерть.

Солдаты помогли королю подняться. Его и без того многострадальное колено снова смотрело в другую сторону. Махнув армии войти в город, Дроздов обратно поднялся на коня, не без посторонней помощи, теперь шествуя в середине строя.

Дворец они взяли спокойно, сожгли, как в лучших традициях его мира, флаг Церела, возгрузив на самую высокую башню свой.

Отныне это королевство становилось частью Люценса, под предводительством Лукаса Драммонда.

Дроздов еще этого не понимал, мучаясь от боли в колене. Пока зачищался дворец от несогласных, солдаты выводили в разные залы разные сословия зависимо от их позиции.

Сам король уже сидел на троне своего предшественника, ожидая лекарей, приставленных к армии. Взглянув на себе в отражении золотого скипетра, а фетиш бывшего короля на золото Дроздов успел заметить, он увидел там усталого человека, с синяками под глазами и разбитой головой. Видно, ударился, когда упал с лошади. Как интересно не юном короле отразился возраст его души — лицо осунулось, посерело, крупные морщины залегли на самом виду.

Лекари, используя его книги, а вторая часть уже была доступна крошечным тиражом, а за время войны так и вовсе большим, хлопотали над его коленом. Местные служки с недоверием помогали королю переодеваться и привести себя в порядок.

В целом, их королевства мало чем отличались. Да, окружение выглядело иначе, не так много цветов и ярких красок, слегка мрачный антураж, украшенный больше драгоценными камнями и металлами. Особенно бедных земель по пути Дроздов тоже не встречал, а столица так и вовсе выглядела ещё лучше, чем их. Видимо, Церел погубил вовсе не голод, а жадность короля.

Хотя сложно было сказать, что его что-то прямо погубило. Все-таки больше пострадала территория Люценса, а эти люди едва ли смогли вообще вкусить этой войны. Так что, сменив одеяние и подлечив ногу, Дроздов вышел на балкон, под которым собрался народ Церела. Они не бунтовали, не призывали захватчиков уйти. Лишь молча стояли под замком, глядя снизу вверх на своего нового правителя.

— Многие из вас уже поняли, что произошло, — начал он без лишнего пафоса. — Ваш король объявил нам войну, но проиграл. Я, король Лукас Драммонд, присоединяю ваши территории к королевству Люценс. Теперь вы будете существовать под нашим флагом и нашими законами.

Реакции все ещё никакой не последовало. В идеальной тишине заплакал ребенок, совсем грудничок, разрывая оковы молчания. Люди стали шептаться, кто-то спокойно, а кто-то наоборот на грани паники.

— Уверяю, для вас это будут перемены только в лучшую сторону, — он уже собирался уходить, как вдруг вспомнил, что такой приказ стоит отдать как можно скорее. — Всех эльфов я прошу явиться во дворец через два дня. Так же рабство будет со временем отменено, так что все, кто владеет эльфами или полуэльфами, на добровольных основаниях должны привести их во дворец. Я передам их под командование Бальфура.

Пытаясь отдышаться от свалившейся ответственности, Дроздов ушел обратно в тронный зал, сев на трон. Да, это оказалось куда сложнее эмоционально, чем он себе представлял. Ему поднесла стакан воды эльфийка, дрожащими руками протягивая его со слезами на глазах.

— Не бойся, — устало сказал Дроздов, понюхав воду, которую у него тут же забрала стража, проверяя её на яды. Король только устало чуть съехал по трону. — Как тебя зовут?

— Петрис, — севшим голосом ответила эльфийка. — Простите, нам всем очень страшно.

— Чего вы боитесь? — уточнил Дроздов, наконец получая обратно воду, которой стало в половину меньше.

— Неизвестности, — пожала плечами девушка. — Нас всех отправят... на каторгу?

— О, нет, — король оглянулся, жестом попросив всех выйти, — у меня договоренность с Бальфуром. Я освобожу ваш народ. Вы сможете жить без гнета магов. Больше никто не станет порабощать вас или распоряжаться вашими жизнями.

Петрис выровнялась, слегка недоверчиво глядя на короля.

— Но вы ведь... уничтожали наш народ. Люценс одно из самых жестоких к эльфам королевств.

— Больше нет, — улыбнулся Дроздов, медленно поднимаясь. — Скоро сюда придут эльфы, заберут всех собравшихся и переселят на территорию, что раньше была между нашими границами. Возможно, Бальфур захочет сделать вас отдельным королевством, я препятствовать не стану. Так что можешь рассказать об этом другим эльфам. Новый король на вашей стороне.

Он уже собирался уходить, чтобы возвращаться обратно, как голос эльфийки его остановил:

— Но... почему? Зачем вам независимость эльфов?

— Да... просто так, — пожал плечами мужчина, улыбаясь. — Моя нянечка — эльфийка, и я пообещал ей, что когда-нибудь сделаю её народ свободным. Мы накопим достаточно, чтобы и у остальных королевств выкупить всех эльфов. И, может не при мне, но в будущем вам не будем нужны маги, чтобы отстаивать свою свободу.

— Тогда... мне больше не страшно, — утерла глаза Петрис. — Но почему вы не сказали это остальным?

— Магам лучше думать, что я забираю вас на каторгу, — развел руками Дроздов, уже открыв дверь. — Так они не потеряют чувство власти.

Вернувшись в свое королевство, Дроздов был счастлив видеть, что его народ уже во всю празднует. Даже во дворце успели украсить тронный зал, где устроили пышное празднество в честь победы и молодого короля. Выпив пару стаканов сока и выслушав тройку речей, Дроздов откланялся, не желая тратить силы на ликование. Все ещё не закончено, ему пока рано расслабляться.

Границу уже убрали, успели возвести пару полевых лагерей, куда заселят первую партию эльфов, в основнов живших около границы. Так же часть магов восстанавливала разрушенные города, но там работа шла медленнее, ресурсы были распределены совсем неравно, но таков был уговор. Многие из тех, кто потерял свой дом, тоже шли в строители, ускоряя ход дела. Армия пока сосредотачивалась в бывшем Цереле, но никаких попыток по свержению власти не предпринималось.

Дроздов создал ещё один совет, отправив его туда. Ещё Адам сам вызвался встать во главе перемен северного королевства. Ему Дроздов доверял, да и за время, пока брат был министром обороны, все как-то налаживалось, он действовал четко в интересах короля. Кэсс, правда, поддерживала позицию Дроздова и отдыхать не собиралась. Она уже во всю разрабатывала мины, и король мог бы рассказать ей тонкости, но не хотел встречать. Не только же ему одному это все делать? Да и когда-нибудь его поверхностных знаний окажется недостаточно, поэтому должны здесь быть и другие умы.

Ещё в этот вечер у Дроздова была назначена встреча с Бальфуром, что обустроивал территорию нового королевства эльфов. Но до неё было ещё пару часов, так что король отправился в больницу к Лансе. С Нерель оказалось все хорошо, благо, Бальфур действительно пришел не просто так. Он лично помешал Вергелю навредить девочке, а потом, как котенка, закинул его к королю.

На руках вергеля всю равно была кровь Лилии и Лансы. Переживая о нянечке, Дроздов шел белыми коридорами, здороваясь со врачами и принимая поздравления. Хромота его

лишь усилилась, при каждом шаге он теперь ощущал тупую боль, отдающую куда-то в позвоночник.

В палате Лансы, на удивление, было пусто. Но постель выглядела примятой, словно из неё не так давно кто-то встал. Развернувшись на каблуках, мужчина рванул дальше по коридору, заставая на диванчике премилую картину. Тот лекарь сидел к нему спиной, а довольно румяная Ланса, лицом. Парочка целовалась, держась за руки. И когда умилившись король уже собирался уходить, нянечка приоткрыла глаза, тут же разрывая поцелуй и подскакивая:

— Ваше Величество!

Лекарь тоже вскочил, совершенно смущенно глядя на Лукаса.

— Мой король, вы уже успели вернуться?..

— Да, — Дроздов рассмеялся, глядя на их перепуганный вид. — Ланса, я безмерно рад видеть тебя здоровой! Как ты себя чувствуешь? Это этот чудесник тебя на ноги поставил?

Ощувив, что осуждения нет, парочка мгновенно расцвела.

— Спасибо за ваше беспокойство, — Ланса тут же налетела на короля с объятиями. — Я проснулась пару дней назад, Гарольд говорит мне пока лучше понаблюдаться здесь, но я ужасно волновалась, как дела на фронте! Что с вашей ногой?

— Нога... — Дроздов отмахнулся. — Церела больше не существует, теперь над их дворцом наш флаг. Скоро наладим и остальное. Вечером встречаюсь с Бальфуrom, но... как и обещал... твой народ сможет быть независим. И, если хочешь, можешь тоже оставить свои обязанности и присоединиться к Бальфуру.

— Я... — уши девушки мгновенно покраснели. — Как же... Так скоро?

— Я не тороплю, — отмахнулся король, — просто даю знать, что ты свободна.

Из глаз эльфийки заструились слёзы. Она утерла щеки, снова обнимая короля, пока лекарь слегка ревниво наморщил нос позади. Ланса вдруг отстранилась, слегка испуганно воскликнув:

— Вы ведь знаете, это сделал Вергель! Он меня отравил!

— Да, — усмехнулся Дроздов, вдруг вспомнив отдачу пистолета и почесал ладонь. — Больше он никому не сможет навредить. А мне придется искать нового десницу.

Ещё какое-то время проговорив, Дроздов сопровождал девушку в палату. Потом он узнал от её лекаря, что вторая книга теперь так же разлетелась по королевству, правда, она куда сложнее для понимания. Но это и к лучшему, никто не станет заниматься самолечением.

Попрощавшись и пообещав прийти как-нибудь потом, Дроздов направился к Бальфуру, что ждал его в одном из пабов. От короля давно перестали ожидать напыщенности и толп стражи, так что никто уже особенно не удивлялся, когда замечали за одним из столом своего монарха.

Бальфур использовал свои чары, так что люди не узнавали кто является спутником короля. Они видели там кого-то неизвестного и быстро теряли интерес. Эльф заказал брусничный эль им на двоих и разложил на натертом столе свой чертеж.

— У тебя научился, — хмыкнул он, объясняясь. — Глянь, что думаешь.

Дроздов просмотрел все листы, удовлетворительно похмыкивая.

— Хорошая работа, но я бы добавил чугунные трубы, так по ним можно пустить воду.

— Воду? — изогнул бровь эльф. — Как подземные реки?

— Ну, почти, можно автоматизировать это все, — с сосредоточенным видом мужчина делал чертеж водопровода, под чертежом самого города. — Вот так, я потом приеду со

своими ребятами, поможем установить все. Чтобы вода сама поступала в дома, когда-нибудь и в королевстве так сделаем, но начнем с вас.

Бальфур уважительно пожал руку Дроздова.

— Светлая у тебя голова, странник.

— Не зови меня так, — тут же помрачнел король. — Вергель тоже понял, что я не отсюда.

— Так а как тебя звать, если так оно и есть? — эльф утер губы от эля, складывая обратно чертежи. — Сегодня выступаем. Пока заселимся в полевые лагеря. До холодов должны успеть все обустроить. Рад, что ты сдержал слово. Богиня гордится тобой.

— Вот теперь я точно уверен, что вы общаетесь, — усмехнулся Дроздов. — От меня не скрыть правды, Бальфур. Не отнекивайся.

— Твой право, — кивнул эльф, но больше ничего говорить не стал. Ни за ни против. — Народ празднует. Не только эльфы, маги тоже. Во всех городах они скандируют твое имя, отмечая, что ещё ни один Драммонд так не прославлял королевство.

— Это приятно слышать, — поднял свой бокал Дроздов. — Яниса, значит, не ошиблась, раз выбрала меня.

Бальфур тоже поднял свой бокал, громко произнеся:

— За Лукаса Драммонда! За богиню! За королевство!

За следующую неделю Дроздов успел навести все порядки, объездить немалое количество городов, в которых останавливался лишь на стройках больниц и в ткацких мастерских. Вся работа кипела, ткани выходили в разы лучше, когда магия помогает в работе — все выходит как и должно — по волшебству. Так же он побывал и в паре мест присоединенного к ним Церела, видел наконец этих шелкопрядов. Создания довольно забавные, хотя неудивительно, что их осталось так мало.

Они едва ли походили на насекомых его мира, это были шестирукие крохотные создания, с парой прозрачных крылышек, но уже с мешками под глазами. Дроздов бы их скорее назвал пауками, чем шелкопрядами, они создавали нити обрабатывая их собственной вязкой слюной. Ткани тоже по сути просто лепили, соединяя нити друг с другом. Благо, что уже была подпольная организация, за спасение этих диких зверушек. Дроздов сразу запретил их рабский труд, передав все той самой организации.

У эльфов тоже все налаживалось, Бальфур все-таки затащил короля смотреть на их дела, но Дроздов несколько смущался от внимания тысяч эльфов. Они обязательно жали ему руки, девушки надевали на него самодельные венки, и от этого он весь в них утопал, едва передвигаясь. Бальфур ещё сказал, что снимать их нельзя, это дурной тон, хотя к вечеру Дроздов узнал от Лансы, что эльф просто поиздевался над ним, ведь для эльфов главное, что ты принял дар.

Так что Бальфур хохотал, пока король угрожал ему кровавой расправой.

Постепенно это место, поля да небольшой лесок с рекой, превращались в настоящий город. С планировкой Дроздов не встречал, ему хотелось рассказать о многоэтажках, но вот о том, как они строятся, ему было не известно. Да и эльфы селились группами, семьями, они давно выработали свои удобства, так что менять их обычаи не было смысла.

Единственное, что омрачило тогда Дроздова, это очередное видение Бальфура. Тот саморучно поставил арку города, расписанную яркими красками. Он не хотел делать там свое королевство, пока не будет хотя бы несколько городов. Поэтому они договорились, что город станет автономным, независимым от Люценса, а Бальфур будет ответственным перед королем лицом.

Тогда на закате, Дроздов открыл пусть ещё недостроенный город, но для эльфов это послужило ещё одним поводом для ликования. Ему тоже вручили чашку чего-то пенного, было радостно видеть всех такими счастливыми. Даже Ланса танцевала со своим лекарем, словно и не было всего этого пути.

Он пообещал эльфийскому народу рабочие места. Ланса пожелала жить в автономном городе, но работать у него нянечкой, как и раньше. Так что все потихоньку вставало на круги своя, как оно и должно быть.

— Я поверить не могу, что от грани уничтожения мы пришли к этому, — Бальфур как всегда появился откуда-то из-за спины, беззвучно и незаметно. — Твое попадание к нам мир стало самым лучшим за всю историю.

— А что, были и другие? — удивился Дроздов, едва не подавившись напитком.

Эльф неоднозначно пожал плечами:

— Да кто знает, просто таких глобальных перемен никогда не случалось.

— Я по твоей и Вергея реакции могу судить, что такое у вас действительно

случается, — вдруг задумался Дроздов. — Я бы диагноз поставил пациенту, а не предполагал, что это другая душа в его теле. А вы вон сразу раскусили.

И действительно, во врачебной практике психотерапевтов такое случается. О раздвоении личности многие слышаны, но все устроено куда сложнее. Личности эти бывают двух типов — отделенные от сознания человека и «чистые», появившиеся в мозгу по совершенно разным обстоятельствам. Бывает, что люди и без шизофрении получают такой подарочек, слышат голос, а потом выясняют, что это такая чистая личность, ничем от его не отличающаяся. Такая может и телом управлять, и оригинальную заменить.

Но отделенные — совсем другие, слабее, по сути — просто галлюцинации. Часто бывает, что здоровые люди создают себе тульп, как раз-таки отщипляя часть своего сознания.

Так задумавшись, Дроздов едва не пропустил ответ Бальфура:

— Наши миры слишком разные. Мы верим в переселение душ, — он допил, теперь как-то печально глядя за небосвод. — Тебе уже пора, скоро тебя будет искать гонец.

Устало вздохнув, Дроздов потянулся. Да, идиллия не могла длиться вечно. У него ещё осталось задание от богини, а значит... дикари не дадут покоя. И он понимал, что случится это очень скоро. Хотя и надеялся, что ему удастся насладиться моментом чуть подольше.

Гонца он действительно встретил на середине пути, молчаливо выслушав, что на границе уже несколько часов длятся бои. Патроны кончаются, все больше из двух тысяч воинов исчезают, утащенные в лес. Дикари пугали, но Дроздову было не до того. Он быстро стал собирать резервную армию, попросил Кэсси собрать немного взрывчатки, которую делали они на этой неделе.

Буквально за сутки они уложили все необходимое на телеги, выдвинувшись в путь. Осень постепенно сменялась зимой, так что было уже не так уютно спать на земле. Король даже задумался, каково приходится эльфам, среди них ведь все-таки есть старики и дети, он планировал вернуться и придумать что-то, что поможет им не заболеть без нормальных условий.

Зато было красиво, природа увядала, но вся земля была устлана листьями самой разной формы и цвета. Многие из них синели, а не желтели, так что даже такие мелочи напоминали Дроздову о различии их миров.

В этот раз дорога показалась ему вечностью, в дождь они пытались укрыться где-нибудь, а потом колеса телег и повозок просто утопали в грязи. Но когда они наконец добрались, кроме желания поубивать всех, у Дроздова было ещё одно — начать придумывать сразу телепорт. Отдав сухо указания, он первым поднял автомат, готовясь идти в атаку. Даже больное колено не напоминало о себе — настолько мужчине хотелось раз и навсегда покончить с немагами.

Он уже и без того знал, что измененных вернуть нельзя. Все, кто прошел ритуал очищения, такими и останутся. Та девушка, Сана, предпочла умереть, но даже не задумалась об отречении от секты. Это было до удивительного упорно и странно. Интересно, что об этом вообще думает Ваши? Бальфур говорил, есть разные пути веры в него, как и в воинственную Янису.

Но проверять это Дроздов не хотел.

Созвав оставшихся, он поражался, что из двух тысяч солдат все ещё держались лишь четыре сотни. Это значило как минимум то, что ряды врага они пополнили своими же руками. И это было тяжело, стрелять в тех, кто ещё недавно сражался с тобой плечом к

плечу.

Когда строй был готовым к бою, Дроздов начал их миссию. Они вошли в лес, предварительно установив там взрывчатку. Благо, Кэс все-таки придумала, как выиграть время, поэтому умирать никому не пришлось. Ну, разве что лошади, тянувшей повозку. За дюжину секунд кобыла успела донести бомбу достаточно, чтобы войско короля не пострадало. Зато лес взорвало так, что осколки деревьев и куски земли ещё минут десять осыпались, вместе с поднятой пылью.

По ту сторону слышались крики, оставшаяся часть леса загорелась, пламя перекидывалось все дальше. Отдав приказ натянуть на лица повязки, а до противогазов они пока не доросли, поэтому на скорую руку соорудили ватно-марлевые повязки, что, в целом, тоже справлялись.

Ступая по горячей земле, они вошли на территорию врага, больше не защищенную лесом и неизвестностью. Теперь дикари бегали в панике, кто-то пытался сопротивляться, но Дроздов больше не испытывал к ним жалости.

— Пленных не брать! — заорал он, выпуская автоматную очередь.

Но, оказалось, этих дикарей просто до одури много. Они толком ничего и не могли предоставить против огнестрельного, что там говорить о гранатах. Королю местами было противно смотреть на их жилища — грязные палатки, отходные ямы, вместо постелей горы вещей, явно краденных у магов.

Пробегая к кирпичному зданию, Дроздов случайно пнул котелок, отвлекшись вниз и только тогда увидев ребенка. Маленькая грязная девочка смотрела на него удивленно, совершенно безбоязно, не смотря на громкие взрывы и выстрелы. Она ничего не говорила и только хлопала глазами. Мужчина достал пистолет, поднимая его и целясь в маленького человека. «Это тоже враг,» — сказал он и рассмеялся, схватившись за колено.

Да какой же это враг! Это ребенок! Как бы ни пытался он заставить себя верить в подобное, у него не получалось.

Схватив девочку подмышку, он наконец забежал в постройку, усаживая её в угол.

— Сиди тут, слышишь? Не выбегай на улицу, там опасно.

Девочка только кивнула, продолжая на него смотреть. Едва отведя свои глаза, Дроздов рванул дальше высматривать свою цель. Но эта постройка... внутри на лианах висли их солдаты, кто-то ещё едва шевелился, но основная масса просто застыла в вечности. Да эти твари даже не всех обращали, просто издеваясь над магами в свое удовольствие. Неужели они думали, что все так и останется? Что кара не свалится на их большие головы?

О, они ведь считали, что делают это во имя своего бога. Вот только служить господа можно по-разному, а убивать и калечить никогда не станет чем-то почетным. Хотя если ваш бог это поддерживает, то задумайтесь, а не служите ли вы Дьяволу?

Уходя все дальше к горному хребту, Дроздов обыскивал каждый сантиметр. Ему пришлось увидеть столько ужасного, что голова шла кругом. Но все это он старался держать где-то на заднем плане, подгоняя себя мыслями о задании от Янисы.

Где же вообще может быть её птичка? Как она выглядит мужчина не знал, поэтому просто надеялся, что сможет отличить её от остальных.

Но сначала на его пути встретилось место, представить которое Дроздов не мог даже в самых страшных снах. Огороженное острыми кольями, вооруженными дикарями и зверями, голодными и злыми, привязанными к одному месту. Ему хотелось просто бежать оттуда, не видеть этих грязных людей, роющихся в мусоре и отходах. Но без настоящего очищения этой

земли магам никогда не жить спокойно, да и задание богини выполнить нужно позарез. Отступить было поздно.

И можно было найти в себе сострадание к этим людям, они ведь лишены магических сил. Но и в его мире тоже не сыскать магов. Это был их выбор, выбор основателей этой секты, что доводили последователей до подобного уровня жизни. И разрушить это все нужно было основательно, отрубить гидре все головы до последней.

Демьян, осунувшийся и исхудавший, сейчас светился вновь, отрывая чеку и бросая первую из множества полетевших в то здание гранат. Острые колья брызнули в разные стороны, некоторые дикари успели предусмотрительно спрятаться за стены. Но пока они отходили от оглушения, воины короля уже вошли внутрь, а их автоматные залпы отражались эхом от кирпичных стен.

Дроздов шел в задних рядах, так что когда он вошел в ритуальный зал, там уже не осталось живых дикарей. Но даже так это место было самым жутким из всех, что королю приходилось видеть. Высокий зеленый костер ещё пылал, из него летели искры. Мужчина чувствовал нестерпимое желание подойти к огню, но тут же отвернулся, устремляясь дальше по коридору.

Сотни клеток, некоторые все ещё полные людей, жителей разрушенных городов. Следовавшие за ним солдаты эти клетки открывали, просили каждого сказать, что отрекаются от бога Ваши. Это была такая простенькая проверка, ведь даже под пытками Сана не сказала этих слов. Все маги, которых не успели очистить, отрекались от бога в которого никогда не верили и тут же оказывались на свободе. Часть армии уже сопровождала их за пределы границы.

Дроздов же, вздернув автомат, шел все глубже. Что-то внутри него вело его дальше, заставляя не оборачиваться назад. И тогда, спустя долгое углубление под землю, он наконец оказался перед дверью, ведущей в подозрительную комнату. Дернув за кольцо, Дроздов встретил ожидаемое сопротивление, навряд ли кто-то оставил бы её открытой. Он попробовал магию, но её поглотило, не успев коснуться замка. Тогда король вынул пистолет, совершив всего два выстрела по дверным петлям.

Внутри стояла темнота, только два розоватых глаза светились в самом низу.

Проговорив заклинание богини на свет, Дроздов создал небольшой шар света, скользнувший под потолок. Он и осветил небольшую хрупкую девушку, что сидела на каменном полу. Её рыжеватые волосы сбились, под глазом зиял синяк. От когда-то прекрасного платья остались жалкие лохмотья, свисающие с худых плеч.

— Вы... от моей богини? — тихонько, сорванным голосом спросила девушка.

— Да, я король Лукас Драммонд, — мальчик сел перед девушкой, чтобы их глаза были на одном уровне. — А как тебя зовут?

— Я Алетта, — прошептала та. — Посланница великой богини Янисы. Как же вы смогли пройти сквозь защитную магию Ваши? Я и сама обладаю магией богини, но не сумела даже... осветить здесь все.

— Я не только маг, — улыбнулся ей Дроздов, — но ещё и человек. Ты можешь сейчас вернуться к Янисе?

Та покачала головой.

— Здесь не могу. Только на улице.

Кивнув, король осторожно поднял хрупкое тело на руки, прижимая девушку к себе. Она то ли плакала, то ли так тяжело дышала, вырываясь из-под чар. Было жутко думать о том,

что здесь с ней делали, так что Дроздов лишь упрямо шел наверх. Когда он стал спускаться, то заметил, что на лестницу вела дверь.

И сейчас она была закрыта. Магию он даже пробовать не стал, возвращаясь за поворот и усаживая Алетту на пол.

— Я сейчас уберу препятствие. Будет громко, так что закрой уши.

Та кивнула. Крупные глаза были полны слез безысходности. Но, выдергивая чеку и быстро съезжая по ступенькам, Дроздов наконец осознал в полной мере, что богиня и впрямь не могла сама вернуть свою посланницу. Тут было царство Ваши, её силы не работали. А значит, богиню ждала бы та же участь, что и Алетту.

Он успел даже завернуть за угол, когда граната взорвалась, проверять не нужно было, он и так слышал, как отлетела дверь. Тогда он подхватил девушку снова на руки, неся её наверх, а потом мимо множества клеток. Демьян сконфуженно кивнул, но вопросов не задавал, когда король, которого все ждали, поставил на ноги удивительную незнакомку.

— Все, я могу уйти, — легко улыбнулась та, обнимая себя руками за плечи. — Спасибо, Лукас Драммонд. Богиня не забудет твоей храбрости.

Ощувив легкое прикосновение к своей щеке кончиков пальцев посланницы, Дроздов наконец вздохнул спокойнее. Все, он выполнил поручение, отдал долг богине. Теперь ему можно не оборачиваться на это и заняться бытом королевства. Но для начала, вернуться во дворец, принять горячую ванну и долго-долго спать в теплой постели.

Ну просто мечта.

Пока солдаты осматривали последние закутки, то и дело обнаруживая новых дикарей, прячущихся в отвратительных норах, Дроздов взял ведро у одной из жилых палаток. Он спустился к реке, набрав в него воды и, глядя за горизонт, тяжело вздохнул. Все-таки этот мир... дал ему возможность изменить себя.

Он попал в него злым человеком, полным непомерной дерзости и ненависти. Но что-то изменилось внутри него, теперь когда-то сухое сердце наполнилось принятием и смирения. Оставалось затушить ещё один огонь, заживавший ненависть в этих людях. Медленно, зная, что спешить больше некуда, все равно ждать пока из-за горного хребта вернуться остальные, Дроздов двинулся обратно в здание.

Он вошел в ритуальный зал, не веря, что подобное место действительно существует. Реки запекшейся крови, годы служения жестокому пути. И насколько же долгие были пути магов по спасению самих себя, что это место обрело подобную мощь?

Не чувствуя прежнего влечения к огню, мужчина вывернул ведро, заливая костер. Тот зашипел, выбросил столп иск в воздух, но все равно погас. Только струйка сизого дыма поднималась к потолку, обвивая сознание запахом жженой крови и хвои.

Постояв у пепла, Дроздов хотел уже было уйти, но на его плечи легли тяжелые руки.

— А ведь это было моим любимым местом.

Мужчина вздрогнул, отшатываясь и оборачиваясь, сжимая пистолет:

— Черт подери! Ты кто такой?!

— Я хозяин этого места, — рассмеялся мужчина со слегка зеленоватым оттенком кожи. Его черная бородка торчала в разные стороны и, не смотря на возраст, он походил на Вергеля. — Не узнаешь? Бог Ваши. Бог очищения и перерождения. Решил вот лично вставить Янисе палки в колеса. Но, смею заметить, она начала это первой.

— Первой? — хмыкнул Дроздов, не опуская оружия. — Ты удерживал её посланницу.

— Ты правда считаешь, что Алетта — просто посланница? — расхохотался Ваши, меряя

шагами ритуальный зал. — О, она пришла сюда вовсе не за этим. Она пыталась сделать все то же, что сделал ты, странник.

— О, зовешь меня странником, — хмыкнул Дроздов, держа бога на мушке. — Для меня даже хорошо, что она не справилась. Иначе меня бы здесь не было.

— Знаю, — усмехнулся Ваши, раскинув руки. — Для этого я и здесь. Яниса добилась своего, упрямая сучка. Но и я не позволю ей продолжать эту маленькую игру. Устрою шалость напоследок.

— Что еще за шалость? — глаза Дроздова сузились. — И что за мода рассказывать свой план?

— О, иначе ты не поймешь, что случилось, — снова развел руками Ваши. — Я возвращаю тебя обратно в твой мир, странник. Твое тело пока искусственно поддерживают в жизни, так что это будет проще простого. Попрощаешься с магией?

Не желая ожидать худшего, Дроздов нажал на курок, но вместо выстрела раздался только оглушительный смех Ваши. Мир потемнел, закружился, а следом...

Раздался тихий писк аппаратов.

Дроздов медленно открыл глаза, видя перед собой белую палату.

Черт, он снова дома.

Первой его реакцией была паника. Аппарат пронзительно запищал, следом в комнату влетела медсестра, ошарашенная тем, что списанный со счетов пациент сумел очнуться. Дроздов только смотрел вокруг, совершенно не понимая, что теперь делать. Слезы лились по щекам, стекая в уши. Он прошел такой сложный путь, неужели все закончится вот так?..

— Так, Дроздов Валерий Петрович, — вошел в палату высокий доктор, отдаленно знакомый Дроздову. Возможно, пересекались как-то.

Но больной воспаленный мозг наркомана и алкоголика лишь свело судорогой отчаяния. Нет, он не хотел этого, не хотел оставаться в этом обреченном теле. У него ведь был шанс прожить благополучно и все получалось, он наладил жизнь и контакт с тем миром. Здесь все было таким чужим, таким враждебным, полным пережитой боли. И никакие обучения магии не сравнятся с тем, что ему приходится проходить будучи самим собой.

— ...было уже потеряли всякую надежду, но ваши родители будто чувствовали, что вы очнетесь, — продолжал свой монотонный рассказ врач, и Дроздов наконец вынырнул из своих мыслей. Ну да, конечно, кто же ещё мог оплачивать все это, заставляя аппараты поддерживать жизнь в мертвом теле. И не от сердечности большой, так они могли контролировать его даже погибшего. — Не могу пока обещать, что сможете ходить, позвоночник серьезно пострадал, но на верхние конечности рассчитывать можно. Раз вы так успешно боролись за жизнь три месяца, то может и с этим справитесь.

Дроздов залился хохотом, хриплым, лишенным всякой радости. Это был истерический смех, смех боли и отчаяния. Вот его прерогатива. Может и не было того мира, может он и правда просто очнулся, старый больной наркоман, привязанный теперь к сиделке и инвалидному креслу. Нет, этого не может быть, он не согласен!

— Х-хмг... — только прохрипел мужчина, не в силах произнести и слова.

— Не спешите, Василий Петрович, не все так сразу, — похлопал его по плечу врач, снимая показания с аппаратов. — Хотя уж очень вы бодрый для упавшего с моста человека.

Слезы снова хлынули бурным потоком. Господи, ну почему эти аппараты просто нельзя отключить!

И в этой абсолютной агонии он провел несколько дней, прежде чем его разрешили навещать. Было больно осознавать, что даже когда к нему можно придти — никого не было. Дроздов лежал один, целыми днями глядя в потолок. Единственное, что к нему часто заходили санитарки, медсестры, врачи. Его то мыли, то переворачивали, то кормили, то делали уколы.

Вот она, рутина инвалида. Рутинка реального мира, полная удивительных приключений.

И вот он лежал, с огромным желанием перевернуться набок и подтянуть к груди колени, видя, как медсестра вкатывает к нему тележку с едой. Прелестно, самые яркие моменты дня. Раньше у него был потрясающий выбор разнообразных блюд, что для него готовила Ланса, а сейчас...

Что же там у него на обед? Куриный суп? Борщ? Может опять каша?

— Здравствуйте, Василий Петрович, — хихикнула медсестра, наклоняясь над тележкой. — У нас сегодня... неопознанная субстанция крайне неприятного вида...

Дроздов дернулся, осознавая, что уже слышал этот голос. Перед ним стояла Яниса, в дурацком белом халате размеров на семь больше, чем требовалось. Было просто невероятно

увидеть перед собой богиню, в груди разгорелась надежда, что все не потеряно!

Улыбнувшись, Яниса махнула рукой, и Дроздов ощутил, как душа плавно отходит от тела, направляясь к девушке. Чувствуя себя размытым шаром света, мужчина осматривался вокруг, видя перед ними на каталке не одно тело, а два. Рядом с его лежал Лукас, его светлые волосы спадали с кровати почти до самого пола.

— Я хочу, чтобы ты сделал выбор, — повернулась к его душе Яниса, все ещё с теплой улыбкой на губах. — Я не должна нарушать правил и приходить за твоей душой, но и Ваши нарушил правила. А ещё кое-кто ну уж очень меня просил.

— Ланса? — удивился Дроздов. — Я думал, она переключилась на своего лекаря.

— Ланса тоже очень разбита, едва справляется, — погрустнела Яниса. — Но нет, я не о ней.

— Неужели... Бальфур? — снова не угадал. — Тогда... Нерель?

— Хватит гадать, — рассмеялась богиня, снова указывая на два тела. — Выбор за тобой. Теперь это полноценная услуга за услугу.

Даже не задумавшись, мужчина полетел к телу юного короля.

— Я чувствую, что мой путь ещё не окончен, — сказал Дроздов, обернувшись на богиню, что утвердительно кивнула. — Я готов.

— Тогда вперед, — хихикнула Яниса. — Тебя там уже заждались.

***

Если в прошлый раз он и не заметил как попал в чужое тело, виной всему его состояние, то сейчас переход был не быстрым, а Яниса все время была рядом. Наверное, ей тем же путем нужно было попасть домой.

И когда все вокруг начало светлеть, богиня снова хихикнула, вдруг попросив Дроздова:

— Давай это, подыграй. Незачем людям вникать в тонкости работы души.

Кроме как согласиться — выбора у мужчины не было. Он пожал плечами и, буквально в следующий момент, почувствовал, что лежит на чем-то мягком. В глаза бил солнечный свет, запах цветов чесал нос и ужасно хотелось чихнуть.

Стараясь, чтобы никто этого не заметил, Дроздов приоткрыл один глаз. Так, похоже, это его похороны. Все белое, он лежит среди роз. И целая толпа, наверное, гораздо больше, чем самый вместительный стадион мира. И все плачут. Ближе всего к нему стояли его родственники, принц Адам и принцесса Нерель. В глазах малышки окончательно потух тот живой огонек; все-таки она не зря боялась потерять ещё кого-то из семьи. А ещё Ланса и... Бальфур, что уже и не скрывал своего присутствия.

Заиграла тихая лиричная музыка, Дроздов вдруг испугался, что его вот так положат в землю и накроют ею же сверху, но по смолкшей музыке и охам среди толпы он смог понять, что что-то изменилось. Снова приоткрыв глаз, он заметил, что Яниса, уже в торжественном одеянии, да ещё и с тяжелым венком-коронай на голове, в сопровождении Алетты, движется к нему.

Яниса заговорила, будто не своим голосом, очевидно, публичным:

— За великие заслуги Лукаса Драммонда, как короля, за его изобретательность и милость, я решила даровать ему ещё один шанс. Король погиб в бою, сражаясь за свой народ, но ещё не успел завершить тот путь, что ему даровали боги.

Яниса подошла, поднимая руку на лицом Дроздова.

— Проснись же, сын мой, и пусть продолжится твое становление.

Когда её тонкие пальцы коснулись лба Лукаса, Василий Петрович показательно сделал громкий глубокий вздох и распахнул глаза. Вот богиня кошка хитрая, разыграла спектакль целый! Её фигура тут же растаяла, с ней пропала и её посланница. Зато вся толпа разом ринулась к королю, поднимая его на руки.

— Ну-ну, осторожнее! Второй раз богиня его не вернет! — раздался суровый голос Бальфура, и Дроздова сняли с рук подмышки, ставя на пол.

Как же приятно было вновь видеть эти лица, дышать свежим, полным магии, воздухом и вершить судьбы. Это то, зачем он здесь. То, ради чего он так много прошел.

— Брат! — Адам тут же повис на Лукасе, тихо хныкая ему в шею. — Ты живой!

— Лукас! — Нерель сделала тоже самое, правда, утыкаясь ему в живот.

Дроздов похлопал брата по спине, а малышку погладил по волосам:

— Я ведь обещал, что от меня вам так просто не избавиться! — он тихо рассмеялся. — Я просто не смогу оставить вас одних.

Стоило детям несколько отлипнуть, уже Ланса порывисто обняла короля, чмокнув его в щеку:

— Ваше Величество! Как же вы всех нас напугали! — она утерла слёзы. Ну вот, в их первую встречу все было точно также! — Солдаты вернулись, привезли ваше безжизненное тело! Мы все едва с ума не сошли от ужаса!

— Да я и сам несколько испугался, — почесал затылок Дроздов, решив, что это ещё очень мягко сказано.

— Нужно поговорить, — Бальфур повел короля из ликующей толпы, честно пообещав его вернуть. Когда они отошли от шума и лишних глаз, эльф не слабо стукнул друга в плечо. — Помереть решил, а что с трубами медными делать — так и не рассказал!

Дроздов рассмеялся:

— Ну, в следующий раз буду умирать, только дав тебе все инструкции!

— Не надо нам следующих разов, — Бальфур обнял мужчину через рукопожатие, постучав по спине. — Что вообще случилось? Я думал ты непобедим со своими пушками!

— Против бога Ваши не выстоял, — хихикнула Яниса, появившаяся с Анеттой, но уже в своем привычном образе. — Выполнил мое личное задание.

— Ах вот как, — улыбнулся Бальфур. — Значит, все блага для любимчиков? — его глаза стали хитрыми-хитрыми. — А, не подскажите, как попасть в их ряды?

Богиня мгновенно смутилась, прячась за короля. Дроздов вновь залился хохотом, чувствуя, насколько реально это все стало.

— Вы, не оставите нас ненадолго? — спросил Дроздов, собираясь и с Анеттой поболтать и парочку эту уединить. Ну в самом деле! Как дети малые!

Ещё с минуту он наблюдал, как смущающаяся богиня, нервно перебирает волосы, а Бальфур не сбавляет оборотов, предлагая самые разнообразные свои услуги. Стоят эти двое друг друга!

— Я... хотела вновь поблагодарить вас, — тихо произнесла Анетта, о присутствии которой Дроздов едва не позабыл. Сейчас она выглядела иначе, не такой раненной и болезненной.

— Да... не стоит, — отмахнулся мужчина, вдруг тоже смутившись. Что происходит? — Вы уже благодарили. Да и богиня сполна окупила это.

— Я рада, — опустила глаза Анетта. — Но вы уж постарайтесь больше не умирать. Ещё раз я могу уже её не уговорить.

— О, так это была ты, — Дроздов улыбнулся, несколько иначе взглянув на девушку. — Я уж постараюсь тогда не разочаровать мою спасительницу.

Щеки Анетты мгновенно вспыхнули, и она поднялась на носочки, размазано чмокнув короля в щеку.

— Спасибо, — прошептала она, а Дроздов лишь коснулся места поцелуя кончиками пальцев.

Нет, ну такой расклад ему точно больше нравится!

Больше книг на сайте - Knigoed.net